

Городской парк

Памятник лётчику В.А. Серогодскому

Василий Александрович Серогодский за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленную при этом храбрость 10 февраля 1942 года удостоен звания – Герой Советского Союза.

21 декабря 1942 года он погиб под селом Житкур. В 1953 году его останки были перезахоронены в городе Палласовка Волгоградской области. А через 5 лет, в мае 1958 года, над могилой был установлен памятник, автором которого стал А.И. Круглов.

г. ПАЛАСОВКА, ВОЛГОГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

ВАСИЛИЙ СЕРОГОДСКИЙ
Герой Советского Союза лётчик-истребитель

**Леонид
ДУДИН**

Леонид ДУДИН

ВАСИЛИЙ СЕРОГОДСКИЙ
Герой Советского Союза
лётчик-истребитель

Дом Разума Иванович Дедюхина.

Дом Николая Степанович Дедюхина.

Леонид ДУДИН

Документальная повесть

ВАСИЛИЙ СЕРОГОДСКИЙ

Герой Советского Союза
лётчик-истребитель

Серебро Слов
2019
г. Коломна

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Дудин Л.А., 2019

© Дудин Л.А., обложка, 2019

© Серебро Слов, 2019

Д81

Дудин Л.А.

Д81 ВАСИЛИЙ СЕРОГОДСКИЙ: Герой Советского Союза, лётчик-истребитель. Документальная повесть / Леонид Дудин. – Коломна: Серебро Слов, 2019. – 400 с.: ил.

Предлагаемая документальная повесть по мотивам воспоминаний однополчан рассказывает о короткой жизни Героя Советского Союза Василия Александровича Серогодского, уроженца деревни Германов Починок, что находится на рубеже Костромской и Вологодской областей, и о его боевых друзьях – мастерах воздушного боя.

Василий Серогодский начал войну с первого дня в прославленном 69-м истребительном авиационном полку (9-м гвардейском истребительном авиационном Краснознаменном ордена Суворова III степени Одесском полку), вошедшим в историю Военно-Воздушных Сил страны как полк советских асов, в составе которого сражалось 29 Героев Советского Союза, 4-м из них это высокое звание было присвоено дважды. По боевым заслугам полк не имел себе равных.

Это единственный истребительный полк, участник героической обороны Одессы. За защиту Одесского неба полк был награждён орденом Красного Знамени, а 12 его лётчиков в самом начале войны удостоены высокого звания Героя Советского Союза, в их числе и Василий Серогодский.

Полк участвовал в тяжёлых весенне-летних боях 1942 года под Харьковом, в междуречье Дона и Волги и особо отличился в Сталинградской битве, став полком советских асов, где его командир, Герой Советского Союза подполковник Лев Шестаков, применил тактику атаки всем полком.

Бесстрашные лётчики полка проявили героизм в боях за освобождение Сталинградской и Ростовской областей, Мелитополя, Донбасса и Крыма, принимали участие в штурме Берлина.

Фотографии из семейных архивов, музеев, соцсетей, частных лиц.

ISBN 978-5-907154-10-0

ОТ АВТОРА

Книга о Василии Серогодском выдалась мне каким-то предвидением и в то же время, можно даже сказать, озарением, которое явилось неожиданно-негаданно, воочию и осязаемо.

Я начал писать документальную повесть о своём брате Сергее Анфиногеновиче Дудине, сержанте 6-го истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона 4-й Воздушно-десантной дивизии, погибшего при ликвидации Рамушевского коридора, через который окружённая немецко-фашистская группировка в «Демянском котле» Северо-Западного фронта обеспечивалась всем необходимым для ведения боевых действий.

Брат воевал всего неделю: с 3-го по 10 марта 1943 года. Считался до 1986 года без вести пропавшим. И вот мы получаем известие (сестра Серафима получает): пионеры – следопыты школы села Белебелка Поддорского района Новгородской области в деревне Каркачёво нашли останки Сергея. Сейчас останки покоятся на Самбатском кладбище в братской могиле под № 1638.

Я поздно узнал, что он мне приходится братом по отцу, поскольку в наших семьях и не говорили никогда об этом. Жили да жили, любя и уважая друг друга. Когда я стал знакомиться с документами, то увидел, что родной матерью Сергея является Иларья Разумовна Дедюхина, – родная сестра матери Героя – Александры Разумовны, которые очень рано ушли из жизни. И ещё я увидел, что

Василию Александровичу Серогодскому 21 января 2019 года исполнилось бы 100 лет.

Взволнованный, я немедленно связался с руководством Васильевского сельского поселения и с другими руководителями района и области. Все ответы по случаю юбилейного события были позитивны.

Для работы над книгой мною максимально использовались биографические данные Героя (я родился в Харитонове Починке, здесь прошло детство и юношество, отсюда и был призван в Советскую Армию); все собственные творческие возможности (академик и член президиума Академии Российской словесности), вдобавок – Заслуженный испытатель космической техники (тема почти родная); и, конечно, тексты тёплых воспоминаний соратников Василия Александровича, прошедших всю Великую войну и оставшихся в живых: Дважды Героев Советского Союза генерал-полковника Владимира Дмитриевича Лавриненкова, генерал-майора Павла Яковлевича Головачёва; Героя Советского Союза полковника Алексея Тихоновича Череватенко, ветерана авиации Дмитрия Яковлевича Зильмановича, а также других соратников, – ничего по существу не меняя в их работах.

Ко мне явились воспоминания сестёр Василия Александровича – Галины и Апполинии. Много помогли сведения из интернет-ресурса, экспонаты музея Васильевской семилетней школы, созданного Серафимой Ивановной Морозовой, двоюродной сестрой Героя; прислала ряд фотографий директор музея Борисоглебского училища лётчиков Ирина Алексеевна

Попова; оказали содействие работники музея города Палассовки; прислал ряд материалов из музея московской гимназии № 2072 полковник запаса Геннадий Павлович Максимов и глава посёлка Серогодский Жарасхан Нурхаевич Жолмуханбетов; к месту пришлось школьное сочинение праправнука Василия Александровича, ученика 4 класса Ивана Липаева под руководством правнучки Галины Васильевны Липаевой (г. Нея. 2009).

В написании книги мне оказывали помощь ведущая Солигаличской районной библиотекой им. А.С. Пушкина Суворова Галина Васильевна, редактор газеты «Солигаличские вести» Николай Васильевич Ожигин и многие другие неравнодушные люди.

Особую благодарность приношу руководителям издательства «Серебро Слов» Сергею Сергеевичу Антипову и Денису Викторовичу Минаеву, а также племяннику Героя Василию Александровичу Дедюхину и его жене Зинаиде Николаевне, внучке Героя Надежде Владимировне, писателю Владимиру Алексеевичу Дудину, моей жене Дудиной Нине Михайловне, главе Васильевского поселения Чистяковой Римме Алексеевне и многим другим добрым людям.

К великому сожалению, в книге представлено не так много фотографий. В те времена их делалось мало, а что и были, то многие растерялись по фронтовым путям-дорогам. Но и те редкие снимки (в том числе деревенские), пусть даже низкого качества, решено было поместить в книгу. Пусть они как живые памятники, а, может, как колокола бесстрашных времён уместятся среди

документальных страниц повествования, чтобы волновать смыслом жизни наши души.

Подумать только! Командиру полка – Льву Львовичу Шестакову – 26 лет. В полку только комсомольцев 200 человек (18–25 лет!). Беззаветные защитники Отечества, оставшиеся навсегда молодыми...

Надо бы вот это глубоко осознать, читая строки документов, и принять их и душой, и сердцем, – за Истину. Целиком и полностью.

Мне не пришлось ничего придумывать. Мне пришлось лишь собрать воедино множество документов, организовать встречи с родственниками, с детьми и внуками однополчан. Я работал с добрыми людьми и документами, поскольку не мог помнить тех далёких военных событий. Но фрагменты деревенских военных будней со мной как наяву, лишь стоит закрыть глаза. Хотя на момент гибели Василия Александровича мне исполнилось всего 6 лет.

Я очень дружил с тётей Полей, сестрой Героя. Её дети, по мужу, Александру Николаевичу Дедюхину (мой дядя) – 4 сына – Александр (1934), Николай (36), Владимир (39), Василий (42) – разница 2–3 года – все мне приходится двоюродными братьями (я – с 36-го). А дед у нас был один Николай Степанович Дедюхин. Об этом будет рассказано в следующих главах.

И написал я однажды стихотворение, посвящённое памяти единственного брата тёти Поли, ещё при её жизни.

В ДОМЕ ДЕДОВОМ

*Светлой памяти
Героя Советского Союза
Василия Серогодского*

Тётя Поля, присядем рядом,
Для тебя я – считай что сын.
И для святости, и отрады
Память светлую пригласим.

Словно в детстве – легко, привольно
В доме дедовом, в старине.
Солнце майское пляшет в поле,
Кувыркается по стерне...

Со стены, нас моложе вдвое,
Дядя Вася глядит светло...
И не меркнут глаза Героя
Сколько б времени ни прошло.

С каждым годом – на расстоянии
Сорока уже с лишним лет –
Всё тревожней воспоминанья,
Всё пронзительнее портрет.

Тётя Поля, в боях воздушных
Дядя Вася не раз бывал.
Наше детство и наши души,
Как Отечество прикрывал...

Мы теперь повзрослели. Сами
Крылья сильные обрели,
Сами – венчаны небесами
С обаятельностью земли.

И, как совесть, портрет Героя
Оселяет нас со стены...
Тетя Поля, нам нет отбоя,
Нет покоя и тишины.

Май, 1979 года

Мой дед по материнской линии, Николай Степанович Дедюхин, приходился тётке Поле свёкором. Она и прожила всю жизнь с детьми в его доме с первого дня, как привелась в него, до самого успения.

Встав в ряды воздушных бойцов с 22 июня 1941 года – начала Великой Отечественной войны – в составе 69-го истребительного авиационного полка, В.А. Серогодский особо отличился в 73-дневной героической обороне Одессы, где совершил 139 боевых вылетов, в том числе более 104 штурмовок живой силы и техники румыно-германских войск и провёл более 10 воздушных боёв, в которых лично сбил 2, и в группе с товарищами – 4 самолёта противника. Летал 16 раз в разведку, многократно сопровождал своих бомбардировщиков.

В числе первых 12 лётчиков полка Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля

1942 года был удостоен звания Героя Советского Союза.

Участвовал в составе 9-го гвардейского истребительного полка советских асов (переименованного 69-го) в битве под Сталинградом, где общий счёт его боевых вылетов достиг 228.

Командир эскадрильи Герой Советского Союза В.А. Серогодский, кроме ордена Ленина и «Золотой Звезды Героя», был ещё награждён двумя орденами «Красного Знамени».

Погиб в дни Сталинградской битвы 24 декабря 1942 года при испытании самолёта Як-1. От роду 23-х лет.

Лётчики 69 истребительного авиационного полка, отличившиеся в боях за оборону Одессы, на отдыхе в период переформирования полка. Кировабад (Гянджа), Азербайджанская ССР, февраль-март 1942 г.
Сидят слева направо: Г.М. Сечин, А. Т. Череватенко, И.Г. Королёв, В.А. Серогодский, В.В. Шелемин.
Стоят слева направо: Н.Т. Ковальский, А.В. Алелюхин, И.П. Богачек, В.Е. Бондаренко, П.Н. Чадович, Д.И. Козаков.

РОДИНА

Василию Дедюхину, с поклоном

Что нам близко, припомним,
и дорого,
И уедем за сотни мостов,
По знакомой дороге на Совету –
Далеко, за Великий Ростов.

Пусть асфальт, закипая под шинами,
Остаётся, как дым, позади,
Где в преданье уходят большие
И поля, и леса, и сады.

Только скорость пристопорить
надо бы, –
Ни к чему эта пляска страстей,
Эти жгучие вечные жалобы,
Устающих от нас скоростей...

Мы приедем в Починок усталыми,
И на речке, у бань, на мысу,
От столичной отмывшись окалины,
Упадём в родовую красу.

Расцелуем прибрежные лилии,
Землю с дедовым домом большим,
Где берёз белоствольные линии
Затухают в печали вершин.

Глава I. Рождённый летать

Место рождения. Германов Починок – Харитонов Починок. Советга. Дом Серогодских – дом Шестаковых. Пятнишная гора. Часовня Святой мученицы Параскевы Пятницы. Дом Разума Ивановича – родительский дом матери Героя Александры Разумовны. Родители. Сёстры. Васильевская школа. Ленинград. Балтийский завод. «Летать всех выше, всех дальше, всех быстрее». ФЗУ. Перелёты Валерия Чкалова, Михаила Громова, Сигизмунда Леваневского, Полины Осипенко... Арматурный цех. Комсомольская Характеристика. Вечерняя школа. Сантиметры роста. Аэроклуб. Путёвка в авиацию. 2-я военная Борисоглебская школа летчиков Красного Воздушного Флота.

У дома дедова. Слева направо: Голубев Виктор Африканович, Дудина Вера Александровна, Дедюхин Василий Александрович, Дудин Михаил Николаевич, Морозов Юрий Александрович, Суворова Галина Васильевна, Иванова Нина Ивановна, Суворов Сергей Николаевич, Дудин Леонид Анфиногенович, Кузьмин Денис, Дудина Нина Михайловна, Дедюхина Зинаида Николаевна, Кузьмина Светлана Владимировна, Сергеева Галина Юрьевна, Дудин Александр Александрович, Голубев Юрий Африканович. 29 августа, 2016 год.

Фото Владимира Дудина

Родился Василий Александрович Серогодский 21 января 1919 года в деревне Германов Починок Костромской области, Солигаличского района, Васильевского сельского совета.

Само местечко, с деревнями вместе, называется Совега, с ударением на букву «о». Названо в честь речки с тем же именем.

Территориально эта местность принадлежала в разные времена истории Олонецкой, Архангелогородской, Вологодской, Ярославской, Ивановской, Костромской губерниям и областям.

Совега (Совдюга, Совьюга) – левый приток Вои, финно-угорское название. Основа **совь**; ср. саамское **suovv** – «дым; дом, жилище». Формант- юга; ср. древнее финно-угорское название **iug** – «река». Писцовые книги XVII века и генеральные планы Вологодского наместничества отмечают реку под названием Совдюга (*Колесников, 1971*). Ныне река Совега.

В те годы, когда родился Василий Серогодский, на Совеге было 15 поселений: село Великово; деревни Макарово, Соболево, Васильево, Лихотинка, Большое Токарёво, Малое Токарёво, Пуховицыно, Простотино, Петряево, Прокошево, Беляево, Букино и два Починка – Харитонов и Германов. Всего в поселениях Совеги на учёте состояло 592 хозяйства, в которых числилось 3116 человек населения.

В Харитонове Починке – 215 человек (45 домов), в Германове – 32 дома (176 человек). Между

ними на шаговом расстоянии протекает другая речка – **Водопойница (Водопоица)** – правый приток Совеги.

Далее реки Воя – Сухона – Северная Двина.

Ныне речка тоже называется Водопойницей, протекает посредине гнезда совыюгских (совежских) деревень. Такие названия давались речкам, откуда население брало воду для питья.

У жителей Совеги было два пути выхода в «свет»: один путь лежал через город Солигалич (районный центр, Костромская область) – 35 километров – Буй – Москва или Ленинград. Другой – на пристань Ихалицу – 30 километров через болото Большая Чисть (р. Сухона – Вологда – Ленинград).

Уникальная местность на отрогах Северных увалов среди тяжёлых болот!

Над местными шутили: «Шестнадцатая республика». Официальных республик в СССР было 15.

Из имеющихся источников известно, что совежская местность уже в начале XVII века была населена людьми. Можно предполагать, что в основном населяли эти таёжные земли или просто искатели новой жизни, но смелые люди, бежавшие от помещичьего гнёта, или не хотевшие насильственного переселения в Сибирь, путь в которую лежал по Сухоне – Вычегде и – за Урал,

Надо помнить, что в наших глухих краях «на протяжении столетий проживали вольные казаки (новгородские ушкуйники), освоившие на своих судах-ушкуях практически всю территорию

Северной Руси, включая и местность вдоль реки Сухоны и её притоков. И можно быть уверенным, что у многих коренных жителей Совеги найдётся далекий предок – удалой новгородский ушкуйник, или вольный казак.

Казачество – это не лампасы и шашки наголо. Казачество – явление чисто русское и может быть понято только в рамках истории России. «Казаки, – писал П. И. Краснов, атаман Всеволодского Войска Донского, – русские люди, но разница между казаком и просто русским лишь в том, что казак всегда активно боролся за русские интересы и старался сохранить свой быт в полной неприкосновенности: от веры дедов и отцов, их песен и домашнего уклада жизни, обычаев, нравов, одеяния, походы – до всего того, от чего так славно веет Святой Русью».

Казак – это, прежде всего, вольный человек, который не гнёт шапки перед сильными мира сего, не преклоняется бездумно перед ложными авторитетами. Для казаков всегда основным и первичным была вера в Бога, духовная жизнь, а только потом уже – земное, материальное. Казак всегда мог стать достойный представитель любого сословия Российской империи, и в то же время подлецы и трусы изгонялись из казачьих общин. На Совеге никогда не было ни помещиков, ни капиталистов.

Может быть, в этом и заключается самобытность жителей совежского края, их удалая самоотверженность при защите своей Родины,

и не случайно здесь состоялось 3 Героя Советского Союза из пятисот воинов, призванных на борьбу с фашистами?

Оба Починка (Германов – изначально назывался: Ермаков) – и Харитонов одинаковы по духу и похожи на близнецов-братьев, но имеют и свои особенности.

Во-первых, это самые дальние северные поселения Костромской области, да и Советы. Во-вторых, ещё в тридцатые годы прошлого века в Харитонове Починке жил народ только с фамилией Дудины. В Германове преобладала фамилия Дедухины, следом, по числу, шли семьи – Серогодские. И единственная семья носила фамилию – Шестаковы. Это однофамильцы того легендарного Льва Львовича Шестакова, Героя Советского Союза, командира 69-го истребительного авиационного полка – полка чести, доблести и славы не только Вооружённых сил СССР, но и всего нашего Отечества.

Дом семьи починовских Шестаковых стоял на той же улице, против дома Серогодских (где родился и наш будущий Герой). Всё равно, по мне, что-то неведомое, глубоко тайное, в этом сочетании есть: пути Господни, как говорится, неисповедимы. Что хочешь, то и думай. Но эти две редкие фамильные линии счастливо, но и трагически пересеклись. Лев Львович Шестаков также не доживёт до Победы – погибнет 13 марта 1944 года в бою у села Давыдовцы Хмельницкой области.

Ещё Германов Починок знаменит мощным (около 50 литров в минуту) святым Источником (Ключом). Единственным по мощности на всю Советскую Россию. Он вытекает из-под Пятнишной горы. Имя горе дала часовня св. Параскевы Пятницы. В метрах пятнадцати от Ключа, не далее, – огромный деревянный двухэтажный дом Дедухина Разума Ивановича.

В этом доме и родилась мать Героя – Александра Разумовна – первенец семьи. Далее шли дети Иларья, Иван, Екатерина, Мария, Алла – все тётки и один дядя Василий.

Замуж отдали Александру Разумовну не очень далеко – за 200 метров от родного дома – за Александра Александровича, в семью Серогодских. Родители Василия занимались работами по сельскому хозяйству, семьёй. Александра Разумовна, скромная, трудолюбивая женщина, искусная мастерица, любящая своих детей, умерла в 38 лет. От чего – не известно. После смерти оставила пятерых детей. Старшей, Галине, исполнилось 18 лет, Полине – 16, Екатерине – 13, Василию было 8 лет, а младшей Марии – 6. Отец, Александр Александрович, участник 1-й Мировой войны и революции, грамотный и начитанный человек, очень любил работу, охоту, мог целыми днями пропадать в лесу.

После смерти жены он уехал на Волховстрой. Тогда отхожие промыслы являлись хорошими денежными приработками к содержанию дома

и семьи. По неизвестным причинам отец из Волхостра не вернулся. Дом осиротел.

Всё хозяйство и младшие дети остались на старших сестрах Галине, Полине и родственниках, которые жили недалеко от них.

Во время войны мы, дети, часто целыми днями пропадали в родительском доме Александры Разумовны, когда матери, уходя на работы, оставляли нас малышей, как в детском саду, на попечение деда Разума, или в другую семью Дедюхиных – деда Николая, свёкора тёти Поли – сестры Героя. Но слова об этом будут сказаны ниже.

1927 году Василий поступил в Васильевскую начальную школу, учился в ней пять лет. Пятый класс закончил в 1932 году. Семилетки на Совете тогда ещё не было. Учился хорошо, особенно увлекался рисованием, много читал, любил математику. Он рос трудолюбивым, отзывчивым, смелым мальчиком.

Если выделять Василия из общей группы сверстников, то, в общем-то, можно сказать, подросток как подросток. Но те поколения (и даже наше, послевоенное) к 13 годам почти все уже были готовы к большому труду, все росли патриотами Родины и все способные к поступку ради её защиты. И просто к Поступку с большой буквы.

В этом романтическом возрасте, поскольку тяга к учёбе и социальная жизнь заставляли

шагать за горизонты таёжных лесов, – Василий едет в Ленинград к старшей сестре Галине. Она была замужем за дядей Митей Поповым (Дмитрием Ивановичем), родом из соседней деревни Великово. Они жили в Ленинграде, дядя Митя работал мастером на Балтийском заводе.

Эти замечательные люди и приютили Василия у себя. Они помогли ему устроиться в ФЗУ (фабрично-заводское ученичество), где он учился два года. В 1935 году пошёл работать токарем на Балтийский завод.

Но надо представить то время, когда вся жизнь страны была пропитана магией авиации, что наша авиация – самая сильная в мире, что мы летаем выше всех, дальше всех, быстрее всех.

«Задача летать быстрее, выше и дальше» – загл. передовицы «Правды» от 18 авг. 1934 г. в связи с праздником авиации в Москве. Также: «Мы должны летать выше, дальше и быстрее, чем кто либо в мире», – требует начальник Военно воздушных сил РККА т. [Я. И.] Алкснис». В окончательной форме лозунг закрепляется в 1935–1936 гг. «Летать всех выше, всех дальше, всех быстрее» – загл. речи летчика В. С. Молокова на III съезде советов Московской области.

Кто в те годы не восторгался подвигом Анатолия Ляпидевского, Николая Каманина, Маврикия Слепнёва, Ивана Доронина, Василия Молокова, Михаила Водопьянова, спасших экспедицию челюскинцев в 1934 году

и первыми удостоенных звания Героев Советского Союза! Кто не был восхищён знаменитыми перелётами Валерия Чкалова, Михаила Громова, Сигизмунда Леваневского, Полины Осипенко! И Василий, эмоциональный юноша, принимал эту общую восхищённость Отечества, как свою.

Он в эти годы одновременно учится в общей и парашютной школе, потом в планерной. Получил звание инструктора-планериста. Но на этом Василий не успокаивается. Он решает поступить в лётную школу, а туда принимают только с документом о среднем образовании. Тогда он стал по вечерам ходить в читальный зал при аэроклубе, хорошо подготовился к экзаменам и успешно сдал их. «Но медицинскую комиссию, – по словам сестры Галины, – не прошёл, не хватило длины ног, всего-то двух сантиметров. Вася тогда со слезами пришёл домой, очень было обидно. Через несколько месяцев подрос и в дополнительный набор его зачислили в лётную школу. Вася очень радовался. Мечта осуществилась. Администрация завода дала характеристику для поступления и дальнейшего обучения авиационному делу».

Текст её, к счастью, сохранился.

Характеристика

Василию Александровичу Серогодскому, комсомольцу арматурного цеха в том, что он состоит в рядах ВЛКСМ с 19 VII 1932 года. За время

пребывания в рядах ВЛКСМ проявил себя с хорошей стороны.

В. т.э. (вступительные теоретические экзамены – Л.Д.) как I ступени, так и II ступени, сдал первым. (Прыжок с крыла самолета с парашютом). На производстве работает по-стахановски.

Характеристика дана для поступления в школу гражданско-воздушного флота.

21 III 1936 года.

*Комсорг арматурного цеха
(подпись)*

В 1936 году Василий поступил в ленинградский аэроклуб и успешно заканчивает его.

Из официальной биографии: «В 1937 году 18-летний выпускник Ленинградского аэроклуба В. Серогодский был направлен по комсомольской путевке в Борисоглебскую военную авиационную школу летчиков, которую успешно закончил в 1938 году».

Здесь начинаются разночтения биографии. Некоторые авторы пишут, что Василий Серогодский поступает в Запорожскую школу, а заканчивает Борисоглебскую и направляется служить в Заполярье. Полагаю, что он не учился в Запорожской школе, а направлен был, после окончания Борисоглебской, служить в Запорожье (Заполярье-Запорожье), где и формировался 69 авиационный истребительный полк.

Братья Серогодские: Михаил Александрович (1891 г.р.) и Александр Александрович (1885 г.р.) – дядя и отец Героя. Участники 1-й Мировой и гражданской войн (д. Германов Починок).

Дом Дедюхина Разума Ивановича. Здесь родилась мать Героя – Александра Разумовна, её сёстры и брат: Ильярья, Екатерина, Иван, Мария, Алла. Дом почти разрушен, но представить можно, каким он был громадным. С этим домом связано детство Героя, здесь же родились дети Ивана Разумовича и Александры Николаевны Фёдор, Люба, Серафима, Николай, Анна, Мария. Александр

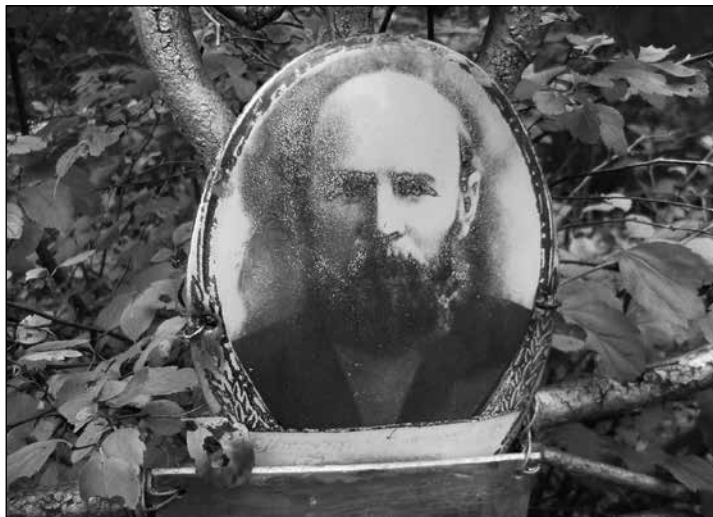
*Сёстры Героя:
Апполинария (слева) и Галина*

*Место часовни
Параскевы Пятницы*

Вид с околицы Германова Починка на Харитонов. Слева в берёзах и липах дом Леонида Дудина, за ним – справа, дом Владимира Дудина

Дедюхин Николай Степанович, свёкор сестры Героя – Апполинарии Александровны. Он же дед автора книги и писателя Владимира Дудина, и племянников Героя

Дом Николая Степановича. Здесь родились его дети Александра, Мария, Александр, Анна, Василий, Иван. Здесь родились в семье Александра Николаевича и Апполинарии Александровны племянники Героя – Александр, Николай, Владимир, Василий

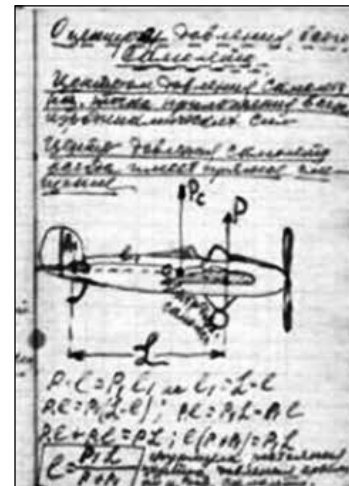
*Васильевская школа.
Здесь учился будущий Герой*

*Родной Ключ.
Много воды утекло с тех веков,
как найдена была Совега.
Но Ключ не иссякает*

*Христорождественская церковь на краю деревни Великово.
Рисунок. Теперь её нет. Лишь место крестом обозначено*

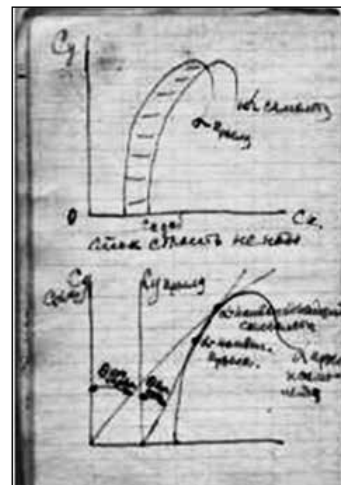
Фрагменты записной книжки

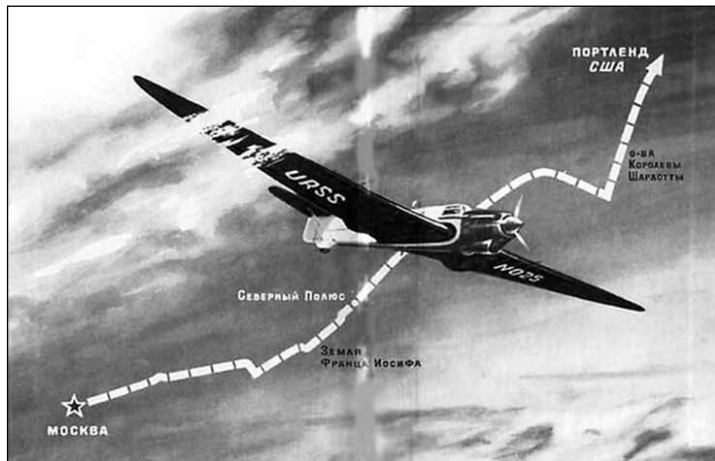

Здание Ленинградского
аэроклуб-музея

Учащийся ФЗУ

Маршрут в Соединённые Штаты Америки.

Геннадий Гайдуков, Валерий Чкалов, Александр Беляков.

Поскольку в списке Героев Советского Союза Василий Александрович значится всё же при Борисоглебской военной авиационной школе, то познакомимся с ней поближе. А может он на самом деле проходил в ней только практику?

В декабре 1922 года начальником Главного управления Красного Воздушного Флота был издан приказ о формировании в Борисоглебске авиашколы. Школе присваивалось наименование **2-я военная школа летчиков Красного Воздушного Флота**. Сокращенно её стали называть «2-я ВШЛ КВФ». Формирование производилось из кадров и средств, выделенных отделом устройства и службы Главного управления Красного Воздушного Флота и дивизиона авиаспециалистов. Всё, что выделялось для 2-й ВШЛ, сосредоточивалось на московском аэродроме. С 6 по 13 апреля 1923 г. школа двумя эшелонами передислоцировалась из Москвы в Борисоглебск.

26.10.23 г. состоялся первый выпуск курсантов. 07.12.23 г. – второй выпуск – 9 курсантов. К концу 1924 года летная школа была почти полностью укомплектована.

В 1924 г. школа сделала 8 выпусков и подготовила 92 летчика, из них 75 направила в Московскую первую высшую школу краснолетов и 17 – в Высшую военно-авиационную школу воздушной стрельбы и бомбометания в Серпухов.

Постепенно школа развивалась. В 1929–1930 г.г. 2-я ВША имела три аэродрома: центральный – на окраине Борисоглебска; второй – километрах в десяти от него за железной дорогой, его еще называли «Верхним», летали с него только на У-2; и третий – в лагерях у посёлка Танцереи, в полусотне километров на юг от города.

1936 год – самолётный парк школы пополняется новейшими по тому времени образцами самолетов: Ут-2, СССР – зет, СБ, И-16.

1937 – школа становится полностью истребительной. Самолетный парк пополняется самолетами только истребительного типа: УТИ-4, ДИ-6, И-5, И-16.

1938 – в школу поступают самолеты УТ-1, УТ-2, И-15, УТИ-4, И-16. В дальнейшем обучение проводилось на самолетах УТ-2, И-15 (до 1940 г.) и на И-16 (до 1942 г.)

28.12.38 г. согласно приказу наркома обороны СССР Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова школе было присвоено имя В.П. Чкалова – выпускника первого выпуска, погибшего незадолго до этого.

В 1940 г. школа получила новое наименование, в котором закреплялось место базирования: **Борисоглебская военная авиационная школа пилотов им. В.П. Чкалова.**

С первых дней Великой Отечественной войны на Борисоглебскую авиационную школу легла дополнительная нагрузка по обслуживанию перелетавших на фронт авиачастей. На школьные

аэродромы садились и самолеты перебазировавшихся на восток военных школ из Харькова, Чугуева, Воронежа, Кременчуга и других городов. Борисоглебский аэроузел обслужил во второй половине 1941 года 2242 самолета, а всего за годы войны было обслужено около 16 тысяч самолетов.

Всего за время работы Борисоглебской авиашколы около 260 выпускников училища стали Героями Советского Союза, а 9 из них удостоены этого звания дважды.

...В конце апреля 1975 года принял первых посетителей музей училища, среди которых были Главнокомандующий ВВС главный маршал авиации П.С. Кутахов и другие представители. Состоялось торжественное вручение Борисоглебскому высшему военному авиационному училищу летчиков имени В.П. Чкалова ордена Ленина и Почётного революционного Красного знамени, которым училище было награждено ранее.

Учеба в лётной школе требовала прочных знаний и полной самоотдачи.

Надо только посмотреть на страницы сохранившейся записной книжки Василия Александровича, где он записывал различные теоретические сведения, формулы, делал зарисовки и чертежи, другой материал, усвоение которого требовало знания физики, механики, аэродинамики и ещё многих незнакомых дисциплин.

А ведь он окончил только пять классов начальной школы да за плечами два года в ФЗУ, да за плечами вечерняя средняя школа! Несомненно, Василий был целеустремленным, волевым человеком, который все усилия приложил для осуществления своей мечты – летать.

Некоторые странички из его записной книжки приложены (Вкладка главы I)

Мне рассказывает Василий Александрович Дедюхин, племянник Героя, сын тёти Поли: «Отпуска дядя Вася проводил на Починках. Он и в отпуске занимался авиационным делом. Когда ломали дом (*родовой, на Починке – Л.Д.*), то находили очень много тетрадей, отме-

ченных схемами, текстами, различными фигурами самолётиков. Мы были малы и не понимали, что это такое. Посмотрим да и бросим туда, где взяли... Жаль, очень жаль».

Кстати младшего сына тёти Поли и называли-то в память своего дяди – Василием. Ходит сейчас он по музеям, родственникам, ищет фото, письма, помогая завершить книгу. Жалеет, что так получилось, что многое не сохранилось.

Я тоже много раз бывал в доме, когда там уже никто не жил, с другим племянником – Николаем.

Мы были подростками, нам надо было уже что-то посерьёзнее, а точнее предметы охотничьего хозяйства: патроны, порох, шомпола, пыжи. И, конечно, точно знали, что в доме есть где-то ружьё. И мы со временем нашли всё-таки немного поржавелую винтовку, завернутую в холст. Но затвора в ней не было. Видимо, отец Героя, на всякий случай, прихватил боевую единицу ещё с гражданской войны, – не пригодилась, – а уходя на заработки, предусмотрительно спрятал – от беды подальше. Куда она потом делась – не знаю. Потому как мне мой отец – я учился в пятом классе – купил лёгкую берданку и ещё потрёпанную вологодскую хромку-двухрядку (это ему стоило всего один пуд картошки).

Предлагая сейчас читателю некоторые найденные данные, у меня нет сомнений об окончании какой лётной школы идёт речь, хотя название её за короткий промежуток времени (за два года – апрель 36 года – май 38 года) – менялось 5 раз. Но, конечно, Борисоглебская.

А название школы менялось так:

– 2 военная Краснознамённая школа лётчиков им. ОСОАВИАХИМА СССР (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству) – 31 декабря 1933–25 апреля 1936 г. (Борисоглебск);

– 2 военная Краснознамённая школа командиров звеньев ВВС РККА – 26 апреля 1936–9 марта 1937 г. (Борисоглебск);

– 2 военная Краснознамённая школа лётчиков истребителей им. ОСОАВИАХИМА ВВС РККА – 10 марта 1937–26 мая 1938 г. (Борисоглебск);

– Борисоглебская Краснознамённая военная авиационная школа им. ОСОАВИАХИМА ВВС РККА – 27 мая 1938–2 января 1939 г. (Борисоглебск);

– Борисоглебская авиационная школа им. В.П. Чкалова – 3 января 1939 – ... (Борисоглебск).

(из исторического формуляра Борисоглебской авиашколы, Фонд № 34273 (1923–1939 гг.))

За период обучения Василия Александровича сменилось три начальника школы. Ими были:

1. Сорокин Яков Васильевич (35–37);
2. Богослов Иван Ефремович (37–38);
3. Ухов Валентин Петрович (38–40).

На всех фото с выпускниками 1938 года – Ухов Валентин Петрович.

Краткие биографии тех, кто принимал, учил и выпускал из школы в небесную жизнь Василия Александровича Серогодского, приведены ниже.

Сорокин Яков Васильевич (1893 – 4 октября 1938).

Родился в русской семье, служил в царской армии, где дослужился до звания унтер-офицера.

Командовал 2-й бригадой 39-й стрелковой дивизии, затем всей дивизией, позднее 1-й

бригадой дивизии. Последовательно командовал 3-й бригадой 8-й стрелковой дивизии, 95-й стрелковой бригадой, 94-й стрелковой бригадой, 80-й стрелковой бригадой.

Закончил курсы «Выстрел», военную академию имени М.В. Фрунзе.

Руководил военными образовательными учреждениями: Одесской пехотной школой, 8-й военной школой пилотов, 2-й военной школой лётчиков (1935–1937).

В октябре 1938 погиб в ходе операции по спасению совершившего вынужденную посадку самолёта «Родина».

Богослов Иван Ефремович (1898–15 февраля 1976 года)

Родился в селе Долгий Мох, Могилёвской области, Белоруссия.

Получил образование учителя.

В 1917 году был призван в армию.

В 1935 году поступил в Московскую академию.

С 1937 года по 1938 годы был начальником Борисоглебской лётной школы лётчиков-истребителей.

В 1938 году был арестован и перевезён в Сталинград. Через 2 года и 2 месяца был оправдан как невиновный, восстановлен в звании комбрига и были вернуты все правительственные награды.

Умер в 15 февраля 1976 года и похоронен в Куйбышеве, ныне Самара.

Ухов Валентин Петрович (29.01.1908–10.07.1957). Русский.

В Красной Армии с 1928 года.

Окончил Борисоглебское авиационное училище лётчиков.

К лету 1935 года произвёл более 1.500 учебных взлетов и посадок.

В звании капитана командовал отрядом в 8-й Одесской школе пилотов Киевского военного округа.

Участвовал в боевых действиях в Испании. был командиром 1-й эскадрильи истребителей И-16.

С 1948 года по 1949 год учился в Академии Генштаба.

30 ноября 1950 года был арестован по обвинению в антисоветской деятельности и вредительстве. осуждён на 10 лет лишения свободы в ИТЛ. Освобождён 27 июля 1953 года и реабилитирован в 1954 году.

Умер 10 июля 1957 года. Похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

Вот так из-за кадровых и структурных перемен и возникла сложность по поиску фотографий и других документов. Полагаем, что найдутся. А коль нет, то пусть приложенные в книгу реликвии и фото других выпускников оставят небольшой след эпохи, в которую жили наши старшие братья.

Сомнения полностью развеялись, когда нашлось имя Василия Александровича под номером «226. Серогодский Василий Александрович – 1938, 10.02.1942» в списках Героев Советского Союза выпускников, где первая цифра – год выпуска, вторая – время присвоения этого высокого звания. Списки составлены в алфавитном порядке.

Кроме того, в училище оборудован стенд Героев. Там также в алфавитном порядке фамилия нашего Василия Александровича вписана золотыми буквами в историю знаменитого учебного заведения. Благодаря стараниям директора музея Борисоглебского высшего военного авиационного училища им. В. П. Чкалова Поповой Ирине Алексеевне удалось получить фотографию выпуска 1938 года и выделить из большого стенда плиту с дорогим нам именем. Другого пока не получилось.

Осенью 1938 года, успешно окончив училище, младший лейтенант Василий Серогодский направляется в Запорожье в 6-ю истребительную авиаэскадрилью 1-го тяжелого бомбардировочного авиационного полка 3-й авиационной армии Особого назначения. Здесь и началась его боевая служба.

Здесь мы видим, что соседями нашего Василия Серогодского являются Виктор Талалихин, Валерий Чкалов и земляк из Углича Евгений Чистяков

Боевые друзья. Крайний слева – Василий Серогодский

Курсанты. 80 лет спустя

Здание Борисоглебской школы лётчиков, 1937 год

Борисоглебское высшее военное училище лётчиков (БВВУЛ) им. В.П.Чкалова

Дом офицеров

БВВУА им. В.П. Чкалова. С высоты птичьего полёта

Драмтеатр им. Н.Г. Чернышевского

Гимназия № 1

Борисоглебск. Старая улица

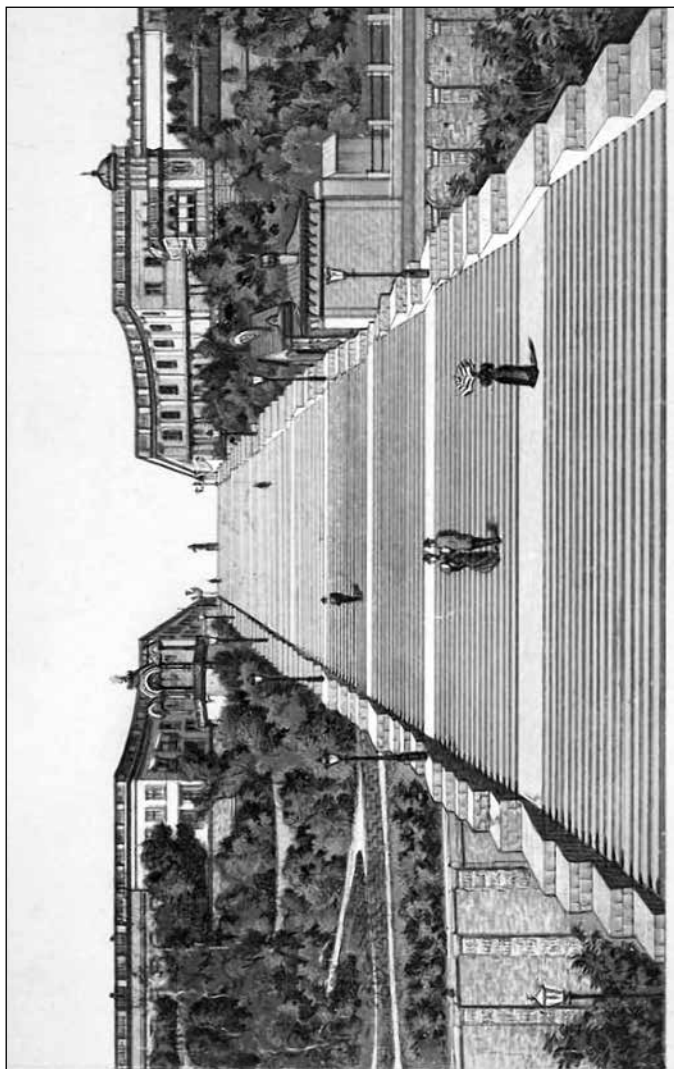
Вокзал

Глава II. Завтра война

Формирование полка. Станция Мокрая, Запорожье. Командир полка Баранов Павел Николаевич. Заместители командира. Неприятности при формировании. Приказ о переводе базирования в Одессу. Школьный аэродром № 1. В составе 21-й смешанной авиадивизии (САД) полковника Д.П. Галунова. Переезд семей в Одессу. Выступление Главкома ВВС Одесского округа комбрига Александра Ивановича Гусева. Майор Алексей Николаевич Марьинский – 2-й командир полка. Капитан Иосиф Егорович Капустин. Боевое крещение. Поведение руководства. Работа штаба. Первый день войны глазами участников.

Вид с моря. Потёмкинская лестница.

Гвардейский истребительный авиационный полк (ГИАП) – пока 69-й, без титула «Гвардейский» и наград, был сформирован 13 сентября 1939 года на станции Мокрая города Запорожье на базе 6-й истребительной авиаэскадрильи 1-го тяжёлого бомбардировочного авиационного полка 3-й авиационной армии Особого назначения, а также лётного и технического состава ещё трёх эскадрилий той же армии. На вооружении полка состояли самолёты-истребители И-16.

Формированием полка занимались:

- командир – майор Павел Николаевич Баранов,
- военком – старший политрук Николай Андреевич Верховец,
- начальник штаба – капитан Виктор Семёнович Никитин,
- помощник командира – майор Лев Львович Шестаков,
- старший инженер – Николай Яковлевич Кобельков.

Павел Николаевич Баранов родился в Рыбинске в 1906 г. С детства мечтал стать художником, но его мечте суждено было сбыться только через 40 лет. В 1926 г. по призыву комсомола поступил в Ленинградскую военно-теоретическую школу лётчиков. В 1929 г. был направлен в Витебск, где служил в 4-м авиационном отряде.

С 1936 г. в Брянске – командир 61-й истребительной авиаэскадрильи. В этом же году за отличное освоение новых скоростных самолётов И-16 и И-25 награждён орденом Красной Звезды.

В сентябре 1939 г. возглавил им же сформированный 69-й ИАП.

В декабре 1940 г. направлен на курсы командно-штурманской академии ВВС. После её окончания майор Баранов вернулся в Одессу и приступил к комплектованию 286-го ИАП из младших лейтенантов и сержантов, окончивших Чугуевское военно-авиационное училище лётчиков-истребителей.

После начала Великой Отечественной войны, в конце октября, полк охранял транспортные самолёты, снабжавшие блокадный Ленинград, не допустил ни одной потери сопровождаемых самолётов. После снятия блокады полк был расформирован. П. Баранов продолжил войну в Заполярье.

За время военной службы П. Баранов был удостоен 14 государственных наград. В 1950 году вышел в отставку в звании полковника.

В середине 1960-х гг. работал художником-оформителем на Витебском ковровом комбинате.

Особое место в творчестве П. Баранова занимает военно-историческая тема и портреты участников войны. Последняя прижизненная персональная выставка художника состоялась в 1986 г.

Умер в 1991 году.

На должности командиров и военкомов эскадрилий были назначены: Леонтьев, Н.А. Пискунов, Матвеев, Ю.Б. Рыкачев, И.Е. Капустин, Ф.Н. Дубковский, П.И. Жидков, А. Никитин, инспектором по технике пилотирования полка – капитан М.Д. Хвостов, инженерами: по вооружению – И.А. Орлов, по специальному оборудованию – Ф.А. Пронин, инженерами эскадрилий – Д.В. Спиридонов, П.Ф. Фёдоров, Б.Я. Воробейчик, А.П. Золотарёв, а позднее сменившие их Н.Ф. Юдин и Н.А. Бутов. Все они являлись надёжными руководителями своих подразделений и служб.

Едва закончилось укомплектование эскадрилий и формирование служб, как полк в составе четырёх эскадрилий И-16 получил приказ перелететь на постоянное место базирования в Одессу, на Школьный аэродром № 1. Здесь он вошёл в состав 21-й смешанной авиадивизии (САД), которой командовал полковник Д.П. Галунов. Это случилось в октябре 1939 года.

Жизнь завертелась в стремительном вихре. Требовалось срочно слётывать полк, обучать личный состав ведению боевых действий.

Начали летать – а тут посыпались тяжёлые неудачи: одна за другой несколько аварий.

Лев Шестаков, отвечающий за лётную подготовку, очень переживал: в чём дело? Где корень зла? Докопаться до истинной причины никак не могли, пока не разобрали до последнего винтика моторы аварийных самолётов. Оказалось, виной всему – главный подшипник коленчатого вала: он разрушался.

Были и другие неприятности. Процесс становления не так прост... Наконец вновь рождённый полк перестало лихорадить. Пошла ритмичная плановая учёба. Теперь можно было подумать и о семьях, забрать их в Одессу.

Вскоре военный городок наполнился детским смехом, женщины стали приводить в порядок его территорию, разбивать клумбы, сажать цветы.

Историческая справка

Территория Одессы обживалась со времён появления греческих поселений (VI век до н.э.) в Северном Причерноморье.

Место, занимаемое Одессой, было известно и населено ещё во II веке н.э. На месте нынешней Одессы существовала за 6 веков до Р. Х. греческая колония Истрион (Istriian) и гавань Исиакон (Isiaka), впоследствии порт Скопели (Skopeli).

В непосредственной близости греки также основали ряд колоний-поселений. Нельзя

отрицать возможность того, что на территории современной Одессы были какие-то древнеславянские поселения.

Во второй половине XIV века эти земли попали под контроль Великого княжества Литовского, после регион завоевала Османская империя (турки).

В 1765 году они возвели каменную крепость Ени-Дунья.

Во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. крепость была взята отрядом графа Хосе де Рибаса (он же Иосиф). В отряд также входили казаки во главе с атаманом Головатым.

Новый город Одесса был основан рескриптом Екатерины II от 27 мая 1794 года. 22 августа того же года забиты первые сваи в основание города.

Создаваемый город в 1795 году получил название Одесса – производное (как принято считать) от Одессос. Так, греческими именами, было принято называть города на территориях, завоеванных у турок.

Город строился под руководством вице-адмирала И. Дерибаса.

Удачно расположенная географически, Одесса в течение XIX века превратилась из небольшого поселения в торговый, промышленный и научно-культурный центр.

Памятник Екатерине II.

Одесский оперный театр.

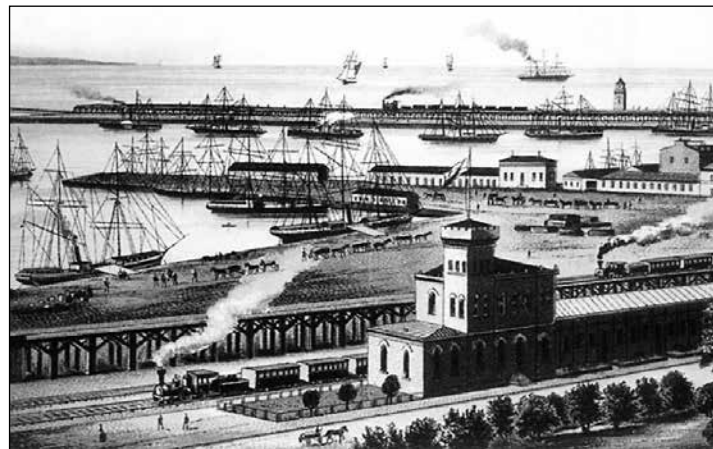
Улица Дерибасовская.

Центр города.

Современный вид Потёмкинской лестницы.

Карантинная гавань.

Улица Лонжероновская.

Пляж «Аркадия».

В.Д. Лавриненков, из книги «СОКОЛ-1»

«...Майор А.А. Шестаков приступил к освоению новой техники. Пилоты по сигналу боевой тревоги отрабатывали взаимодействие с наземными частями, зенитчиками, кораблями Черноморского флота, учились слаженно летать парами, звеньями, совершенствовали технику боя, метко стреляли.

– Учитесь сейчас, ребята, не жалейте себя, – давал напутствия молодым лётчикам Шестаков. – Мы должны быть в любую минуту готовы подняться в воздух. Во время боя у лётчика не остаётся времени на философию. Там нужно уничтожить врага. А уничтожить его ты сумеешь только тогда, когда будешь опытнее, хитрее, осмелительнее, когда научишься действовать почти автоматически. Храбрость – это выучка, высокое умение вести бой. Так что будем добиваться высшего класса.

Неожиданно в полк прибыл командующий ВВС Одесского военного округа комбриг Александр Иванович Гусев, проверил боеготовность, а затем сказал в узком кругу командиров:

– Гитлер сосредоточил у наших границ большие силы. Сегодня уже нет сомнений: мы должны быть готовы ко всему, к самым тяжёлым испытаниям, и мне особенно приятно, что это очень хорошо сознаёт Лев Шестаков. Встретил я как-то инспектора, проверяющего его лётчиков. Он рассказал, что был восхищён их выучкой. Он за это, по его словам,

прямо-таки влюбился в Шестакова. Правду я говорю, Лёва?

– Мне он почему-то об этом не говорил, даже поначалу страху нагнал, – отозвался тот, и все вокруг засмеялись.

– Выходит, ты до сих пор не знал, что есть на свете влюблённый в тебя инспектор?»

Близость границы, ответственность за выполнение задач по охране неба Одессы, возложенных на полк, потребовали от всего личного состава постоянной и полной боевой готовности.

Напряжённую лётную подготовку в полку организовал также возглавляемый В.С. Никитиным штаб. В него вошли В.С. Никонов, А.К. Геймбергер, Н.Я. Носачёв и другие командиры, ставшие во главе соответствующих служб. Большую заботу о личном составе проявлял врач полка М.М. Шаньков.

Активную работу развернула партийная организация, насчитывавшая 80 человек.

Первым парторгом полка был воентехник первого ранга П.С. Довгаленко, затем его сменил К.С. Пирогов. Ответственным секретарём бюро комсомольской организации, имевшей в своём составе свыше 200 комсомольцев, был избран заместитель политрука А.А. Ванеев.

С начала формирования и до 1944 года на должности инструктора полка по пропаганде находился старший политрук Б.А. Гловацкий.

Высокое чувство долга, ответственности и, конечно, напряжённая работа всего личного состава обеспечивали выполнение первоочередных задач.

В конце декабря 1940 года из части на курсы при командно-штурманской академии ВВС был отправлен П.Н. Баранов, умелый командир и наставник. На его место в январе 1941 года прибыл майор Алексей Николаевич Марьинский, проработавший более девяти лет в военно-учебных заведениях. Под его командованием 69-й истребительный полк и встретил первый день войны.

Большую помощь в руководстве и организации боевой и политической подготовки оказывали полку командир 21-й смешанной авиадивизии полковник Д. Галунов, его заместители бригадный комиссар С. Михайленко и майор А. Митенков, начальник штаба подполковник Д. Кириллов, начальники служб штаба и управления дивизии.

Историческая справка

Советская власть утвердилась в Одессе с февраля 1920 года, когда в город вступили войска кавалерийской бригады Котовского.

С марта 1923 года по октябрь 1939 года в городе находилось управление 6-го стрелкового корпуса, командир корпуса П.Е. Дыбенко, управление Украинского военного округа Вооружённых сил Украины и Крыма (март 1923 г. – 1925 г.), с мая 1935 г. – Киевского военного округа, с 26 июля 1938 г. – Киевского Особого военного округа.

С 26 июля 1938 года по ноябрь 1939 года в городе находилось управление Одесской армейской группы Киевского Особого военного округа.

16 сентября 1939 года управление Одесской армейской группы вошло в состав Украинского фронта. Командующий войсками комдив Ф.А. Парусинов, член Военного совета бригадный комиссар М.Д. Аверин. В сентябре ОАГ переименована в 13-ю армию.

В самой Одессе действовали такие предприятия, как джутовая фабрика, канатный завод, Одесская суконная фабрика, которые относились к текстильной промышленности; завод Октябрьской революции, Одесский завод Марти – относились к металлообрабатывающей промышленности; Одесский завод шампанских вин, предприятия пищевой промышленности города.

В 1937 г. были построены новый железобетонный водопровод Днестр – Одесса, новая насосная станция, расширилась канализационная сеть в рабочих и курортных районах Одессы.

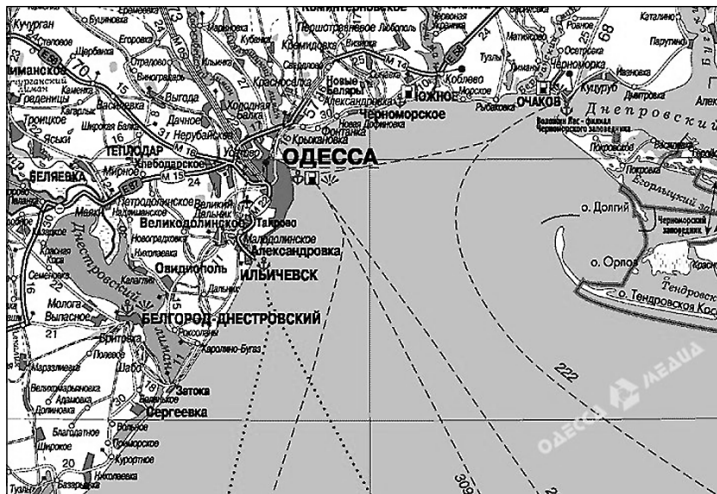
Развивалось среднее и высшее образование. В 1932 г. в Одессе организована первая в стране музыкальная школа-десятилетка им. П. Столярского. В 1937–1938 гг. был реконструирован дом Одесского русского театра им. А.В. Иванова.

В 1939 г. в Одессе было построено здание Института глазных болезней и тканевой терапии, где работал академик В.П. Филатов.

До 1917 года в Одессе функционировало три высших учебных заведения, в 1940 году их насчитывалось уже 18.

Об Одессе перед войной и её начале рассказывает Владимир Кржеминский, участник Великой Отечественной войны.

«Значительно чаще в Одессе проводились учения по гражданской обороне. Военнообязанные призывались на сборы. На заводах, фабриках и в колхозах ужесточили трудовую дисциплину. За опоздание или прогул отдавали под суд. Предприятия оборонного значения работали круглосуточно. Все понимали, что война с фашистской Германией неминуема, но не ожидали, что это будет так скоро.

У Чёрного моря

Часто стали проводить учения по затемнению. Каждая семья обязана была по сигналу

учебной воздушной тревоги занавешивать окна тканью, непроницаемой для света. Нарушителей ждало наказание.

На экраны кинотеатров были выпущены фильмы: «Александр Невский», «Пётр I», «Котовский», «Сердца четырёх». Перед детскими сеансами разучивались патриотические песни. По всей стране распространилось тимуровское движение. Школьники помогали пожилым людям в хозяйстве: носили воду, пилили и рубили дрова, вскапывали огороды, убирали дворы и улицы. Молодое поколение всё это воспринимало с удовольствием.

21 июня 1941 года в 80-й школе г. Одесса состоялся выпускной вечер. В те времена молодёжь не была приучена к спиртному. На вечера звучали поздравления, вручались аттестаты зрелости, были выступления художественной самодеятельности и, конечно, танцы. На столе – сладости, сельтерская вода, мороженое и пара бутылок вина. Пиршество и танцы продолжались до рассвета. Затем всей гурьбой выпускники и учителя направились на Приморский бульвар встречать рассвет...

Как раз в это время тучи фашистских самолётов уже летели бомбить нашу страну. 22 июня был воскресный день. И по радио предупредили о передаче чрезвычайного сообщения в 12 часов. К полдню у радиоприёмников, радиоточек и громкоговорителей, укрепленных на столбах, собрались толпы людей. Выступил по радио нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович

Молотов и объявил, что фашистская Германия вероломно, без объявления войны, напала на Советский Союз. Так началась Великая Отечественная...

В начале войны все одесситы были уверены, что Красная Армия разобьёт фашистов в короткий срок. По городу прошёл слух, что части Одесского военного округа перешли реку Дунай и захватили плацдарм на румынской территории. И это была правда. К сожалению, в истории Великой Отечественной войны это был лишь единственный случай, когда Красная Армия в первые дни войны захватила вражескую территорию. Но бои шли уже рядом. В Одессу потекла река раненных в боях. В госпитале и больницах не хватало перевязочного материала, медикаментов, да и медицинского персонала. Одесситы рвали простыни на бинты и приносили их в медицинские учреждения. Начались бомбардировки города фашистской авиацией. Румынские и немецкие войска всё ближе подходили к Одессе, и эвакуировать промышленные предприятия и людей становилось с каждым днём опасней. Порт охраняли не только зенитчики кораблей Черноморского флота, но и береговые зенитные батареи. Очень большие разрушения были от морских мин, сброшенных на город. Морская мина была сброшена в середину квартала напротив 80-й школы. Под школой в подвале ещё до войны было оборудовано газоубежище, и в нём наша семья пряталась по ночам во время налётов авиации. Мина взорвалась

буквально в ста метрах от убежища, и взрывная волна была такой силы, что у меня пошла кровь из ушей и носа. Сознание я не потерял, но ничего не слышал около суток. Многие находящиеся в убежище получили различные травмы. После этого происшествия мы перестали прятаться в убежищах и решили: «Будь что будет!» Быть заживо погребёнными значительно страшней мгновенной смерти.

Днём было поспокойней, и мы с братом делали набеги на заброшенные дачи, приносили домой абрикосы, сливы, яблоки, а иногда посещали в пригороде колхозные поля. Для нашей большой семьи, где росло четверо детей, это было большим подспорьем. Отец был призван на инженерные работы для создания оборонительного рубежа вокруг города. Конечно, у всех был страх за собственную жизнь и жизнь близких людей, но паники в городе не было. Власть в городе действовала по законам военного времени и не давала поблажек ни себе, ни гражданам города. Помню, как сбили первый фашистский самолёт. Это было днём. По ночам самолёты сбрасывали листовки, призывающие горожан содействовать «освободителям от сталинского режима», но этим агиткам никто уже не верил, их просто рвали, не читая».

Зильманович Д.Я., из книги «На крыльях Родины»

«Он, Василий Серогодский, был внешне привлекателен, строен, красив, тонок. Глядя на него, трудно было поверить, что этот молодой человек рано познал трудовую жизнь. А это было именно так: с одиннадцати лет начал Василий трудиться самостоятельно, вплоть до того момента, когда поступил в Борисоглебскую авиашколу. Здесь для него начался труд увлекательный, хотя тоже нелёгкий, сложный. Но это уже было то, к чему он стремился с мальчишества.

Впрочем, в подобном стремлении он не был оригинален, в его пору о профессии лётчика мечтала большая часть его сверстников, но далеко не у всех сбылась юношеская мечта. Василий же был упорен и настойчив, последователен и смел в решениях. Он знал, чего хо-

тел, и мог поступиться многим во имя главного. Ему казалось, что профессия авиатора максимально соответствует его характеру.

За это время Серогодский настойчиво осваивал и шлифовал искусство пилотажа. Он любил свой вёрткий, лёгкий в управлении И-16 и летал на нём с упоением. Капитан И.Е. Капустин, командир эскадрильи, в которой и служил

Василий, не раз отмечал отличные действия младшего лётчика, ставил его в пример личному составу подразделения.

В этой эскадрилье большим авторитетом в лётном деле пользовался также военком старший политрук Ф.Н. Дубковский. За внешней суровостью военкома скрывалась мягкая, отзывчивая душа человека, готового в любую минуту прийти на помощь товарищу, нуждающемуся в поддержке, добром совете, подсказке более опытного авиатора. Это ощущал на себе и Серогодский, благодаривший судьбу за то, что в его жизни встретились такие умелые и чуткие командиры-наставники.

Всё, что было накоплено за два года службы в авиачастях, все свои знания и практические навыки Серогодскому пришлось проявить в первые же дни войны».

Капустин Иосиф Егорович, командир эскадрильи Василия Серогодского в 69-м полку, родился в 1908 году в деревне Н.-Криуша Воронежской области. Участник войны в Испании – пилот, командир звена. Летал на И-16.

Произвёл около 70 боевых вылетов, участвовал в 32 воздушных боях, лично сбил 2 истребителя.

Погиб 23 августа 1942 года в районе села Варваровка под Сталинградом. В тот день он в составе четвёрки истребителей Як-1 вёл воздушный бой с двадцатью немецкими пикировщиками Ю-87 и шестью истребителями Ме-109. В лобовой атаке сбил один Ме-109, но и сам был смертельно ранен пулей в живот. Совершил вынужденную посадку на фюзеляж и умер в кабине самолёта.

Сначала был похоронен в селе Варваровка, а позже был перезахоронен в братской могиле посёлка Майский Волгоградской области.

Награждён орденами Ленина и Красного Знамени.

Боевое крещение 69-й полк получил 22 июня 1941 года в составе 21-й САД, взаимодействуя с 67-м и 146-м истребительными, 5-м скоростным бомбардировочным и 11-м легкобомбардировочным полками этого соединения. Уже в самом начале войны на боевом счету дивизии – первые победы над гитлеровцами, над их румынскими союзниками. Более 20 самолётов противника сбили лётчики дивизии в первый день войны, а к концу июля счёт сбитых вражеских машин был доведён до 150.

В те дни поэт Сергей Михалков посвятил лётчикам 21-й дивизии стихотворение, в котором были такие строки:

*Сто пятьдесят самолётов
С чёрными крестами на крыле
Хотели победы в воздухе,
Но смерть нашли на земле.*

Самолёт-истребитель И-16

Справка

И-16 (ЦКБ-12) «истребитель шестнадцатый» (прозвище: *ишак*) – советский одномоторный истребитель-моноплан 1930-х годов, созданный в Опытном конструкторском бюро российского советского авиаконструктора Николая Поликарпова. Один из первых в мире серийных истребителей-монопланов с убирающимся в полёте шасси. Самолёт имел преимущественно деревянную конструкцию и фанерную обшивку.

Выпускался в СССР и был основным истребителем ВВС РККА вплоть до начала 1942 года.

Инструкторы намеренно сделали самолёт аэродинамически неустойчивым, исходя из популярной тогда гипотезы, что неустойчивая аэродинамика планера позитивно скажется на манёвренности истребителя в бою.

Одновременно с испытаниями и доводкой машины разворачивалось её серийное производство на заводах № 21 (г. Горький) и № 39 (г. Москва).

В 1940-й – год самого массового выпуска И-16 – было построено около 2710 машин, несмотря на то, что к этому времени самолёт уже морально устарел. В 1942 году последние поршневые самолёты-истребители И-16 ОКБ Николая Поликарпова перестали выпускать. Их стали вытеснять ЛаГГ-3, Як-1 и штурмовики Ил-2.

К 22 июня 1941 года полк имел на вооружении 70 самолётов-истребителей И-16.

Читая книгу, надо помнить, что наши ВВС понесли очень тяжёлые потери в людях и технике в первые месяцы войны. Погибших кадровых лётчиков пытались заменить молодым пополнением, но зачастую оно было плохо подготовлено. Это привело к большому числу небоевых потерь (около 40%), так как эта машина не прощала небрежного отношения к себе. Кроме того, неопытный лётчик на И-16 не мог на

равных противостоять немецкому пилоту на Ме-109. Поэтому в 1941 году средняя продолжительность жизни лётчика-истребителя на И-16 составляла 1–3 боевых вылета (Советский И-16, характеристики).

Лавриненков В.Д., из книги «СОКОЛ-1»

«21 июня Лев (Шестаков – Л.Д.) с женой были в оперном театре. Далеко за полночь пришли домой. Дети давно спали, улыбаясь чему-то во сне, еле слышно тикал на столе накрытый фуражкой будильник – в воскресенье обходились без него.

Коротки июньские ночи. Только стали засыпать, как оба вздрогнули от резкого, надрывного завывания сирены, вслед за которым раздался громкий стук в дверь.

Лев встал с постели, открыл дверь. Перед ним стоял запыхавшийся посыльный:

– Товарищ майор, боевая тревога!

– Почему боевая? – не то прибежавшего, не то самого себя спросил Шестаков. – Просто тревога. Не в первый ведь раз...

– Не могу знать, товарищ майор, приказано поднять всех по боевой тревоге, – ответил посыльный и стал барабанить в соседнюю дверь.

Лев окинул сонным взглядом уютную, тёплую комнату, мирно спящих ребятишек.

– Лёва, надо собираться, – сказала Липа, подавая ему обмундирование. – Чемодан «тревожный» возьмёшь?

– Да нет пока, если будем куда-то выезжать, заскочу...

Война! Услышав о страшной вести, новый комполка Марьинский, Верховец, Шестаков, да и все в полку не сразу осознали неотвратимость случившегося. Думалось, что всё ещё как-то обрзается, утихомирится. Однако не сидеть же сложа руки, надо что-то предпринимать. Боевой испанский опыт подсказал Шестакову: первым делом – рассредоточить и замаскировать самолёты.

Работа закипела. Через час-полтора аэродрома вроде бы и не существовало: самолёты слились с окружающей местностью. Часть машин надёжно укрыли в посадках, остальные перегнали на другие площадки, где также тщательно замаскировали.

Лев произвёл облёт всех «точек», вернулся, доложил, что с воздуха ничего обнаружить нельзя.

Марьинский выслушал его внимательно, похвалил. Шестаков обратил внимание на происшедшие в нём за короткое время разительные перемены: он выглядел уставшим, старше своих лет. «Уж не заболел ли командир? – подумал Лев про себя. – Это совсем некстати».

В полку состоялся митинг. Открыл его Верховец. Он предоставил слово Марьинскому. Когда его выступление подходило к концу, в небе послышался гул. Шестаков взглянул вверх и обомлел: чётким строем, без всякого прикрытия, на город шли «хейнкели».

– Товарищ командир, немцы! – крикнул он. – Разрешите взлёт...

– Всем немедленно в укрытия! – прозвучало в ответ.

Через несколько минут на город посыпались первые бомбы. Их разрывы всё ближе и ближе к аэродрому. Вот уже на самом его краю взметнулись первые султаны поднятой вверх земли.

– Напрасно вы не разрешили мне вылет, – сказал Шестаков командиру полка.

– Что ты один сделаешь, Лев? – ответил Марьинский. – Только аэродром демаскируешь.

– Да они же без прикрытия. На них парочку истребителей...

– Парочку против такой армады? – перебил Марьинский.

– Конечно, больше – лучше, но для начала и хорошей парочки хватило бы...

– Ну, ну, – неопределённо протянул командир.

«Хейнкели» ушли, всё вокруг утихло. На зелёном травяном покрове аэродрома чёрными глазницами войны зияли воронки от фугасок.

Мотористы, механики быстро их засыпали и утрамбовали».

* * *

...Сбор по тревоге закончен, дежурные звенья поочерёдно взлетают и патрулируют над Одессой. Под ними уже военное небо, полёты – с полным боекомплектom, идёт поиск противника. По

дорогам тянутся повозки, машины. Там, на западе, уже – война, а здесь пока тихо. Не проглядеть бы... Тишина на войне всегда обманчива.

Эскадрилья капитана Елохина, собравшись на лужайке, ведёт разговор о том, скоро ли начнутся воздушные бои.

Прибегает запыхавшийся посыльный:

– Все свободные от полётов в штаб! Ожидается правительственное сообщение.

Правительственное сообщение! Значит, будет выступать Сталин...

Собрались не в штабе, а в столовой. Небольшое помещение битком набито.

Череватенко А.Т., из книги «НЕБО ОДЕССЫ»

«Протиснувшись ближе к репродуктору, замечаю Асташкина, Голубева, Маланова, Серогодского, Капустина. У всех застывшие, напряжённые лица, ни улыбки, ни весёлого словца.

12 часов дня. С обращением к советскому народу по радио выступил заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов.

«Весь наш народ теперь должен быть сплочён и един, как никогда, – говорилось в обращении. – Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды

Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом».

Обращение заканчивалось словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Короткая речь, всего несколько минут. Никто не хочет уходить, ждём ещё каких-то слов, но вот уже льются из репродуктора звуки марша в исполнении духового оркестра. Начальник штаба Никитин приказывает разойтись по своим местам.

Мы выходим из столовой. Ярко светит щедрое июньское солнце, на небе ни единого облачка. Как и вчера, поют в лесопосадке птицы, на поляне колышутся под дуновением ветерка алые маки. Мирная картина. И всё-таки война».

Череватенко А.Т., из книги «НЕБО ОДЕССЫ»

«На рассвете 22 июня внезапно завывала сирена. Звук её, назойливый и тягучий, то подымался до невозможных высот, то вдруг совсем замирал, чтобы снова, набрав сил, взвиться ввысь.

Вмиг проснулся авиационный городок. Застёгивая на ходу куртки, бежали к штабу лётчики, инженеры, техники. В открытых окнах квартир появились встревоженные лица. Весь полк – от командира до повара – пришёл в движение. Все куда-то мчались, задавали друг другу вопросы, на которые никто толком не мог ответить.

Потребовалось не более шести-семи минут – и полк в сборе. Замкомандира Шестаков выстраивает лётчиков, инженер Кобельков – технический персонал. Мы по-прежнему в неведении.

– Леонид Утёсов приехал в Одессу, встречать будем, – пробует кто-то шутить. Шутка повисает в воздухе. Командиры эскадрилий Капустин, Асташкин и Рыкачев о чём-то совещаются. К ним подходит Елохин. Моего комэска капитана Жидкова вчера вечером проводили в другую часть.

Увидев командира полка, строй выравнивается. С Марьинского и Верховца глаз не спускаем. Что они скажут нам? За время моей службы в Одессе это первая тревога в воскресенье. Возможно, и в самом деле нас подняли на ученья?

По лицу Марьинского можно заметить: чем-то расстроен. Прошёлся вдоль шеренг, остановился, переминаясь с ноги на ногу.

– Товарищи лётчики, инженеры, техники и механики! Сегодня в четыре часа утра немецко-фашистская Германия, вероломно нарушив договор, напала на нашу страну. Гитлеровские войска перешли нашу границу, самолёты бомбят мирные города и сёла...

Строй вдруг колыхнулся и снова замер. Командир выждал минуту и продолжал уже более спокойно:

– Объявляю готовность номер один. Без разрешения старших никто не имеет права отлучаться из расположения части. Командиры и комиссары эскадрилий, начальники служб

получат дополнительные указания. У кого будут вопросы?

О чём было спрашивать? Беспокойные мысли завладели каждым из нас. Война! Вот так она началась. Утренней сиреной. Шесть лет вставал я с рассветом, спешил к самолёту, подымался в небо, выполнял фигуры высшего пилотажа. Учился воевать с условным противником. Конец условному противнику! Перед нами – настоящий. Где-то он уже разбойничает в нашем небе, где-то горят сейчас дома и пылают плодородные поля».

Лавриненков В.Д., из книги «СОКОЛ-1»

«...Марьинский вызвал к себе Шестакова:

– Во главе звена пойдёшь на разведку. Нам пока ничего не известно о противнике.

Конечно же, с таким первым боевым заданием лучше всех мог справиться только Лев!

Прежде чем стартовать, он проинструктировал своих ведомых младших лейтенантов Карпенко и Федотова:

– Детально проверьте кабинное оборудование, убедитесь в полной заправке горючим, в наличии боекомплекта... – Немного подумав, добавил: – На всякий случай снимите оружие с предохранителей.

Сначала звеном прошли вдоль берега моря, потом над Днестровским лиманом к Кишинёву, выскочили к советско-румынской границе. Там они ужаснулись увиденному: словив

сопротивление малочисленных пограничных отрядов, армада вражеских войск лавиной наступала широким фронтом по пылающей молдавской земле.

Он дал сигнал покачиванием крыльями: приготовиться к штурмовке. Уже начал было вводить самолёт в пикирование и вдруг увидел перед собой группу самолётов с алыми звёздами на бортах. Внешне похожих на наши СБ (средний бомбардировщик – Л.Д.). Идут чётким строем со стороны врага. Никто их не обстреливает, не атакует. Что за чертовщина?! Лев даже, приподняв очки, протёр глаза: не померещилось ли ему? Нет, действительно, на бортах яркие алые звёзды. Но что-то неуловимое для глаза настораживает в конфигурации самолётов. Присмотрелся повнимательнее: так это же Ю-88! Ловко замаскировались подлецы!

Лев первым ворвался в строй «странных СБ». Его ведомые в первый момент растерялись: что это, мол, с командиром, на своих набросился? Но увидев, как Шестаков решительно поджёт одну из машин, и поняв наконец, в чём дело, тоже ринулись в атаку.

Бомбардировщики Ю-88 срочно ретировались, сбросив бомбы на свою живую силу и технику.

«Какими были негодяями – такими и остались, – гневно думал Шестаков на обратном пути, – надо быть крайне осторожными – от фашистов всего можно ожидать».

Итак, новый личный счёт сбитых фашистов открыт. Теперь уже в своём, родном небе. Что

же, боевое мастерство, если оно есть, даром не пропадает, в нужную минуту выручает того, кто им овладел.

Однако особой радости от этой победы Лев не испытывал, её приглушало сознание, что всё ещё только начинается, впереди бесконечная цепь жестоких схваток, и как всё сложится дальше – никто не может предсказать.

Лев отправился на доклад к Марьинскому, у которого находился и Верховец. Оба внимательно его выслушали.

Привезённые звеном разведданные тут же были переданы в штаб ВВС.

– Значит, немец свои самолёты под наши маскирует? – спросил затем командир.

– И притом довольно искусно, – ответил Лев. – Если бы я не был знаком с этими Ю-88, мы бы мирно разошлись с ними, и на Кишинёв обрушились бы сотни бомб.

– Но ведь в твоём положении может оказаться любой другой лётчик, не знающий немецкой техники, – сказал Верховец.

– Я думаю об этом. Нужно провести с лётным составом специальное занятие.

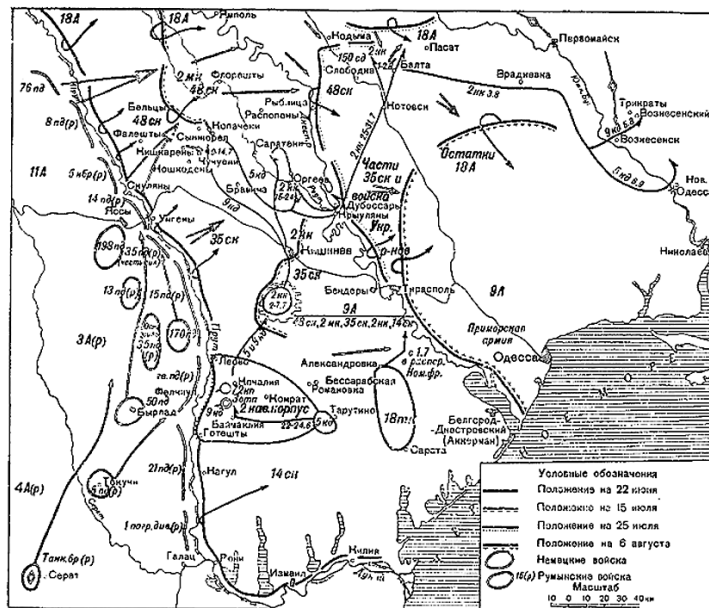
– И немедленно, сейчас же, – приказал Марьинский, – мы с комиссаром тоже послушаем».

Только начали занятие – снова налёт на город, морской порт. Теперь уже все поспешили не в убежище, а к самолётам. Взлетали прямо

из укрытий. Михаилу Асташкину в этом вылете удалось сбить «Дорнье-215» – самолёт-разведчик, фотографировавший порт.

Немецкие «хейнкели» появились над аэродромом внезапно. И пришли они со стороны моря, с юго-востока, откуда их никто не ждал. Шли немцы ровно, как на параде, крыло в крыло. И никто их не встретил, как положено. Служба наблюдения приняла самолёты за своих: идут-то с востока. Шестёрка «ишачков» лейтенанта Мистюка, бывшая в небе, ожидала немцев с запада.

И лишь когда началась бомбёжка аэродрома, лётчики бросились к своим машинам. В небо взвилась красная ракета. Дежурное звено

Карта боевых действий до блокады Одессы

лейтенанта Василия Серогодского мгновенно пошло на взлёт. Однако догнать противника им не удалось: «хейнкели» на снижении скрылись в западном направлении. Проморгала их и группа Мистюка.

Обида, досада, разочарование наполняли сердца лётчиков. Первый налёт – и так опросто-волоситься!

Слышалось недовольное ворчание:

– Преподнёс фриц нам пилюлю. Эдак нас в один прекрасный момент смешают с землёй... Разве так мы должны встречать врага? С растопыренными пальцами и широко открытыми ртами?

Хотя результаты бомбёжки были малоэффективны, техника не пострадала, но урок истребителям и службе ВНОС (служба воздушного наблюдения, оповещения и связи – Л.Д.) был преподнесён предметный – врага надо ждать отовсюду и в любое время, боеготовность должна быть повышена.

Шестаков снова собрал лётчиков на занятие. По поручению командира и комиссара тепло поздравил Асташкина с первой победой. И других пилотов не укорил.

Занятие закончилось затемно. Ужин на аэродром привезли поздним вечером. Поев, лётчики и техники расположились на отдых прямо под замаскированными самолётами.

Завершался первый день войны.

Звено, уходящее в небо.

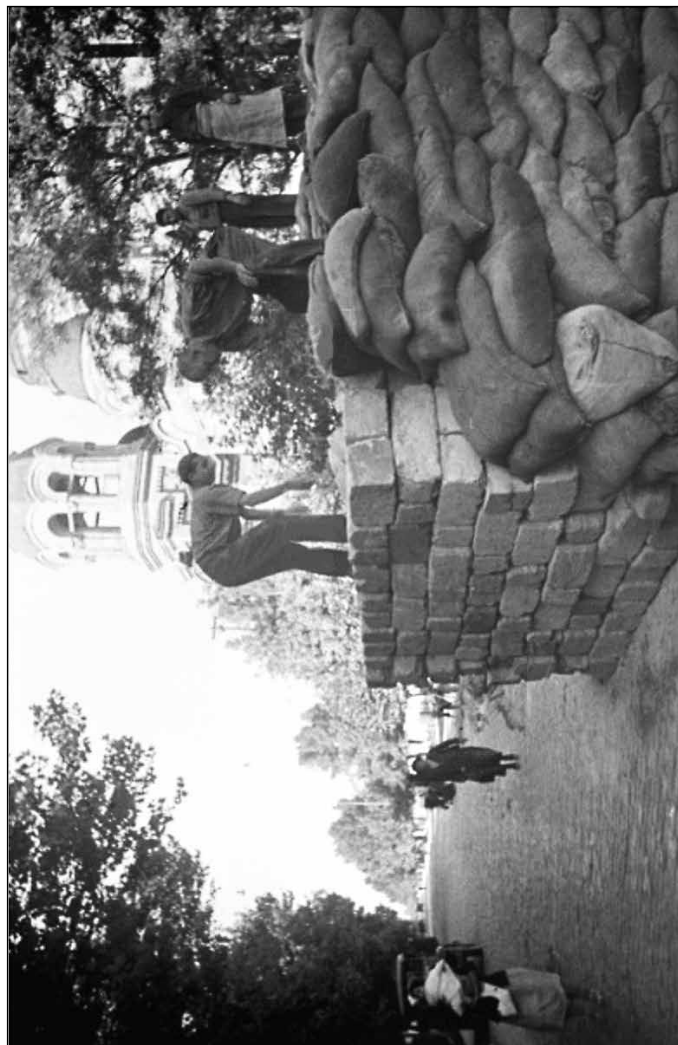
Защищая Одессу, гвардейцы не думали, что здесь, на 5-й станции Большого Фонтана, будет возведён им достойный памятник. Но пусть живущие знают, что знаменитый Сквер – это бессмертие, честь и слава летчикам 69-го истребительного авиационного полка во главе с командиром Героем Советского Союза летчиком-истребителем Львом Шестаковым.

Глава III. Одесса в огне

Пример капитана И.Е. Капустина. Врага надо ждать отовсюду. Красная звёздочка на фюзеляже Василия Серогодского. Ежедневные бои в небе Одессы. Разгром новой немецкой авиационной части. Бойцы 25-й Чапаевской дивизии. Вылет в Сапата-Гальбена. Письмо в Ленинград. Майор Шестаков – командир полка. «С такими орлами горы свернём». Школа боевого опыта. Рывок через блокаду личного водителя командира полка.

Баррикады повсюду.

Фронт приближался. Налёты вражеской авиации на Одессу участились. Поэтому лётчикам 69-го полка всё время приходилось быть в воздухе. Возвращалась с задания одна группа – взмывала вверх другая. Первый сбитый командиром 3-й эскадрильи капитаном И.Е. Капустиным «Хейнкель-111» был настоящим праздником и уроком для всего полка. Счёт был открыт! И он быстро стал расти по мере приобретения молодыми пилотами боевого опыта.

Патрулируя северо-западнее Одессы, группа И.Е. Капустина встретила девятку «хейнкелей» и с ходу ринулась в атаку. Те не выдержали стремительного напора, изменили курс и начали удирать, продолжая вести огонь по «ястребкам». Наши ребята, пользуясь преимуществом в высоте, атаковали противника. Один самолёт удалось подбить, и он рухнул в поле.

В полку все были в приподнятом настроении. Ещё бы, первая ласточка, она должна нам принести весну. Фашисты считали Хе-111 неуязвимым и потому, наверное, шли без прикрытия истребителей. Слов нет, машина прочная, хорошо вооружена, развивает скорость более четырёхсот километров в час! И всё-таки «ишачки» – как это доказала группа капитана Капустина – могут сбить такой самолёт.

Командир полка назначил на вечер разбор полётов. Капитана Капустина попросил выступить как бы основным докладчиком. Он сначала

отказывался, мол, какой там у меня опыт. Но потом согласился, понял, что сам факт победы имеет большое моральное значение.

Командир 3-й эскадрильи самым подробнейшим образом разобрал бой, нарисовал схему боевых порядков противника, показал, с какой стороны группа вела атаку, наше прикрытие. Точные расчёты и выкладки. Прямо тебе академия! Такой разбор принёс всему лётному составу большую пользу.

Надо помнить, что И.Е. Капустин – командир эскадрильи, в которой летал Василий Серогодский.

Немецкие «хейнкели» появились над аэродромом внезапно среди белого дня. И пришли они со стороны моря, с юго-востока, откуда их никто не ждал. Шли немцы ровно, как на параде, крыло в крыло. И никто их не встретил, как положено. Служба наблюдения приняла самолёты за своих: идут-то с востока! Шестёрка «ишачков» лейтенанта Мистюка, бывшая в небе, ожидала немцев с запада.

Только когда началась бомбёжка аэродрома, лётчики бросились к своим машинам. В небо взвилась красная ракета. Дежурное звено лейтенанта Василия Серогодского мгновенно пошло на взлёт. Однако догнать противника им не удалось: «хейнкели» на снижении скрылись

в западном направлении. Проморгала их и группа Мистюка.

Обида, досада, разочарование наполняли сердца лётчиков. Первый налёт – и так проморгать! Слышалось недовольное ворчание:

– Преподнёс фриц нам пилюлю. Эдак нас в один прекрасный момент смешают с землёй... Разве так мы должны встречать врага? С растопыренными пальцами и широко открытыми ртами?

Хотя результаты бомбёжки были малоэффективны, техника не пострадала, но урок истребителям и службе ВНОС был преподнесён предметный – врага надо ждать отовсюду и в любое время, боеготовность должна быть повышена.

Спустя несколько дней после начала войны Василий Серогодский открыл личный счёт сбитым машинам. На рассвете 3 июля он поднялся в воздух в составе звена лейтенанта Виталия Топольского. Тройка наших самолётов должна была перехватить шесть «хейнкелей», которые шли к Одессе с моря. Несмотря на сильный вражеский огонь, И-16 сблизилась с «хейнкелями» и завязали бой, Топольский первым атаковал один из фашистских самолётов. Череватенко сумел поджечь его. Бомбардировщик упал в море. Умело маневрируя и ведя огонь, наши лётчики Василий Серогодский и Виталий Топольский сбили ещё две вражеские машины, которые упали уже на берегу, ни один «хейнкель» в тот день не прорвался к городу.

Так появилась красная звёздочка и на фюзеляже самолёта Василия Серогодского.

Командир звена В.А. Серогодский смело вёл своих лётчиков на штурмовку позиций германских и румынских войск. Звено наносило удары по живой силе противника, огневым точкам, коннице, вражеским тылам – при превосходстве вражеской авиации в воздухе: часто одному советскому истребителю приходилось вести бой против 3–4, а то и 5 «мессеров».

Однажды вечером разведка доложила о прибытии под Одессу в район села Зельцы новой немецкой авиационной части.

– Расположились, словно на бивуаке, стервецы! – доложил командиру Алексей Малахов. –

Уверены, что в России им не с кем драться. Францию разгромили за считанные дни... А здесь, под Одессой, топчутся уже полтора месяца. Прочитать надо врагов.

Шестаков принял решение:

– Техникам ночью готовить самолёты. Вылет в 3:00 двумя эскадрильями. Удар должен быть массированным и точным.

Чуть свет раздалась команда:

– По самолётам!

И вот уже 20 «ястребков» взмыли в небо. Одну группу ведёт командир, другую – комиссар полка Верховец.

План Шестакова хорошо рассчитан. Первый удар по палаткам с безмятежно спящим лётным и техническим составом, затем по зениткам, складам, цистернам с горючим и боевым машинам.

Василий пикирует почти вслед за командиром:

– Получай, фриц!

Самолёт взмывает вверх и снова заходит на бомбовой удар. Внизу пылают бензобаки, горят вражеские самолёты, в ужасе бегут и падают сражённые свинцом немецкие вояки. Вражеского авиаполка больше не существует – от него осталось одно воспоминание. На земле сгорело 22 новеньких «мессершмитта».

В тот же день взбешённые враги нанесли ответный «визит»: дважды их бомбардировщики пытались бомбить аэродром 69-го авиаполка, но безуспешно. Фугасками было лишь попорчено взлётное поле.

Как ни готовил себя Василий Серогодский к нелёгкому испытанию, не думалось всё же ему, что так трудно придётся в эти летние дни сорок первого года. Чрезвычайная сложность создавшейся ситуации, ответственные задачи, возложенные на 69-й полк, диктовали предельно жёсткий распорядок дня лётчиков, необходимость постоянно быть в готовности номер один, вылетать по несколько раз в сутки.

В направлении Одессы действовали в основном румынские войска. Немецкое командование требовало от них захватить приморскую жемчужину Украины одним ударом восемнадцати дивизий. Антонеску на 10 августа назначил парад своих войск в Одессе. Упорное сопротивление советских бойцов вынуждало незадачливого пособника Гитлера переносить дату парада на 20, 25 августа, 1 сентября...

Наши передовые части на рубеже от Рени до устья Дуная не только не дали захватчикам продвинуться вперёд, но даже, высадив на правый берег реки десант, выбили их из города Килия-Веке. Тогда впервые по всему Южному фронту прошла слава о пограничниках подполковника Саввы Игнатьевича Грачёва и бойцах 25-й Чапаевской дивизии генерал-майора Ивана Ефимовича Петрова. В первые дни войны им удалось захватить в плен около 800 вражеских солдат и офицеров.

Почти месяц держали прочную оборону пограничники и чапаевцы. Это были дни

исключительной отваги и мужества, невиданного героизма. Наследники славы запорожцев Северина Наливайко, гренадёров Александра Суворова и Михаила Кутузова, конников Григория Котовского, защитники южных рубежей нашей Родины стояли насмерть, поражая врага своей стойкостью, беззаветной храбростью, бесстрашием.

Отважные десантники грудью сдерживали натиск врага, и лишь 19 июля им пришлось оставить Килию-Веке, отступить на левый берег Дуная.

Действия наземных войск активно поддерживали Черноморский флот и 21-я смешанная авиационная дивизия, в которую входил и 69-й истребительный полк. Его лётчики вылетали на боевые задания с полевых аэродромов Жовтнево, Мариново, Черногорка, Чижово, Цевриково и семи площадок, расположенных на окраинах Одессы.

Майору Шестакову, помимо вылетов на боевые задания, приходилось организовывать боевую работу со всех «точек». Очень часто он отправлялся на тот или иной аэродром с Верховцом. И порой трудно было разграничить, где начинались и кончались их обязанности: оба отлично летали, умело сражались, могли зажечь подчинённых героическим примером и ярким словом. Верными помощниками им были комиссары эскадрилий Маковенко, Пискунов, Дубковский, Куница.

...Идёт третья неделя войны, а Льву Львовичу ни на одну минуту не удалось вырваться домой. Время от времени в город наведывается старшина полка Кацен. Он передаёт приветы семьям, а от них привозит свёртки, пакеты, узелки, в которых заботливые жёны передавали курево, мыло, бельё...

Запомнился Василию Серогодскому вылет в район Сарата-Галбена и Гура-Галбена на штурмовку мотомеханизированной колонны и живой силы противника. Группа состояла из девяти И-16: два звена вооружены были реактивными снарядами и одно пушками. Когда подлетали к селу Гура-Галбена, западнее его шёл на посадку вражеский самолёт типа ПЗЛ (PZL.37 Łoś – двухмоторный польский самолёт – Л.Д.). Наши лётчики обстреляли его, фашистский самолёт приземлился на фюзеляж. Серогодский, участвовавший в атаке, выпустил для верности ещё очередь из пушек и пулемётов уже по застывшему на полосе самолёту.

Докладывая потом о результатах вылета, Серогодский сообщит, что ещё один ПЗЛ-24 в небе Одессы больше летать не будет. В боевом листке того дня поместили дружеский шарж: Василий, загибая пальцы на руках, считает пробойны на сбитом вражеском самолёте. В полётах он был неутомим.

Василий Серогодский пишет в Ленинград письмо.

«8 июля 1941 год.

Добрый день, Галина, Митя и Маруся!

Шлю вам свой сердечный привет и желаю всего хорошего. Живу я по-старому, нахожусь в тылу уже 3-й день, отдыхаем. Завтра, наверное, опять улетим на фронт бить фашистов.

У вас тоже, наверное, всех забрали на фронт, так что положение одинаковое.

Ответа от вас, вероятно, не получу, т.к. я не буду там, куда дал адрес. Но часть моих вещей находится на этой квартире, поэтому я туда по возможности загляну. Ну всё, писать больше нечего. Остаюсь жив и здоров.

До свидания – В.А. Серогодский.

Адрес: Одесса, Кировский пер., д. 9, кв. 21. Сергееву П.Г. для Серогодского».

Из письма видно, что офицеры полка после боёв по возможности получали кратковременный отдых.

Мною отправлено письмо по указанному адресу с просьбой сообщить что-нибудь, но ответа никакого не последовало.

В каптёрке у Кацена всё больше и больше собиралось невручённых передач от родственников из Одессы.

Вскоре пришла и первая боевая потеря: младший лейтенант Карпенко погиб в неравном бою над Тирасполем.

А через два дня погиб при выполнении боевого задания командир звена младший лейтенант Иванов.

Федотов, Иконников, Гуманенко, Ольховский, Семёнов, Засадкин, Сидоров... Редуют ряды лётчиков. Они уходили на задания и не возвращались...

Это не могло не сказываться на настроении лётного состава.

В этот период невосполнимых тяжёлых потерь Николай Андреевич Верховец, секретарь полковой партийной организации, старший политрук Константин Пирогов, пропагандист полка Борис Гловацкий, комсомольский вожак полка Алибек Ваниев, комиссары эскадрилий старались держать в поле своего зрения буквально каждого лётчика, чтобы вовремя поддержать, подбодрить, поднять боевой дух.

Как-то в один из этих трудных дней в полк прибыл новый командующий ВВС округа генерал И. Катров – тоже бывший «испанец». Он пригласил к себе Верховца.

– Николай Андреевич, не думали ли вы над тем, что руководство полка нуждается в укреплении? – спросил он без обиняков.

– Если речь идёт обо мне, – спокойно ответил комиссар, – то я по-прежнему готов сражаться рядовым лётчиком.

Одесса. Здание обкома партии.

Маяк.

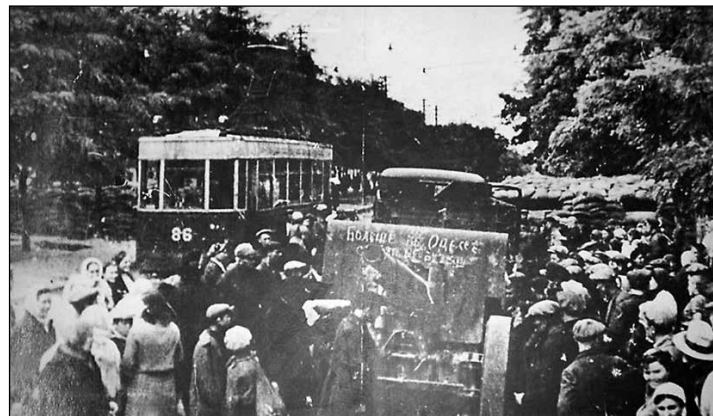
Вид на город с высоты птичьего полёта.

Оперный театр.

Здание управления Одесского морского порта.

Проводы на огневую позицию.

На улице Одессы.

Стрелки и миномётчики ведут огонь по противнику.

– Нет, не о вас. Вы на своём месте. Вопрос – о командире полка. Он не совсем здоров, а потому малоактивен. А обстановка требует человека более энергичного.

– Есть такой человек, – твёрдо сказал комиссар, – Лев Шестаков!

– Я рад, Николай Андреевич, что ваше мнение совпадает с мнением Александра Ивановича Гусева. Сдавая мне дела, он сказал, что лучшей кандидатуры на должность командира полка не знает.

С тем он и уехал. О его разговоре ничего никому известно не было. И когда 16 июля пришёл приказ о назначении майора Шестакова командиром полка – для него самая новость эта явилась неожиданной.

Лев Львович Шестаков (28 декабря 1915 г. – 13 марта 1944 г.) – Герой Советского Союза, лётчик-истребитель, командир авиационного полка, полковник. Погиб в воздушном бою.

Лев Львович Шестаков родился в Авдеевке, ныне город в Донецкой области, в семье рабочего.

Окончил 6 классов, фабрично-заводское училище (ФЗУ). Работал слесарем-инструментальщиком в железнодорожном депо станции Авдеевка. Учился в Днепропетровском институте

инженеров железнодорожного транспорта. Учась в институте, поступил в Днепропетровский аэроклуб. Член ВКП(б).

В Советской Армии с 1934 года. Окончил военно-авиационную школу пилотов в городе Луганске. С 1935-го служил во 2-й истребительной эскадрилье под Киевом.

Участник войны в Испании 1936–1939 годов. В воздушных боях уничтожил 8 самолётов противника лично и более 30 в группе с товарищами, за что был награждён орденами Ленина и Красного Знамени.

На фронтах Великой Отечественной войны с июня 1941 года. При обороне Одессы к сентябрю 1941 г. лично сбил 3 вражеских самолёта и 8 самолётов в групповом бою. Кроме того, на дооборудованных истребителях И-16 проводил штурмовку войск противника, сбрасывая на него авиабомбы и обстреливая реактивными снарядами. 21 сентября 1941 года во время штурмовки вражеского аэродрома на земле был уничтожен 21 самолёт противника.

За время обороны Одессы полк Шестакова совершил 6600 боевых вылетов, провёл 575 воздушных боёв, 3500 штурмовок, уничтожил 124 вражеских самолёта, не считая огромного урона, который он нанёс противнику в живой силе и технике на земле.

Командир одного из лучших полков в истории советских ВВС, человек исключительной энергии и яркой педагогической одарённости, Лев Шестаков был примером при выполнении

боевого задания, строгим и неумолимым командиром в лётной, огневой и тактической подготовке, весёлым и неистощимым на выдумки товарищем вне служебной обстановки. «Летает как бог», – говорили о нём товарищи.

Под Сталинградом полк был пополнен сильными лётчиками, имевшими на счету более 5 сбитых самолётов, перевооружён на новые, официально считавшиеся лучшими, советские истребители Як-1. «Спецполк» под командованием Шестакова сбил около сотни вражеских самолётов и стал одним из самых результативных полков Сталинградской битвы.

В июле 1942-го по инициативе командующего 8-й Воздушной Армии Т.Т. Хрюкина в полк прибывает пополнение из числа наиболее опытных лётчиков-истребителей (в это время в полк прибывают Лавриненков, Сержантов, Буданова, Литвяк и другие), полку ставятся задачи, связанные с завоеванием превосходства в воздухе.

Сам Шестаков почти ежедневно вылетал на боевые задания, увеличив свой личный счёт до 11 побед.

10 января 1943 года Шестаков вступил в бой с тремя истребителями противника; один он сбил, но сам тоже был подбит, получив при этом ранения в голову и под лопатку.

В приказе ВВС Красной Армии указывалось, что к январю 1944 года Лев Шестаков совершил более 200 боевых вылетов (из них 65 – на штурмовку войск противника), участвовал в 82 воздушных боях, сбил 15 самолётов лично и 11

в составе группы, а с учётом боёв в Испании совершил около 600 боевых вылетов и на своём счету имел 29 лично и 45 в группе с товарищами сбитых самолётов.

Шестаков погиб у села Давыдовцы (Хмельницкий район Хмельницкой области) 13 марта 1944 года. В этот день он сбил один Ю-87, а после атаковал второй. По советской версии, Шестаков расстрелял его с близкой дистанции, «юнкерс» взорвался, и самолёт Шестакова был разрушен воздушной волной. Шестаков покинул самолёт, но его парашют не успел раскрыться. Тело Шестакова было найдено только в мае, когда растаял снег.

* * *

«Подумать только – в 26 лет командир полка! Да ещё не где-нибудь, а в Одессе, которой предстоит долгая оборона. Ведь Молдавия и Закарпатье уже заняты врагом. Приморская армия отрезана от главных сил Южного фронта. Город с обороняющими его войсками вот-вот будет полностью охвачен врагом, кроме береговой границы. 69-й истребительный полк, вошедший в состав Приморской армии, стал, по существу, единственной боевой авиационной частью, прикрывающей Одессу.

Ещё есть эскадрилья тихоходных МБР-2 (Морской ближний разведчик – летающая лодка – Л.Д.), возглавляемая майором Чебанником. На неё надежд мало, не та техника.

29 июля над Аккерманом был сбит Рожнов...

Так что ж, Лев Львович Шестаков, готов ты принять полк в столь ответственный период его только ещё начинающегося боевого пути? Сумеешь ли оправдать возложенное на тебя высокое доверие по защите неба Одессы в час её суровейших испытаний?

Лев подумал о Верховце, Кобелькове, Кунице, Асташкине, Елохине, Маланове, Серогодском, Топольском и других...

«С такими орлами горы свернём, перед любым вражеским натиском устоим!» – твёрдо сказал себе Шестаков».

И-16 в атаке

Марьинский быстро сдал дела и убыл в распоряжение штаба ВВС. На плечи Льва Шестакова взвалилась уйма не предвиденных им забот. Вот что рассказал о том, как он с ними справился, **Алексей Череватенко** в уже упоминавшейся нами книге «Одесса в огне».

«Новый командир установил прочные связи с частями, обороняющими Одессу. С комиссаром Верховцом быстро установили ещё более тесный контакт. Командир не в меру горяч, вспыльчив, он словно начинён взрывчаткой. Комиссар, наоборот, спокоен, нетороплив даже при решении самого трудного вопроса. Они как бы дополняли друг друга. К тому же оба великолепные лётчики, любят летать.

Порядок заведён железный. Закончен боевой день – собираемся подводить итоги. Командир и комиссар – рядом. Приятно видеть такую неразлучную пару. Разговор – о дисциплине, соблюдении уставов и наставлений. Много внимания мы уделяем изучению боевой техники врага, его тактических приёмов. Родилась своего рода школа боевого опыта. Достойное место в нашей жизни занимала партийно-политическая работа».

...В то время как Шестаков вникал в круг новых обязанностей, входил в роль командира полка, к нему из города Пятихатки, что на Днепропетровщине, спешил человек, который станет надёжным его сподвижником на всех фронтовых дорогах. Спешил этот человек не попутным транспортом, а на лично им управляемой, совсем ещё новой, белой «эмочке».

Не короткий путь от Пятихаток до Одессы он прошёл на предельной скорости, зная, что, если хоть немного задержится, – не сумеет прорваться в окружённый город.

Вполне возможно, что этот человек был последним сумевшим проскочить на легковой машине в Одессу: в день, когда он предстал перед Шестаковым, город был полностью блокирован врагом со стороны суши.

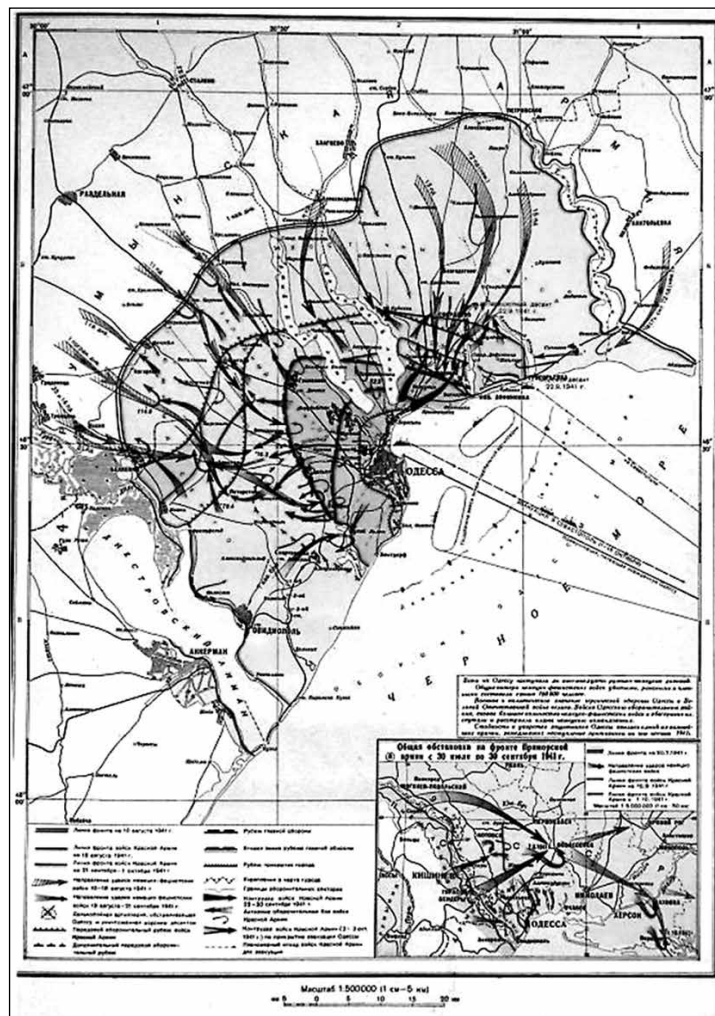
Лев Львович ещё и ещё раз перечитывал вручённое ему русоволосым круглолицым парнем командировочное предписание и не верил своим глазам.

- Как вы, Василий Погорелый, к нам попали?
- Обычным путём – по шоссе.
- И вас не обстреляли?
- Ни разу.
- И немцев или румын не видели?
- Никого не видел.
- Ну, товарищ Погорелый, в таком случае ваша фамилия вам не соответствует. Вы скорее несгораемый.

Так бывший шофёр директора пятихатской МТС стал личным водителем командира 69-го истребительного авиационного полка. Стал им потому, что с самого зарождения полка был приписан к нему как рядовой запаса.

Вася оказался сообразительным, разбитным малым. В не очень ёмком багажнике «эмочки» он умудрялся возить абсолютно всё, что в любую минуту могло понадобиться командиру. Именно такой человек и был крайне необходим в боевой обстановке.

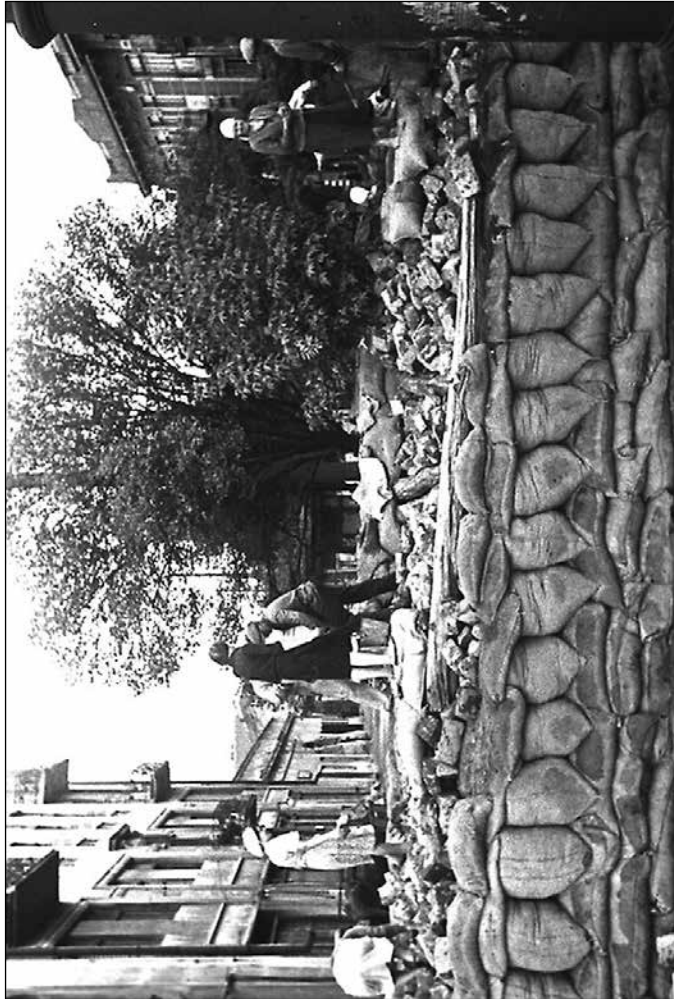
Василий Погорелый прибыл 5 августа 1941 года, в день начала блокады Одессы.

Глава IV. Блокада Одессы

«Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности». Командир звена. Хроника боевых действий. 13 августа – Наградной лист к ордену «Красное Знамя». Создание Одесского оборонительного района. Начало нового штурма Одессы. Газета «Правда» о защитниках Одессы. Пополнение из Крыма. Представление к званию Героя Советского Союза. Полк совершает 100 вылетов в день. В Аркадии последний аэродром. Шестаков – Верховец; 2 против 20. «Эвакуировать войска Одесского района на Крымский полуостров».

Защищалась каждая улица Одессы

5 августа 1941 года пришла директива Ставки Верховного Командования: «Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности».

Необходимость этого диктовалась тем, что в портах города сосредоточилась масса народнохозяйственных грузов, предназначенных для отправки на восток. Кроме того, Одесса приобретала значение как передовая база Черноморского флота.

6 августа Василия Серогодского назначили командиром звена. Это означало, что его доля ответственности за выполнение боевых заданий заметно возросла.

К этому времени обстановка накалилась до предела. Противник активизировал действия авиации. Ежедневно происходили ожесточённые схватки в воздухе. 69-й полк мобилизовал все свои силы, отражая один вражеский налёт за другим.

13 августа вечером лётчики Топольский, Шелемин и звено Серогодского вели бой с бомбардировщиками противника. В результате умелого маневрирования И-16, их смелых атак два «хейнкеля» были подбиты «эрэсами» (реактивными снарядами – Л.Д.) и, оставляя за собой дымный след, ушли со снижением.

Воздушный бой

В тот же день был оформлен «Наградной лист». Привожу его полностью. Напечатано с копии оригинала..

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Серогодский Василий Александрович.
Младший лейтенант.

Командир звена 69 истр. авиаполка представляется к награде орденом «Красное Знамя».

1. Год рождения – 1919.
2. Национальность – русский.
3. С какого года в Красной армии – 1937 года.
4. Партийность – член ВЛКСМ.
5. Участие в боях – район Тирасполя и Одессы, июль – август 1941 года.

6. Ранения и контузии – ранений и контузий не имеет.
7. Награждения – ранее не награждался.
8. Каким РВК призван – г. Ташкент, Ленинский РВК.

КРАТКОЕ КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА или ЗАСЛУГ

Тов. Серогодский имеет 45 боевых вылетов на штурмовку наземных войск противника, разведку, сопровождения своих бомбардировщиков и воздушный бой.

Борясь с врагом, тов. Серогодский показал образцы мужества и героизма, смело и беззаветно бросаясь в бой с вражескими самолётами за нашу Родину.

Тов. Серогодский силой огня пулемётов смешивал фашистских стервятников с землёй при штурмовке наземных войск противника.

Тов. Серогодский с исключительной настойчивостью и решительностью ведёт воздушный бой, он лично сбил фашистский самолёт типа Ю-88.

За проявленное мужество и самоотверженность в борьбе с фашистскими извергами достоин правительственной награды ордена «Красное Знамя».

Командир 69 иап подполковник <i>Подпись</i> есть, но неразборчива	Военком 69 иап <i>Подпись</i> Бат. Комиссар Верховец
--	--

Начальник штаба майор *Подпись* В. Никитин,

При рассмотрении копии оригинала можно заметить следующее.

Место призыва – указан г. Ташкент. Почему? По логике Василий Александрович не мог быть в тех краях. Или был? Он ведь шёл прямым путём в Борисоглебское училище из Ленинграда. Ошибка писаря? В других Наградных листах – Героя – данная графа не заполнена, а в листах к представлению к ордену «Красное Знамя» – данной графы вообще нет. Неясность.

P. S.

После поисков «Ташкента» удалось увидеть документ «Выписку из именных списков безвозвратных потерь...», где в графе «Каким РВК и какой области призван» чётко прописано: «Ленинградским РВК». По-другому и не должно быть. Однако писарь ошибся. Но это поправимая ошибка.

Вторая неясность о подполковнике, командире 69-го ИАП, подписавшем Наградной лист. Видимо, это был представитель дивизии, пока, временно, исполняющий обязанности. Официальный приказ о назначении майора Шестакова командиром полка пришёл 16 июля, а Алексей Николаевич Марьинский по документам был майором. А может, подполковником к моменту подписания?

Мы видим по прохождению документов (13 августа подписан Наградной лист), что уже 5 ноября 1941 года вышло Постановление военного совета Южного фронта за № 016/Н.

«За образцовое выполнение заданий командования и проявленную при этом доблесть и мужество, от имени Президиума Верховного Совета СССР, в соответствии с Указом от 22 октября 1941 года, наградить орденом «Красное Знамя» командира звена 69 истребительного авиационного полка младшего лейтенанта Серогодского Василия Александровича».

15 августа во время боя севернее станции Карпово самолёт командира звена получил повреждение, и он был вынужден повернуть домой. Ему удалось-таки посадить самолёт на своём аэродроме, хотя шасси не выпускалось. После этого его И-16 на несколько дней был выведен из строя.

На штурм черноморской твердыни фашисты бросили всю 4-ю румынскую армию. В целом восемнадцать пехотных дивизий и три кавалерийские бригады, поддерживаемые более чем ста самолётами, штурмовали оборонительные рубежи Одессы протяжённостью 250 километров.

А кто противостоял натиску врага? Отдельная Приморская армия в составе двух стрелковых дивизий и одной бригады, поредевший авиационный полк, немногочисленные корабли и части береговой артиллерии Черноморского флота.

19 августа был создан Одесский оборонительный район во главе с командующим контр-адмиралом Г.В. Жуковым. Жизнь города была полностью подчинена задачам его обороны. Шестаков

как депутат горсовета хорошо знал, какой вклад вносят одесситы в защиту своего родного города. Достаточно сказать, что в основном их руками были созданы многокилометровые оборонительные сооружения.

20 августа враг начал новый штурм Одессы.

Эскадрильи 69-го полка к тому времени все собрались в Одессе, разместились на нескольких площадках. Комэски Асташкин, Капустин, Рыкачёв фактически превращались в командиров звеньев. На 15 августа в полку осталось всего двадцать исправных самолётов. Но и с таким количеством техники лётчики творили чудеса.

20 августа Василию Серогодскому, как одному из самых результативных лётчиков полка, командующий ВВС Приморской армии объявил благодарность и наградил ручными часами.

20 августа лётчик участвовал в боевом вылете на штурмовку живой силы противника, отвечая ратными делами на поощрение командующего.

Конец августа и начало сентября прошли для Василия Серогодского в постоянной напряжённой боевой работе.

25 августа его звено в составе шестёрки И-16 штурмовало конницу и пехоту противника, двигавшихся по дороге в районе села Ильинка. При возвращении, уже под городом, наши лётчики атаковали три «хейнкеля», вели бой с «мессершмитами». В результате один вражеский самолёт был сбит.

26 августа Серогодский вылетел в составе восьми И-16 на разведку наземных войск противника в районе Александровка, Свердлова, Гильдендорф, Кубанка, Ильинка, Выгода. Около местечка Фрейденталь лётчики штурмовали вражескую пехоту.

29 августа Серогодский в группе из восьми И-16 участвовал в атаке на вражескую пехоту в районе Васильевка – Петровский. По оценке наших наземных войск, атаки И-16 оказались удачными. Однако и самолёты в результате обстрела вражеской зенитной артиллерией имели немало пробоин. Там же, над целью, лётчики полка были встречены двенадцатью истребителями противника. В результате ожесточённого боя один вражеский самолёт был сбит и упал в районе хутора Дубиново.

В тот же день, едва передохнув после первого вылета, Василий отправился во главе своего звена на штурмовку пехоты и артиллерии противника в районе Беляевка, Калинин, Березань, Фрейденталь.

По своим доблестным делам Василий Серогодский стал известен не только в своём полку, но и во всём Одесском оборонительном районе.

30 августа газета «Черноморская коммуна» поместила фотоснимок: Василий стоит в шлемофоне у своего самолёта И-16, словно готовый тотчас, после позирования фотографу, лететь на выполнение боевой задачи. Под снимком слова: «Герой Великой Отечественной войны – лётчик-истребитель комсомолец Серогодский.

В борьбе с фашистской авиацией, проявив доблесть и мужество, сбил три самолёта».

...Шестакову на стол легла радиограмма, из которой явствовало, что ожидается массированный налёт на Одессу.

Он тут же во главе группы отправился прикрывать город. Разведданные оказались точными: вдоль береговой черты под прикрытием девятки «мессеров» следовали двенадцать «юнкерсов». Курс – на морской порт. А там как раз идёт посадка эвакуирующихся семей защитников Одессы.

Силы неравные – восемь против двадцати одного. Но это ровно ничего не значит: враг не должен прорваться к цели.

Командир даёт сигнал: пятёрке связать боем «мессеров». Сам во главе тройки набрасывается

на бомбардировщиков Ю-88. Калейдоскопом закручивается воздушная карусель. Трудно уследить, где кто. Но каждый лётчик видит свою цель, устремляется к ней, стремится уничтожить.

Всё это происходит прямо над головами одесситов. Горожане с восторгом наблюдают за решительными действиями отважных соколов, чувство гордости переполняет их сердца.

Чем упорнее оборонялись защитники города, тем ожесточённее становился враг. С каждым днём он всё больше сжимал своё зловещее кольцо. Обильно поливаемый кровью лучших бойцов, всё больше сокращался одесский плацдарм.

Фашисты лишили горожан электричества, затем, захватив водонапорную башню на Днестре, оставили их без воды.

Сотни, тысячи снарядов, бомб обрушивали они на жилые кварталы, старые и заново сооружённые в Аркадии и на Золотом пляже порты.

В эти дни почта, газеты доставлялись в Одессу морем из Севастополя. Верховец жадно набрасывался на газеты, которые были, как правило, одно-двухнедельной давности, дополнял вычитанное в них услышанным по радио и добытую таким образом информацию немедленно доводил до лётчиков, техников, механиков.

Однажды он принёс на аэродром только что полученную «Правду», собрал в убежище всех

свободных от полётов и громким, торжественным голосом стал читать передовую статью под названием «Защитники родных городов, родной земли». В ней шла речь о том, что героическая оборона Одессы так же, как и Ленинграда, Киева, является волнующим примером беззаветной любви к Родине и к родному городу, изумительным по силе проявлением массового бесстрашия и коллективного героизма.

– Неужели это о нас? – взволнованно спросил авиамеханик старшина Павел Бабкин.

– Да, именно вы, товарищи, – обратился ко всем комиссар, – каждую минуту, каждый час совершаете подвиги на этой многотрадной одесской земле! День ото дня редеют наши ряды. Нам всё труднее и труднее выполнять свой воинский долг. Мы знаем, что помощи пока ждать неоткуда. Но мы должны выстоять! Этого требует Родина! – сказал Верховец.

Разгоревшиеся ожесточённые бои становились с каждым днём всё тяжелее. Полк вёл боевые действия на подступах к Одессе.

Фактически Одесса была блокирована. Только через море, через нескончаемый грохот сражений, жила связь с Большой землёй.

И город стоял как утёс, город не сдавался.

С начала её обороны – 5 августа 1941 года – 69-й ИАП вошёл в состав ВВС Одесского

оборонительного района под командованием В.Н. Котрова и был единственной из авиационных частей, которая вела боевые действия до эвакуации героических защитников этого города в Крым, имея с 19 августа в своём составе ещё эскадрилью морских лётчиков 8-го ИАП ВВС Черноморского флота во главе с капитаном Фёдором Ивановичем Демченко.

Все молодые, крепкие парни. Правда, без боевого опыта – воевать им ещё не довелось. Но они пригнали в полк дополнительно семнадцать вполне исправных самолётов и пять штурмовиков Ил-2 под командованием лейтенанта Н.П. Кутейникова.

Этому-то Шестаков не мог нарадоваться. Предстояли ещё более жестокие бои, и такое подкрепление было как никогда кстати.

Череватенко А.Т., из книги «Небо Одессы»

«Майор Шестаков представляет командиров. Капитан Фёдор Иванович Демченко, его заместитель Василий Николаевич Вальцефер, комиссар Валентин Петрович Маралин.

Жмём друг другу руки. Демченко представляет всех своих подчинённых: Серафим Лузиков, Григорий Бакунин, Иван Беришвили, Владимир Мирончук, Михаил Дмитрусенко, Дмитрий Мягков, Петр Николашин, Хайдула Ченкунов, Виктор Шевченко, Иван Яковенко... На левом фланге – молодые, как на подбор, парни, штурмовики,

летавшие на самолётах Ил-2, тогда ещё только поступивших на вооружение: Кутейников, Суслин, Аленицкий, Давыдов.

Ребята что надо: ладные, в отлично пригнанной форме лётчиков морской авиации. Просто невольно завидно становится и, сожалея, думаешь: «Таковыми бравыми молодцами и мы выглядели недавно. Война стёрла с нас парадный лоск. Спим под кустами, на промасленном брезенте, бреемся раз в три дня, да и то кое-как, бывает, что и есть приходится на ходу... Эх, да что говорить, запарились мы тут, может, теперь облегчение почувствуем».

Смуглый лейтенант, настоящий щёголь, с аккуратно подстриженными усами, протягивает мне руку:

– Лейтенант Беришвили!

– Очень приятно, – отвечаю я, – а зовут вас как, лейтенант?

– Очень даже по-русски – Иван.

Откуда ни возьмись в разговор врывается Серогодский:

– Это тебя, друг, Иваном зовут? Из Костромы или из Вологды? – хитро улыбается он.

– Нет, я из Тбилиси.

– Тогда, значит, ты Ваню, – говорит Серогодский, – но мы согласны и Иваном величать.

– Я слышал, что Тбилиси – красивый город, – говорит Елохин.

Серогодский снова взвизгнул:

– Может, и красивый, но не лучше моей Костромы... Ах, Кострома! – он мечтательно

прикрывает веки. – Какая нетронутая природа вокруг! Сосновые леса, а в них грибы! А дичи сколько: медведи, кабаны, лоси!..

– А слоны у вас, случайно, не водятся? – ехидно ввёртывает Шилов.

– Бывают, – не растерялся Серогодский, – в цирке!

Беришвили во время этой перепалки курил папиросу, посмеиваясь в усики.

– Всем известно, что самый красивый город Одесса! – торжественно провозгласил он, бросая окурок в бочку с песком. – Но... дорогие друзья, приезжайте после войны в мой родной Тбилиси, и вы сами признаете, что равных ему нет на свете. Самый лучший в мире проспект – имени Руставели, самый лучший театр – имени Палиашвили...»

* * *

«Но не лучше моей Костромы...»

Всё же грустил Василий Александрович по родине! Там жили Починки, дорогая сестра Поля с тремя ребяташками (четвёртого – племянника ещё не было, он скоро появится на свет, и назовут его в честь дяди – Василием), родная тётя Мария Разумовна, дед Разум Иванович. Сын его, Иван Разумович, был уже на войне.

Двоюродные братья Сергей и Фёдор после педучилища – тоже уже на войне. Может, сёстры Галина с Марусей на Совете? Может, выбрались из Ленинграда?

Мы деда Разума побаивались. Всю большую прихожую он занимал под мастерскую: плёл так называемые плетухи – большие корзины, кошёлки под сено, траву, мякину из ленты длиной до 4 метров, шириной до 10 сантиметров, полученной от расщепления по годовым слоям сосны, – то есть ёмкости не под тяжёлые и не сыпучие материалы, продукты, а под лёгкие, объёмные.

После катанья с Пятнишной горы, засыпанные снегом, в ледяных штанах и валенках, мы вбежали в прихожую (в куть). Дед разворачивался и, не отпуская инструмента из рук, показывал в сторону ступенек на печку, покрикивая: «На печь, жулики-мазурики!» – и опять: «На печь, жулики-мазурики! В избу не входить!»

Русской печки хватало на всю ватагу. «Наверное, и на эскадрилью хватило бы...» Но почему жулики-мазурики? (Ведь и будущий герой не вылезал зимою с этой печки, а отогревшись, мастерил что-либо из дранки в кути.)

А может, Василий Александрович вспоминал бесконечные клюквенные места болота Большая Чисть? Голубишники между осинками, берёзками, ольховыми рощицами? А может, Бор, набитый настоящими грибами? Может, думал об утренних и вечерних походах на тетеревиные «чучела»?

Наверное, скорей всего, так. Наверное, и о многом, многом ещё другом, хорошем, светлом, что унёс навсегда с собою... О чём никогда нам не узнать.

И ведь был он таким же, как мы. Он так же воспитывался не только в домах мастеров, но и в домах романтиков. Где чтили небо всегда. И как божество – Северное Сияние.

Об этом, скорей всего, находясь в осаждённой Одессе, и вспоминал Василий, потому как знал без подсказки, с чего начинается Родина.

* * *

Знакомство с моряками впоследствии переросло в крепкую боевую дружбу. Русские, украинцы, белорусы, грузины, армяне, молдаване, башкиры – все были братьями единой семьи, сражались за Родину-мать, приближая Победу. Только жаль, не все до неё дожили.

Василию Серогодскому не суждено поехать в гости к другу в Тбилиси, он погибнет под Сталинградом, а Иван Беришвили так и не увидел прекрасных костромских лесов, он отдал жизнь в боях за Одессу...

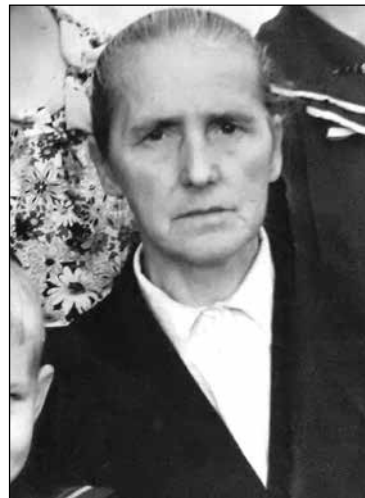
Лётчики-черноморцы, быстро освоившись с обстановкой, начали готовиться к боям. В эскадрилье царил строжайшая дисциплина. Не услышишь грубого окрика, пренебрежительно-повелительного тона или ругательства. Одним словом – морская школа. Комиссар эскадрильи черноморцев Валентин Петрович Маралин чем-то напоминал Семёна Андреевича Куницу. Такой же подтянутый, аккуратный, внимательный и чуткий к подчинённым.

*Сын Александры Разумовны –
Серогодский
Василий Александрович*

*Сын Илары Разумовны –
Дудин Сергей Анфиногенович*

*Екатерина Разумовна –
сестра матери Героя*

*Мария Разумовна –
сестра матери Героя*

Дубы. Вид из окон дома Героя. Вдали Прокошевский перелесок

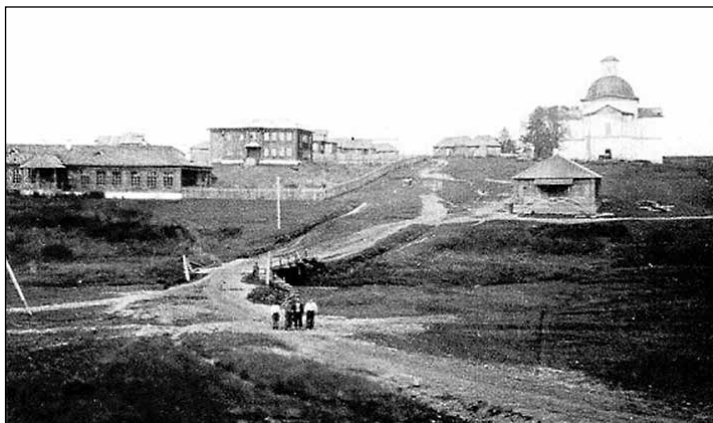
По дороге в Починовский Бор

*Галина Александровна –
сестра Героя*

*Апполинария Александровна –
сестра Героя*

Совега. Вид с Васильевской горы на деревню Великово

*Мария Александровна –
сестра Героя*

*Дочь Екатерины Александровны
Серогодской – Боярская
(Уурсова) Нина Александровна –
племянница Героя*

*Сын Марии Александровны – Михалёв Юрий Глебович,
его жена – Исаева Любовь Александровна*

Черноморцы на второй же день начали облёт района боевых действий. Но перед тем Шестаков распорядился, чтобы моряки понаблюдали за взлётом и посадкой тройки наших истребителей, которых поведёт на разведку сам командир полка.

Полёт начался как обычно. Тройка дружно поднялась в воздух и, набирая высоту, ушла на запад. Прошло некоторое время, и кто-то воскликнул:

– Возвращаются!

Все разом повернули головы на запад и увидели низко идущих над лесом «ястребков»: их возвращалось двое...

Молча стояли оставшиеся на земле, полные самых тревожных предчувствий, ожидая, пока они приземлятся, когда с вышки донёсся голос наблюдателя:

– Третий, третий летит!

Третий не летел, он почти падал, резко идя на снижение. За ним тащился хвост чёрного дыма. Все, кто наблюдал за этой посадкой, замерли: казалось, что через секунду самолёт вспыхнет и раздастся оглушительный взрыв.

Но пламени не было видно. «Ишак» плюхнулся в траву и покатился, переваливаясь с крыла на крыло. На ходу из дымящейся машины вывалился лётчик – лейтенант Педько. Одежда на нём горела. Все бросились ему на помощь. С лейтенанта быстро стащили куртку, сапоги, гимнастёрку. И вот он стоял босой, в одних трусах и майке. Больно было смотреть на обгоревшую

шевелюру, на покрытые багровыми волдырями руки. Педько с жадностью выпил поданную кем-то кружку воды, вылив остатки на голову. Врач Шаньков уже суетился возле него, оказывая первую помощь. Педько, не то усмехаясь бледными губами, не то кривясь от боли, бормотал:

– Чёрт побери, малость перетрусил... Обидно ж погибнуть ни за понюх табаку... А сгореть заживо, да ещё и у себя дома, и вовсе глупо...

Пострадавшего увезли в санитарную часть.

Подробности полёта мы узнали от капитана Асташкина, летавшего с этой тройкой. Разведчики встретили на маршруте восемь истребителей «Мессершмитт-109». Избежать боя не удалось. Но трое против восьми...

Какое-то время звено «ястребков» оборонялось, но потом, овладев ситуацией, стало наступать. Два вражеских истребителя были сбиты. Победа воодушевила нашу тройку, и она решила повторить атаку. Но тут оказалось, что машина командира полка получила повреждение, и майор приказал выходить из боя. Не тут-то было! Противник решил взять реванш. «Мессеры» набросились на Асташкина, и ему на помощь поспешил Педько. Товарища он спас, но сам пострадал.

Для майора Шестакова этот бой послужил хорошим уроком. Он пришёл к выводу, что боевая единица – звено из трёх истребителей – изживает себя, её следует менять. Надо переходить к паре, к звену из четырёх самолётов. Жизнь подтвердила правильность этих выводов.

Зажатый на узкой полоске одесской земли полк жил не только боевой, но ещё и творческой, новаторской жизнью. Это было в характере Льва Шестакова, таким был его командирский стиль.

Прибывшее пополнение повысило боеспособность полка. Меньше стало жертв, больше побед. Даже лётчики эскадрильи Демченко, захваченные общим азартом, начали открывать счёт сбитых фашистов. А что касается звена штурмовиков лейтенанта Кутейникова, то они с первых вылетов проявили себя настоящими молодцами. Их ИЛы стали ударной силой полка.

26 сентября на Василия Серогодского и особо отличившихся лётчиков были оформлены наградные листы о присвоении званий Героев Советского Союза. Это фактически подведение итогов борьбы с фашистами за три месяца ведения боевых действий.

Ещё раз хотелось бы отметить чёткую работу армейской «канцелярии», обеспокоенность руководителей самых высших должностей, чтоб заслуги воинов были справедливо и достойно оценены. И своевременно.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Серогодский Василий Александрович.
Лейтенант.

Командир звена 69 истр. авиаполка представляется к званию «Героя Советского Союза».

1. Год рождения – **1919**.
2. Национальность – русский.

3. Скакого года в Красной армии – **1937 года**.
4. Партийность – член ВЛКСМ.
5. Участие в боях – район Одессы июль – август – сентябрь 1941 года.
6. Ранения и контузии – ранений и контузий не имеет.
7. Награждения – **представлен к ордену «Красное Знамя»** за храбрость и мужество.
8. Каким РВК призван – прочерк.

КРАТКОЕ КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА или ЗАСЛУГ

*Товарищ Серогодский В.А. – отличный командир, лётчик-истребитель, не раз водивший своих лётчиков на штурмовку германо-румынских фашистов. Штурмуя врага во взаимодействии с 25 и 95 стрелковыми дивизиями, товарищ Серогодский наносит сокрушительные удары по живой силе противника, огневым точкам, коннице и миномётным гнёздам. За дни боевых действий имеет **139** боевых вылетов, из них: на штурмовку – **58**, воздушный бой – **21**, на разведку – **11**, сопровождение своих бомбардировщиков – **10**.*

*С 20 августа имеет **78** боевых вылетов: на штурмовку – **46**, воздушный бой – **8**, разведку – **4**, сопровождение бомбардировщиков – **7**.*

*Товарищ Серогодский сбил лично **2** самолёта противника. **4** самолёта – в группе.*

За отличное выполнение боевых заданий на фронте с германо-румынскими фашистами

и проявленные при этом храбрость и героизм, на основании приказа НКО СССР за № 0299 от 19.8.1941 года, товарищ Серогодский достоин высшей правительственной награды звания «Героя Советского Союза».

Командир 69 ИАП <i>Подпись майор Шестаков</i>	Военком 69 иап <i>Подпись Бат. Комиссар</i> Верховец
--	--

«26» сентября 1941 года

II. Заключение вышестоящих начальников

Ходатайствую о присвоении звания «Героя Советского Союза».

Командующий ВВС Од ОР <i>Подпись Комбриг Котров</i>	Военный комиссар, полковой комиссар <i>Подпись Мельников</i>
--	--

«27» сентября 1941 года

III. Заключение Военного Совета армии

Ходатайствует о присвоении звания «Героя Советского Союза».

Командующий Приморской Армией Генерал-лейтенант Софронов <i>Подпись</i>	Военный комиссар, бригадный комиссар <i>Подпись Кузнецов</i>
--	--

«30» сентября 1941 года

IV. Заключение Военного Совета фронта

За отличное выполнение боевых заданий, проявленные при этом храбрость и мужество достоин высшей награды – звания «Героя Советского Союза».

Командующий войсками ОдОР Контр-адмирал <i>Подпись Жуков</i>	Член военного совета дивизионный комиссар <i>Подпись Воронин</i> дивизионный комиссар <i>Подпись Азаров</i>
---	---

Опережая события, скажем, что Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденом Ленина с вручением «Золотой медали Героя Советского Союза» вышел 10 февраля 1942 года. Но об этом в феврале и поговорим. А пока бои, бои... Бесконечные бои.

* * *

Положение складывалось критическое. Ставка перебросила в Одессу с Кавказа 157-ю стрелковую дивизию. В пути находились и другие части. Наши воины нанесли удар по румынам с тыла. Одновременно войска Одесского гарнизона перешли в наступление с фронта. Враг начал отступать, неся большие потери в живой силе и боевой технике. Одесский плацдарм расширился настолько, что из порта и в порт, не подвергаясь артиллерийскому обстрелу, смогли свободно ходить корабли.

В эти дни 69-й истребительный полк совершал до 100 вылетов в день. Его хорошо выручило новое пополнение лётчиков, в числе которых были Головачёв, Казаков, Бондаренко и другие. Они прибыли без самолётов, поэтому подменяли лётчиков, изрядно уставших, измотанных. С первых вылетов показали свой бойцовский характер Павел Головачёв и Василий Бондаренко. Они сумели первыми из вновь прибывших начать счёт сбитым самолётам.

Последний аэродром – в Аркадии, у бывшего артиллерийского училища. С помощью горожан снесли часть парка, некоторые дома, убрали трамвайные линии. Получилось поле длиной 800 и шириной 600 метров.

Лавриненков В.Д., из книги «Сокол-1»

«Вокруг – город. Такого военного аэродрома никто из авиаторов ещё никогда не видел. Но даже и в таких условиях командир и комиссар показывали лётчикам образцы стойкости и героизма, нередко первыми вылетали на боевое задание.

Так было и тогда, когда они парой поднялись и с рассвета ушли в район Дальника. Прошлись над передним краем, проштурмовали артиллерийские позиции, и тут, выходя из пикирования, Шестаков заметил чёрные точки на горизонте. Никак «хейнкели»? Сколько же их? Десять, двадцать? И кто знает, не идут ли они бомбить наш аэродром? Ведь недаром же несколько раз

прошёлся над ним вражеский разведчик, пока его наконец не сразил капитан Стребков. Оказалось, что это был итальянский «савойя-маркетти» с экипажем в три человека, двух из которых взяли в плен, а третий разбился – не раскрылся парашют. Итальянцы рассказали, что им была поставлена задача – обнаружить и сфотографировать аэродром. Часть доставленных ими в свой штаб плёнок уже была обработана и дешифрована. Вполне возможно, что снимки эти уже переложены на штурманские карты экипажей «хейнкелей». Но даже если и не так, то пропустить врага к Одессе – не в правилах Шестакова.

Он проследил за Верховцом, увидел, как тот начал выходить из пикирования. Скорее, скорее, комиссар! Николай Андреевич в следующую секунду уже увидел Шестакова, подававшего ему крыльями сигнал: «Следуй за мной!»

Сам Лев решил ещё поднабрать высоты, чтобы обрушиться на врага сверху, со стороны солнца. Верховец – за ним. Уже оттуда, с высоты, увидел армаду вражеских бомбардировщиков.

Бойцовский азарт охватил истребителей. Сейчас будет схватка. Двое против двадцати!

Численное превосходство противника надо уметь компенсировать внезапностью, хитростью, неожиданным манёвром.

Шестаков и Верховец множество раз в деталях обсуждали все возможные варианты действий пары в разных ситуациях. Главное сейчас – не дать себя застать врасплох, застраховаться от неожиданных атак фашистских истребителей.

Командиру и комиссару не нужно было сговариваться, они понимали друг друга с полуслова на земле и в воздухе.

Шестаков, пропустив под собой бомбардировщиков, метеором бросился им вслед – сверху вниз. От его метких очередей запылали один, затем второй замыкающие самолёты. Строй сразу распался, фашистских лётчиков охватила паника. Лев снова ушёл ввысь, тщательно осматривая воздушное пространство вокруг, а «хейнкелей» уже атаковал Верховец.

Так вдвоём, вращаясь вертикальной каруселью, они держали фашистов под непрерывным огнём и в то же время видели всё вокруг, что позволило им поджечь четырёх бомбардировщиков, остальных разогнать, повернуть вспять. А когда тем на выручку пришла четвёрка «мессеров», – вовремя уйти самим: снаряды кончились, ничего другого не оставалось. «Мессершмитты» яростно атаковывали смельчаков, мстя за поражение своей бомбардировочной эскадры.

Не раз заходили в хвост краснозвёздным «ястребкам», но те всякий раз из-под кинжальных трасс увёртывались с какой-то дьявольской проворностью.

Когда приземлились, Шестаков, взглянув на машину комиссара, воскликнул:

– Как же ты летал – с неё ведь вся обшивка содрана!

Николай Андреевич оглянулся на свой истребитель и обомлел: вместо фюзеляжа был один голый скелет, с арматуры свисала обшивка.

– Бережёного Бог бережёт, – невесело пошутил комиссар.

Полк продолжал героически сражаться, неся потери.

Погибли, столкнувшись при атаке «юнкеров» с планерами на буксире, капитан Стребков и лейтенант Щепоткин. Не стало Бакунина, Мирончука, Эсаулова. Их жизнь оборвалась в небе над Сухим Лиманом».

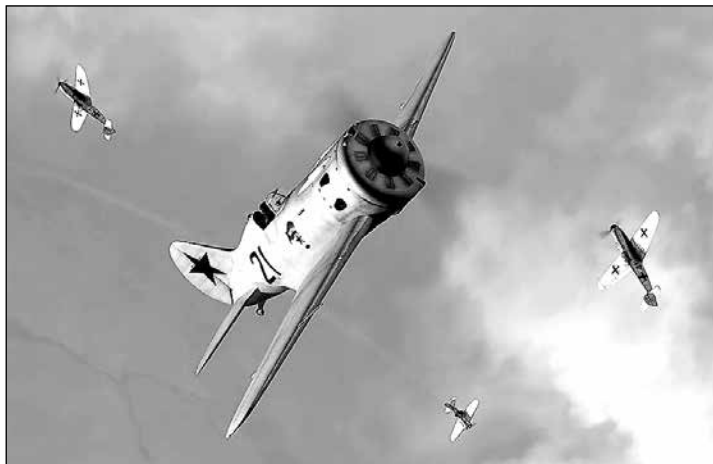
Хроника

1–29 сентября Василий Серогодский бесменно нёс боевую вахту по охране города и наших наземных войск. Бывало, усталость валила с ног, но, как только звучал сигнал тревоги, его самолёт вновь поднимался в воздух.

30 сентября, спустя четыре дня после того, как он был представлен к званию Героя Советского Союза, Василий участвовал в штурмовке вражеской дальнобойной артиллерии в районе Мариенталь. Атаки наших лётчиков были удачными. С большой точностью они сбросили бомбы. На одной из батарей взорвались ящики с боеприпасами, загорелся маскировочный материал на орудиях, четыре из которых были выведены из строя. Эффективные действия командира звена Серогодского и его товарищей помогли нашим войскам, защищавшим этот район, не только удержать позиции, но и нанести чувствительный контрудар по противнику.

В тот же день наши лётчики вели бой с шестью «мессершмиттами». Лейтенант Серогодский в паре со старшим лейтенантом Полозом сбил один вражеский истребитель. После этого он подавил зенитную батарею и уничтожил пулемётно-зенитную установку противника.

Так вместе со своим полком защищал Василий Серогодский Одессу летом и осенью сорок первого года.

На защите одесского неба

* * *

Трудно, очень трудно приходилось полку на его небольшом пятачке. Все жили надеждой, что вот-вот произойдут какие-то изменения в лучшую сторону. Чтобы продолжить борьбу за Одессу, нужно удвоить, утроить удары по врагу, чего бы это ни стоило...

«Истребители будут ходить конвейером, – решил Шестаков. – Лётчиков сменять через каждые два-три вылета».

Новый этап борьбы полк разворачивал почти на последнем дыхании, собирал в единый кулак все свои силы.

Льву Львовичу поневоле всё это очень напоминало испанский финал. Только теперь он никак не хотел верить, что рано или поздно и тут ему придётся отступить под фашистским натиском. «Не может, не должно этого быть!» – повторял он про себя.

А сердце подсказывало другое... Ведь враг уже взял Минск, Киев, начал блокировать Ленинград, пали Орёл, Калинин, фашист рвётся к столице нашей Родины – Москве. Ухудшилось положение наших войск в Крыму...

Как ни поверни – всё складывается не в пользу защитников Одессы. Они, как и прежде, готовы продолжить сражение. Им бы только хоть немного подкрепления, и они стояли бы столько, сколько потребует Родина. Но события разворачивались по-иному.

Прибыл комбриг Котров в сопровождении начальника штаба Шанина, полкового комиссара Мельшакова и майора Шестакова. Комбриг собрал командный состав, сетуя, что мало народу собралось, и стал говорить.

Он сказал, что командующий оборонительным районом контр-адмирал Гавриил Васильевич Жуков поручил передать лётчикам,

инженерам, техникам, всему личному составу полка сердечную благодарность за активную помощь в обороне города. Лётчики крепко подпирают наземные части. За проявленные мужество и отвагу многие из вас представлены к правительственным наградам, к высокому званию Героя Советского Союза...

На этом торжественную часть комбриг закончил. Началась деловая. Он напомнил, что гитлеровцы не унимаются. И наша задача – усилить удары по врагу. Давайте вместе обсудим, что необходимо для этого...

Из района Дофиновки по утрам бьёт вражеская артиллерия.

Падают сражённые осколками люди, что стоят в очереди за водой...

Он подтвердил, что полк обязан защитить их, все надежды сейчас на авиаторов. В представлении горожан лётчики всесильны, всемогущи.

Комбриг закончил свой монолог словами: «И задача полка состоит в том, чтобы ещё крепче бить фашистов!»

Все согласились с его словами, но со всех сторон слышались голоса, что бить-то врага нечем.

...Осмелился выступить командир эскадрильи капитан А.А. Елохин. Он сказал, что нужны самолёты. Те, на которых сейчас воюем, отработали своё и требуют замены... Ведь даже маневрировать ими невозможно полной мерой.

Комбриг Котров ничего не мог пообещать, посоветовал, ссылаясь на трудности в стране,

воевать на том, что есть. Просил использовать внутренние резервы, беречь машины, восстанавливать неисправные.

Лётчики возвращались со встречи с комбригом твёрдо убеждённые, что Одессу отстоят, чего бы это им ни стоило.

Справка

Хотелось бы отметить, что героическая оборона Одессы осуществлялась не только воинами Приморской армии, Черноморского флота, но и населением города.

В ряды защитников Одессы влилось почти всё население, способное держать в руках оружие, а также способное помочь всем, на что человек способен. В течение первой военной недели в городе и в области было создано 45 истребительных батальонов, затем 6 специальных добровольческих отрядов, предназначенных для ведения баррикадно-уличных боёв.

По призыву руководства Одессы в оборонительных работах участвовало свыше 100 тыс. человек, соорудивших в короткий срок три оборонительных рубежа. Городские предприятия за время обороны изготовили для фронта 5 бронепоездов, 55 танков, 1262 миномёта, 965 огнемётов, около 310 тыс. гранат, до 250 тыс. противопехотных мин и другое вооружение и снаряжение. Врагу так и не удалось

ворваться в город. Только в связи с изменением общей обстановки на фронте советское командование 30 сентября 1941 г. отдало приказ об эвакуации войск.

Враг потерял под Одессой 160 тыс. солдат и офицеров, до 100 танков, около 200 самолётов. Всё население города и области, временно попавшее под иго оккупантов, оказывало активное сопротивление фашистам. Более 20 тыс. жителей Одессы ушли в катакомбы. В городе и пригородах действовали 6 партизанских отрядов и 45 подпольных групп. Подпольщики и партизаны города и области уничтожили более 5 тыс. солдат и офицеров, организовали 27 крушений воинских эшелонов и нанесли другой материальный ущерб врагу.

Родина высоко оценила подвиги защитников Одессы: 14 воинам (12 из 69-го авиаполка – Л.Д.) присвоено звание Героя Советского Союза, 57 награждены орденом Ленина, более 30 тыс. участников героической обороны отмечены медалью «За оборону Одессы». За выдающиеся заслуги перед Родиной, мужество и героизм, проявленные трудящимися города в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, 8 мая 1965 г. город-герой Одесса был награждён орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда».

Никто не знал, что в тот самый вечер, 30 сентября, когда проходило совещание, командо-

вание оборонительного района получило секретный приказ Ставки об эвакуации войск из Одессы: «...храбро и честно выполнившим свою задачу бойцам и командирам Одесского оборонительного района в кратчайший срок эвакуировать войска <...> на Крымский полуостров».

Некоторое время после этого всё держалось в тайне. Во всяком случае, в полку никто не знал о существовании такого приказа.

План эвакуации тоже готовился в глубокой тайне, чтобы дезориентировать врага. Прежде всего вывозилась тяжёлая артиллерия, служба тыла. Первые корабли с войсками и техникой незаметно оставили Одессу уже 1 октября вечером.

На следующий день с целью ввести в заблуждение противника наши части перешли в наступление в районе села Дофиновка. Операция прошла успешно, были захвачены трофеи, взяты пленные. Попытки гитлеровцев оттеснить наши войска с позиций не удалась.

И лётчики полка в эти дни трудились, не зная устали. Штурмовали передний край, громили ближние тылы и скопления техники на железнодорожных узлах, вблизи населённых пунктов.

Наступление в районе Дофиновки, высокая активность нашей авиации сыграли свою роль: противник до последнего времени не знал, что происходит эвакуация.

Так продолжалось вплоть до 13 октября. Лётчики вели активные бои и несли потери.

В эти дни над Сухим Лиманом погиб Владимир Сахаров, там же был сбит Серафим Лузиков из эскадрильи капитана Демченко.

Череватенко А.Т., из книги «Небо Одессы»

«В то хмурое осеннее утро мы проснулись ещё затемно. Техники Кутняев, Фитисов, Карахан, Стецюк, Коновалов, Поветкин уже прогревали моторы, готовили самолёты к боевым вылетам.

Пришла почта. Комиссара Верховца сразу обступили: газет нам вчера не доставили, и мы хотели от него узнать последнюю сводку. Верховец, воспользовавшись свободной минутой, стал на ходу проводить политинформацию: ожесточённые бои на Волховском, Брянском, Мелитопольском направлениях...

Пока не было ничего утешительного. Ребята склонились над картой.

– А об Одессе что говорится в сводке? – задал кто-то вопрос.

Верховец тяжело вздохнул:

– Ничего, хлопцы, не вешайте носы, засяе же солнце у наше віконце...

– Или! – воскликнул Серогодский.

Это чисто одесское восклицание, обозначающее скорее убеждённость, чем сомнение, развеселило нас: все мы молоды, здоровы и не должны унывать. Конечно же, будет и на нашей улице

праздник, наше направление будет только на запад! Врагу недолго топтать наши города. Победа будет за нами! Прозвучала команда:

– Приготовиться к полётам!

– По коням! – уточнил неугомонный Вася Серогодский.

Все разом мы почувствовали какое-то облегчение: если летим на задание, значит, дела наши не так уж плохи. Солдат себя чувствует уверенно в бою...

Первой шестёрке – охранять город и порт, а мы – на Дальник. Ох уж этот Дальник, превращённый врагом в сплошной дот, Дальник, где потеряли мы Григория Бакунина, Алексея Маланова...

Фашисты окопались здесь основательно. Мы обстреливаем скопления техники, сбрасываем реактивные снаряды. Горит под крылом земля. Вражеские зенитки ведут непрерывный огонь, но, несмотря на это, мы возвращаемся целые и невредимые и тут же начинаем подготовку к очередному полёту. Филиппов, который возит-ся с моим парашютом, вдруг сообщает:

– Между прочим, полк перелетает на другую базу...

– Это что же – на Дерибасовскую? – недоумеваю я.

– Хотите верьте, хотите нет, – обижается Филиппов, – но только это так, Приказ есть.

– Не говори вздор! – грубость моя объяснима: в голове моей начинается сумятица. Как же так? Снова отступление? Ничего не

понимаю... Да ведь комбриг Котров и комиссар Мельшанов утверждали, что Одессу будем защищать до последнего, что Одесса была, есть и будет советской! Тут что-то не так, видно, Филиппов напутал...

С трудом сдерживая волнение, пошёл выяснять. Что случилось? Какая новая беда нагрянула на полк?

И тут у меня вроде как глаза открылись. Как же это я не обратил сразу внимания! Аэродром – как разворошённый муравейник, всё пришло в движение, заплясало, судорожно задёргалось. Механики в спешке словно забыли о мерах предосторожности: на открытых площадках снимают моторы с повреждённых самолётов.

Подкатили на легковой машине командир батальона обеспечения Погодин и комиссар Клейнман. Торопит группу солдат начальник связи капитан Носычев. Ну, если связисты сматывают кабель... Я подошёл к Носычеву:

– Товарищ капитан, внесите ясность: что случилось?

– Да вот, – дрожащим голосом отвечает он. – Получен приказ сниматься! Сматываем, значит, удочки...

Горькая шутка.

– Куда?

Капитан махнул в сторону моря. Понимай, как знаешь. И вот наступила та страшная тишина, которой больше всего боится солдат. Шестаков отменяет полёты».

И лишь 13 октября Лев Львович объявил полку срочный сбор. Он стоял перед строем неузнаваемый: ссутулившийся, побледневший. Только одни глаза горели гневом и решимостью.

В тревожной тишине зазвучали слова командира, которые было больно слушать.

Он сообщал, что боевая работа полка в Одессе закончена. Приказано срочно эвакуироваться в Крым.

Для перелёта командиром первой группы назначен Алексей Череватенко. Вылет сегодня.

Завтра отлёт второй группы – капитана Демченко.

Часть лётчиков, не имеющих самолётов, инженеры, техники, начальник штаба Никитин улетит на учебно-тренировочном самолёте с капитаном Елохиным...

2 истребителя И-16: Шестакова с одиннадцатью алыми звёздочками на борту – количество сбитых фашистских самолётов – и Верховца, с пятью звёздочками, были разобраны и погружены на канонерские лодки. Сами они ушли вместе с Военным советом Одесского оборонительного района на торпедных катерах.

Череватенко А. Т., из книги «Небо Одессы»

– Задача такова, – говорил командир, стараясь не смотреть в глаза стоящих перед ним лётчиков, – как можно скорее собраться в дорогу. План эвакуации полка утверждён. Часть самолётов отправляется в Крым своим ходом, старые

машины будут погружены на баржи и суда. Вопросы будут?

Все стали расходиться по своим делам. <...>

Когда четверть часа спустя приехал в полк, группа была полностью подготовлена к дальнему перелёту: залито горючее, опробованы моторы. Оставалось сказать Одессе последнее «прощай».

В ожидании сигнала мы напряжённо смотрели в небо. Натужно гудели перегруженные машины. Транспортный «вальти», когда-то отремонтированный инженером Юдиным и техником Моисеевым, первым выкатил на старт, в него по лесенке начали входить люди. Комэск Елохин в сторонке прощался с фельдшером Леной Семёновой, она с группой ехала пароходом. Некоторые лётчики, не считаясь с перегрузкой, взяли к себе в машины своих техников...

В четырнадцать ноль-ноль в небо взметнулась ракета. Пошёл! Мой «ястребок» легко тронулся с места, и вот уже под крыльями поплыли жёлто-зелёные сады Большого Фонтана, окутанные голубоватой дымкой. Над морем развернулись и стали набирать высоту. Я заметил, как слева и выше стрелой мелькнул «Мессершмитт», за ним другой, третий... Облака скрыли их на секунду, но вот они снова вынырнули, блеснув на солнце крыльями.

Ах, чёрт побери! Ещё вчера я немедленно скомандовал бы: атаковать противника! Но сейчас обстоятельства заставляют меня отступить, проскользнуть незаметно.

«Мессеры» не заметили нас, и мы стали набирать высоту, брать курс на Крым. Нам предстояло преодолеть триста километров над морем. Хватило бы горючего. Встречный ветер уменьшает скорость, двигатель работает с переборами.

Медленно уплывал под нами город, и я мысленно повторял: «До скорой встречи, Одесса! Мы обязательно вернёмся!»

Авиационный полк, – с 22 июня по 14 октября 1941 года – за 115 суток выполнивший 6608 боевых вылетов, сбивший 94 самолёта и три планера, уничтоживший до 30 самолётов на земле, а также уничтоживший большое количество другой боевой техники и живой силы противника, покидал город, за который отдали свою жизнь лучшие его воздушные бойцы.

Небо Одессы оставалось беззащитным. Но ещё несколько дней вражеские лётчики с большой опаской появлялись в нём, не веря, что их больше не встретят красновзвёздные мстители – лётчики-шестаковцы.

А командир и комиссар в это время в каюте торпедного катера подводили итоги одесской эпопеи, прикидывали, сколько техники и людей потребуется для восстановления полка.

Они были уверены, что из Крыма начнётся наступление, в результате которого они снова вернутся в свой любимый город.

Одесса будет освобождена войсками 3-го Украинского фронта (командующий – генерал армии Р.Я. Малиновский) 10 апреля 1944 года – знамя освобождения было поднято над портиком Одесского оперного театра.

Боевые действия 69-го истребительного авиационного полка в осаждённом городе были беспрецедентными.

«Личный состав 69-го истребительного авиационного полка, – указывалось в представлении части к награждению орденом Красного Знамени, – за период с 22 июня по 8 сентября 1941 года проявил в разгроме фашистских варваров героизм и беспредельную преданность Коммунистической партии и социалистической Родине... 69-й истребительный авиационный полк, нанося противнику сокрушительные удары, обеспечивал нашим войскам выполнение приказа Народного комиссара обороны по защите города Одессы... Бойцы и командиры наземных войск восхищались героическими подвигами лётчиков 69-го ИАП, неоднократно присылали благодарности за боевую помощь...»

Вступивший в командование Приморской армией генерал-майор И.Е. Петров, отмечая особые заслуги полка, в одном из приказов писал, что лётчики 69-го ИАП своей беззаветной

преданностью делу Коммунистической партии и храбростью открыли новую страницу в истории нашей боевой авиации...

После перелёта из оставленной по приказу командования Одессы в Крым, когда Василий Серогодский в числе немногих «перескочил» на выдавшем виды «ишачке» через море и благополучно сел на крымской земле, ему сообщили, что за бои в городе Одессе он представлен к званию Героя Советского Союза.

Оборона Одессы

Одесситы вырыли свыше 250 км противотанковых рвов, поставили 45 км надолбов и проволочных заграждений, установили 40 тыс. мин. На эти работы ежедневно выходили 10-12 тыс. женщин и подростков. В городе было сооружено 250 баррикад.

*Девчонки строят
баррикады*

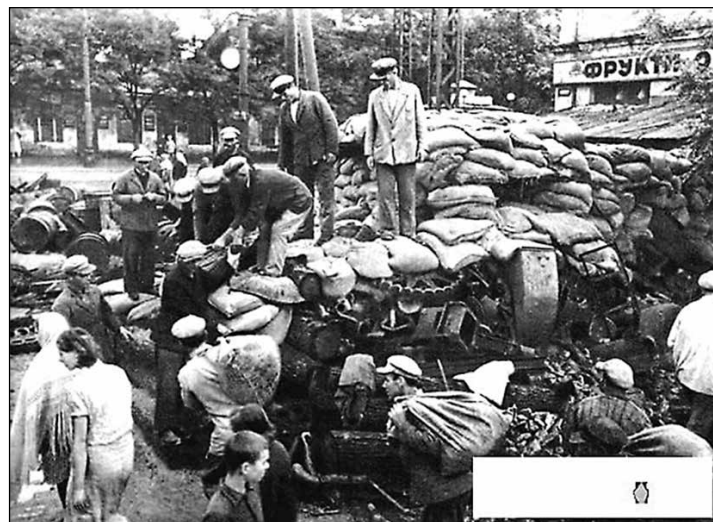
*Мальчишки строят
баррикады*

Одесса в огне

Зенитчики. Минутная пауза

Одесситы на строительстве баррикад

Клятва

На защите Одессы корабли Черноморского флота

Атака моряков

Всё для обороны Одессы

На огневой позиции бойцы стрелкового взвода

Ведут огонь артиллеристы

Ремонт бронемашины

Всё, что осталось от порта после эвакуации

Г.П. Софронов

Генерал-лейтенант Георгий Павлович Софронов. Командовал Приморской армией почти до самого конца обороны Одессы, точнее – до 5 октября 1941 года. 22 сентября войска армии нанесли комбинированный удар (морской десант в районе Григорьевки, воздушный десант в тылу врага), нанесли по-

ражение двум румынским дивизиям и отбросили противника на 5–8 километров. Более чем на два месяца войска стояли на смерть, Верховным командованием было решено эвакуировать войска Одесского оборонительного района, в том числе Приморскую армию, в Крым по морю.

Г.В. Жуков

19 августа 1941 года директивой был образован Одесский оборонительный район. Его командующим назначен контр-адмирал Гавриил Васильевич Жуков. Вместе с Военным Советом Одесского оборонительного района он руководит действиями Приморской армии, кораблей Военно-Морской базы, перестройкой одесских предприятий на военный

лад. С 1 по 16 октября руководимые контр-адмиралом Жуковым войска, были в полном порядке переброшены из зажатой во вражеском кольце Одессы в Крым.

Глава V. Дорога в Крым, или пути господни...

Место сбора – Крым, село Кунан (ныне село Красносельское). Удача приземления группы А.Т. Череватенко. Пропаж и поиск комиссара эскадрильи Феодосия Дубковского. Остров Джарылгач – приют комэска А.А. Елохина и начальника штаба В.С. Никитина. Сторожевой катер. Порт Ак-Мечеть. Трагедия группы капитана Демченко. Судьба капитана Вальцефера. Конрат (село Молочное) – гибель пилотов Виктора Шевченко и Дмитрия Мяжкова. Севастополь – приказ отправиться в Закавказье. Прощание с И-16.

Село Кунан (Красносельское) – место сосредоточения полка

Глава IV закончена, и не хотелось было сообщать, какие драмы и трагедии разыгрывались на море, земле и в небе на 300-километровой трассе Одесса – Крым. Здесь судьба сберегла Василия Александровича для сражений над Харьковом и Доном, для Сталинградской битвы.

Но я понял, что будет несправедливо, если я промолчу и не донесу, со слов оставшихся в живых и по документам, печальные истории, случившиеся при перелёте Одесса – Крым (место сбора – село Кунан).

Долго и томительно летел первый отряд, не ощущая пространства: море и небо, – вот и все ориентиры. И только когда впереди по курсу над морем закружили чайки, можно было понять, что земля уже близко. Постепенно стали вырисовываться неясные очертания берега, лётчики что было сил закричали: «Ура! Дотянули! Слава могучим и выносливым «ишакам»!»

Радость, однако, угасла, когда увидели белёсую пелену тумана. Белое молоко клубилось вокруг низких глинобитных домиков, над плоской равниной, усеянной редкими деревцами. Но выхода нет, горючее на исходе, садиться надо, ничего не попишешь.

На бредущем пробили ватную стену тумана и, к своему удивлению, вышли на полевую площадку вблизи села Кунан (ныне село Красносельское на самой западной части полуострова Крым – Л.Д.). Резкий толчок шасси о грунт,

свист ветра в ушах, последний усталый вздох двигателя, и Череватенко выбрался из кабины. Все приземлились? Серогодский, Педько, Королёв, Сечин, Тараканов... Но не было комиссара эскадрильи Феодосия Дубковского. Неужели не хватило горючего и он пошёл на вынужденную?

Но тогда это должно было случиться где-то на берегу. Он не мог погибнуть! – думали сослуживцы. Общую уверенность поддержали и механики, прилетевшие раньше на транспортном самолёте. Кружил, говорят, одиночный самолёт в районе порта Ак-Мечеть, а потом будто провалился.

Немедленно были поставлены на ноги гарнизоны из ближайших сёл: начать розыски пропавшего самолёта. Подавленные случившимся, лётчики с нетерпением ждали хоть каких-нибудь вестей, но проходил час, другой, третий, и надежда постепенно покидала боевых друзей. Принято уже решение двойками пойти на поиски в степь, держась берега, как вдруг открылась дверь и на пороге вырос Феодосий Никитич. Ребята бросились обнимать комиссара, расспрашивать, что же всё-таки с ним произошло.

Как и предполагалось, у Дубковского действительно у берега кончилось горючее, да тут ещё туман примешался... Словом, посадил машину где смог, но, к счастью, удачно.

На другой день ждали группу капитана Демченко. Судя по радиограмме из Одессы, группа должна была прибыть к вечеру.

Наступили сумерки, быстро надвигалась глухая осенняя ночь. Подул сильный северо-восточ-

ный ветер, низко над землёй поплыли тяжёлые облака. Пошёл дождь. А Демченко всё не было. Все утешали себя мыслью, что капитан вылетел с опозданием, что, возможно, изменил курс, приземлился в другом месте... Да мало ли могло оказаться причин, ведь война! Одного только никто не мог предположить – что Демченко может погибнуть.

Учитывая ненастную погоду, на аэродроме включили прожекторы. Светящиеся столбы судорожно металась по небу. Такой ориентир нельзя не заметить! Но капитан и его группа не прилетели ни в тот, ни на следующий день.

Не было и комэска Елохина. Он вылетел на учебно-тренировочном самолёте УТИ-4 вместе с начальником штаба полка Виктором Семёновичем Никитиным и тоже словно в воду канул.

Эти двое «воскресли» через три дня. Из основной группы в порту Ак-Мечеть оказались лётчики эскадрильи Елохина, когда к берегу подошёл военный катер. К своему изумлению и неописуемой радости, они увидели среди людей, стоящих на палубе, комэска и начальника штаба. С ними произошла невероятная история.

Спустя четверть часа после того как они взлетели, разразилась настоящая буря, хлынул дождь. Тяжёлые тучи ползли над самой головой. Агтею Елохину пришлось прижать свою машину к воде. Изредка он включал карманный фонарик, чтобы взглянуть на компас: на учебно-тренировочном самолёте отсутствовали приборы для пилотирования в ночных условиях.

Вскоре Елохин понял, что сбился с курса. Надо было где-то отсидеться до утра и не жечь попусту горючее. Заметив под крылом песчаную косу, он принял решение садиться.

Приземлились с убраным шасси, выбрались из кабины, осмотрелись. Рядом шумело море, а вдалеке, на севере, вспыхивали огоньки. К утру определили, что находятся на острове Джарылгач. Это южнее города Скадовска, который к тому времени был уже оккупирован. Продрогшие, усталые и голодные лётчики отправились разведать обстановку. В густых зарослях кустарника они заметили два силуэта. Почти тотчас из зарослей донеслось:

– Стоять на месте! Будем стрелять!

Это оказались свои, братишки-матросы. Они рассказали, что на острове уже были гитлеровцы, чинили расправу над пленными красноармейцами и местными рыбаками – расстреливали. Моряки спаслись, спрятавшись в дюнах.

Подобрал всех сторожевой катер.

Лётчики-черноморцы шли тремя группами. Первую повёл комэск, с собой он взял своего комиссара Валентина Маралина. С капитаном Демченко шли лейтенанты Хайдула Ченкунов, Михаил Дмитрусенко, Пётр Николашин и младший лейтенант Виктор Тарасов из второй эскадрильи полка. Самолёт его был неисправен, и потому он не успел вылететь с группой Череватенко. Из этих шести человек были позже найдены останки двух – Дмитрусенко и Николашина – под обломками разбитых самолётов неподалёку от

Севастополя. Имена лётчиков установили по сохранившимся при них документам.

Капитан Вальцефер должен был вести вторую группу вслед за Демченко. По прихоти судьбы случилось так, что вылетал он один. И почему так вышло, боевые друзья узнали только много лет спустя после войны.

По рассказам Вальцефера, внезапно испортилась погода – неудивительно: стояла глубокая осень. Других лётчиков тотчас задержали с вылетом, успели, а он оказался отрезанным стеной непогоды, хотя ему тоже давали сигнал возвращаться. Он следовал своим курсом на Крым, а разбушевавшаяся стихия поглощала все его силы и внимание... Потом-то узнаёт, что летит один. Ему удалось благополучно пересечь море, но из-за тумана не мог выйти на село Кунан, взял курс на Евпаторию. Садился уже в темноте, без каких-либо ориентиров. При посадке машину разбило в щепки, сам был тяжело ранен, а вот техник Фукалов, находившийся в фюзеляже, отделался лёгкими ушибами. Он-то и помог Вальцеферу... Потом он долго лежал в госпиталях, но выкарабкался всё же... Вернулся в строй и летал на боевых машинах до самого окончания войны.

В последней группе вылетели лейтенанты Николай Скачков, Иван Сапрыкин, Виктор Шевченко и Дмитрий Мягков. Четвёрка удачно прошла расстояние над морем и, почти долетев до Крыма, тоже сбилась с курса всё из-за того же тумана. Скачков и Сапрыкин оказались в районе села Терекли-Конрад (Молочное) и там совершили

посадку. Вторая пара – Шевченко и Мягков – уклонились в сторону Севастополя. И, так как сумерки быстро сгущались, а горячее было на исходе, Шевченко пошёл на вынужденную и разбился. Мягков выбросился с парашютом. Во время приземления лётчик ударился головой о телеграфный столб. Удар оказался смертельным.

Так печально сложилась судьба эскадрильи черноморцев капитана Фёдора Ивановича Демченко. Из двадцати трёх человек лётного состава восемь черноморцев погибли в боях, столько же во время перелёта из Одессы в Крым 14 октября 1941 года.

* * *

Майор Шестаков предвидел, что при перелёте неизбежно будут беды, и без этого малочисленный боевой коллектив ещё более поредет.

Но то, что он увидел в Севастополе, где в конце концов встретился с остатками полка, сразило его: перед ним предстала горстка осунувшихся, измученных лётчиков, механиков, техников, инженеров и считанные, предельно изношенные самолёты.

...Горькие спазмы начали душить командира. На глазах у него выступили слёзы. Таким его видели впервые. До сих пор он был для всех воплощением воли и твёрдости, доходившей порой до жёсткости. И никто не думал, что в жизни могут быть обстоятельства, от которых дрогнет и закалённое в боях сердце их командира.

Пока Шестаков справлялся со своим волнением, все стояли перед ним опустив головы, мяти в руках шлемы, и было на душе такое чувство, будто они, оставшиеся в живых, виноваты в постигшей полк трагедии.

И только комиссар оставался внешне спокойным, уравновешенным. Твёрдым голосом он сказал:

– Мало нас осталось, но полк сохранён. Пополнимся – и снова в бой!

– Правильно, Николай Андреевич, – поддерживал его Шестаков. – Помня о погибших, будем драться так, чтобы наше небо для фашистов стало пеклом. А сейчас – всем привести себя в порядок, почистить, поштопать, погладить обмундирование, помыться, подстричься. Возможно, нам будет устроен смотр. Нужно всем показать, что духом мы по-прежнему сильны.

Только вместо ожидаемого смотра пришёл приказ сдать оставшиеся самолёты и через Керченский пролив отправиться в Закавказье.

Такой поворот дела Льва Львовича мало устраивал. Он был твёрдо намерен доукомплектовать полк техникой и личным составом и немедленно приступить к дальнейшим боевым действиям.

Однако высшему командованию было виднее, как поступить.

– Ну что ж, боевые друзья, готовьте самолёты к сдаче, – объявил Шестаков, и опять к его горлу подступил предательский комок.

Трудно, очень трудно было расставаться со своими родными «ишачками».

И вот наступила минута прощания.

Командир и комиссар подошли к своим видавшим виды «ястребкам», украшенным алыми победными звёздочками, погладили их борта, вышли на середину стоянки.

– Сегодня мы прощаемся с нашими боевыми самолётами – верными крылатыми друзьями, – срывающимся от волнения голосом сказал Лев Львович. – Слава им, защищавшим одесское небо!

Шестаков и Верховец разрядили свои пистолеты, им эхом вторил весь полк.

Салют вам, славные, героические «ястребки»! Вы навсегда останетесь в сердцах тех, кого поднимали в бой ваши честные крылья!..

Одесса – Севастополь – Керчь. Далее Кавказ...

Глава VI. Подготовка к новым сражениям

Грозный. Гудермес. Кировабад. Самолёты-истребители ЛаГГ-3.

Воспоминания генерала Н.М. Скоморохова. Письмо Василия Александровича на Совегу. Воспоминания о дедке Николае Степановиче. Посылки из полка.

Указы о награждении полка орденом Красного Знамени, о присвоении 12 лётчикам звания Героя Советского Союза. Вручение в Баку орденов Ленина и Золотых Звёзд Героя. Вручение полку ордена Красного Знамени, гвардейского Знамени, знака «Гвардия».

Совега. Германов Починок. Снег в сиянии солнца

В конце октября 1941 года полк, как показано в предыдущей главе, фактически не задерживаясь в Крыму, был выведен на переформирование в Закавказье через порты Керчь – Чушка. Погрузка в железнодорожный эшелон заняла немного времени. На третий день полк был под Грозным, в Гудермесе. Здесь всем предоставили месячный отдых. Расположились на окраине города, у базара. Именно это обстоятельство явилось причиной довольно крутых порядков, установленных Шестаковым. Базар – пёстрый, многоязыкий и бойкий. Там могло быть что угодно.

Весть, что полк прибыл из Одессы, молниеносно облетела город, и стоило в нём появиться кому-либо из лётчиков или техников, – их тут же окружали местные жители. А на базаре сразу же подносили вино, персики, гранаты. Отказаться – обидеть людей.

Находясь в далёком Гудермесе, лётчики, техники, механики твёрдо верили: враг будет разбит, победа будет за нами. Эту веру ничто не могло поколебать.

И когда пришёл приказ следовать в запасный авиационный полк в город Кировабад, все несказанно обрадовались, воспрянули духом: скоро все они будут участвовать в решительной схватке с ненавистным врагом. Здесь лётчики пройдут переучивание на самолёты конструкторов Лавочкина С.А., Горбунова В.П. и Гудкова М.И. – ЛаГГ-3.

История истребителя ЛаГГ-3 началась в конце 1938 г. Двое сотрудников Главного управления авиапромышленности (ГУАП) В.П. Горбунов и С.А. Лавочкин решили выйти с предложением о постройке своего истребителя. По пути к М.М. Кагановичу (в то время нарком авиапромышленности СССР) они повстречали М.И. Гудкова, также работника ГУАПа. Прихватив его, они оказались в кабинете наркома. В.П. Горбунов доложил о проекте М.М. Кагановичу и показал новый материал – дельта-древесину, из чего бы они хотели сделать истребитель. Кагановичу проект понравился, и конструкторам разрешили начать работу.

Вскоре в Горьком (Канавино) было образовано конструкторское бюро ОКБ-301.

В соответствии с указом НКАП СССР серийный выпуск истребителей ЛаГГ-3 должен был начаться 9 декабря 1940 года одновременно на пяти заводах, в том числе на заводе № 21 в Горьком, № 31 в Таганроге и № 23 в Ленинграде.

Гудков остался в Химках, получив должность главного конструктора ОКБ-301. Там он работал над истребителем Гу-1, который по схеме повторял американский истребитель Р-39 «Аэрокобра».

В это же время, в соответствии с постановлением правительства, самолёт И-301 переименовали в ЛаГГ-1, а его улучшенный вариант, с большей дальностью, – в ЛаГГ-3.

Различные серии машин существенно отличались друг от друга. Состав вооружения их также менялся. На самых первых довоенных оно состояло из пяти пулемётов: трёх крупнокалиберных и двух скорострельных, но вскоре вместо центрального пулемёта стали ставить пушку ШВАК (Шпитального-Владимирова, авиационная крупнокалиберная).

Кроме того, под крылом могли подвешиваться 6–8 РС-82 или две бомбы. Такого вооружения не было ни на одном истребителе нашей страны. Всего было выпущено 6528 самолётов ЛаГГ-3.

* * *

О том, как 9-й гвардейский прибыл в Кировабад, рассказал в книге «Боем живёт истребитель» дважды Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Н.М. Скоморохов. Здесь, в 11-м учебном полку, ему довелось быть курсантом. Вот что он пишет: «Как-то мы услышали звуки духового оркестра, доносившиеся

издалека. Удивлённые, высыпали на улицу, увидели колонну, приближавшуюся к городу. Что это значит? Кто идёт?

Колонна ближе, ближе. Умолк оркестр. И тут же в небо взлетела песня:

*Всё выше, и выше, и выше
Стремим мы полёт наших птиц...*

Когда колонна подошла к нам, мы увидели совершенно необычную для этих мест картину: чётким строем шли лётчики-фронтовики, грудь их украшали многочисленные ордена и медали. Впереди – коренастый, с волевым лицом, в красивой довоенной авиационной форме командир, Герой Советского Союза.

– Шестаков, гвардейцы-шестаковцы! – разнеслось между нами.

Это был прославленный в боях за оборону Одессы 69-й истребительный полк майора Льва Львовича Шестакова. Он прибыл к нам на переучивание после напряжённых боёв в небе Одессы. О героических делах шестаковцев писалось тогда в газетах, к нам доходили слухи об их беспримерном мастерстве и мужестве.

Но то, что мы увидели сами, превзошло все наши ожидания. Полк, переживший оборону Одессы, потерявший добрую половину людей, предстал перед нами как на параде – все в новом обмундировании, начищенных до блеска сапогах, побритые, подстриженные, чеканя шаг, шагают с бодрой маршевой песней.

Какой высокий моральный дух! Разве можно было поверить, что эти люди пережили страшную трагедию отступления? Весь их вид, всё их поведение свидетельствовали о несломленной воле, о неистребимом стремлении к победе.

Перед моими глазами и сейчас стоит Лев Шестаков – русоволосый, среднего роста, крепко сбитый, подтянутый, с энергичными, но экономными движениями рук, чётко поставленным голосом. При нечастых встречах с ним мы, молодые, переходили на строевой шаг, а в свободное время только и говорили о нём, о его людях. О них говорил весь гарнизон. Такова сила, таково влияние на умы и сердца настоящего мужества, подлинного героизма».

Николай Михайлович Скоморохов мало видел Льва Львовича Шестакова, но сохранил в своём сердце его образ на всю жизнь. Он был для него путеводной звездой на всём трудном и длинном пути от Кавказских до Альпийских гор.

29 октября пришёл приказ, взбудораживший весь полк: 69-й истребительный разделялся на два полка. Один из них – возглавляемый Шестаковым – как был, так и остался 69-м, второй полк получил номер 69 «А» (вскоре стал 790-м).

Чести командовать вторым полком удостоился недавно назначенный заместителем Шестакова Юрий Борисович Рыкачёв. Комиссаром к нему пошёл Феодосий Дубковский, комсоргом – Алибек Ваниев.

Подобрать руководящий состав было не столь сложно. А вот из лётчиков, инженеров, техников, механиков никто не хотел уходить от Шестакова. Шли к нему целыми группами, писали длинные рапорты-петиции. Лев их понимал. Он и сам вряд ли смог бы уйти из полка, с которым столько связано. Но надо понимать и другое: полк разделяется надвое, чтобы на базе его сформировать две новые равнозначные части. Герои Одессы станут в них цементирующей силой. С этим нельзя было не считаться.

Шестаков вместе с Верховцом и Никитиным занялись отбором людей.

Затем собрали всех, кого наметили, тепло, душевно поговорили с ними. Вроде бы помогло – никто не просил оставить в полку, однако расставание было всё же грустным.

Ушли к Рыкачёву лётчики Череватенко, Песков и другие. Ушёл инженером полка и лучший из авиатехников Федотов, забрали в дивизию на повышение Кобелькова. Очень тяжело было его отпускать – он ведь на все руки мастер, непререкаемый авторитет в инженерно-технической службе. Но такие специалисты требовались и там. Его место занял майор Дмитрий Спиридонов.

Старший лейтенант Василий Серогодский остался командиром эскадрильи в полку подполковника Шестакова.

Письмо Василия Александровича

г. Кировабад, 24 января 1942 года

Здравствуйте, Поля, Галина, и передайте привет всем нашим родственникам. Шлю вам свой сердечный привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Простите, что так долго не писал. Я вам давал несколько телеграмм, не знаю – вы получили или нет. Я пока жив и здоров, надеюсь, что таким буду и в дальнейшем.

Пришлось крепко подраться с фашистами, за что меня правительство наградило орденом «Красное Знамя». В настоящее время нахожусь на далёком юге. У вас, наверное, там мороз, а у нас тепло, иногда выпадают дожди.

Пока не воюем, но скоро вновь пойдём бить фашистов. Работы предстоит ещё много, но с ней мы справимся, и фашисты будут разбиты.

Пришлось временно расстаться с Одессой, но надеюсь скоро вновь возвратиться туда. Пришлось много попутешествовать. Если бы я написал письмо, то ваше письмо всё равно бы меня не застало.

Когда получите моё письмо, напишите.

Пока, до свидания. С приветом Вася.

Заметим, что известие о награждении первым орденом «Красное Знамя» он получил до 24 января, сообщив об этом очень скромно, несколькими словами.

«У вас, наверное, там мороз...» – пишет Василий Александрович из Кировабада сёстрам Поле и Галине в Германов Починок (сестра Галина какими-то судьбами выбралась из блокадного Ленинграда).

* * *

Да, Василий Александрович, на Совете стояла тогда настоящая северная зима. Нас, детей трёх–пяти лет, молодые наши мамы, уходя на работу, приводили к деду: нянчить нас, следить за нами, чтобы чего не натворили. В центре – зыбка. Дед качает Васю, младшего внука, привязав к ноге верёвку. Ногой качает. В руке вожжи. Мы прыгаем вокруг зыбки (он нас – хлестанёт вожжами!); от зыбки – на русскую печку (опять хлестанёт!); с печки через переборку – на кухню. Здесь нас не достать. Но скучно же! Мы опять к зыбке... Вожжами-то, я знаю, он нас пугал просто так, для острастки, для видимости. И немного – для устрашения. Но нам всё это – дед, мы, печка, переборка, кухня, вожжи – было в радость. Мы понимали, что дед нам больно не сделает.

Такое «воспитание» происходит в Германове Починке, в доме других Дедюхиных, – в доме моего деда по материнской линии – Николая Степановича. У него выросло три дочери и три сына. Дочери Александра, Мария, Анна. Сыновья Александр, Иван, Василий. Сыновья деда Николая все были убиты на войне. Дочери жили

рядом. Александра вышла замуж за Ивана Разумовича (за брата матери Героя), как мы помним, в Германов Починок, народив семерых детей; Мария, моя мать, – за Дудина Анфиногена Михайловича (вторым браком) в Харитонов Починок, народив троих детей; Анна – за Алексея Вячеславовича Дудина – тоже в Харитонов Починок, народив пятерых детей, в том числе известного писателя Владимира Дудина, увековечившего малую родину как Атлантиду в достойной книге «Из истории Советов».

Тётя Поля Серогодская «привелась» в дом Николая Степановича, выйдя замуж за его старшего сына Александра Николаевича. Здесь она и жила. В этот адрес и шли письма. И не только письма.

Пришла от Василия Александровича посылка. Быстро была поделена на всю ораву. Всем поровну. Мне досталось несколько печенок (по-местному: печенюшек). Я медленно, не понимая, что это такое, держал содержимое во рту, а потом уж, насладившись вкусом, глотал. Наверное, все ребята так делали.

Пришёл домой и спрашиваю свою мать: «Мам, что это такое, откусишь мало, а нажётся полный-полный рот?» – и рассказал ей о посылке. – «Дак это печенье, дитятко», – вздохнула мать. То ли от печали, то ли от радости. Надо полагать, что мать вздохнула от печали. «Пять лет ребёнку, а печенье не видывал», – опять вздохнула мать.

И долго ещё за мной ходило «...а нажётся полный рот».

Если бы я тогда умел читать и писать, я бы начал отвечать такими словами: «Дорогой дядя Вася! Получили от тебя письмо и посылку. Гостинцы разделили всем поровну. Было очень вкусно».

Не забывали оставшуюся на далёкой Совеге тётю Полю с детьми и боевые друзья. Посылки из полка ещё долго приходили и после гибели Героя, считай, до конца войны.

*Тётя Поля со своими сыновьями.
Стоят, слева направо: Александр, Николай.
Сидят: Владимир, Василий. Год 1944 (или 45?)*

Забот у деда хватало. У тёти Поли вдруг перевелось молоко, кормить Васю – младенца – было нечем. Пошёл дед на Харитонов Починок. Подловил бывшую соседку: «Надь, а Надь?» – то ли зовёт, то ли спрашивает. – «Что Надь, Надь?» – оборачивается Надежда. «Пойдём-ко что тебе покажу». – «Никуда я с тобой, дед, не пойду. Вишь ты, пойдём-ко. По своим бабам ходи...»

Дед, вроде бы не расслышав, взял Надежду за руку, крепко сжал её: «Да хорошее покажу, дурочка ты такая, – приговаривает. – Хорошее. Худа не будет», – повторяет дед.

Привёл он Надежду к себе домой, в заднюю избу (зимнюю), – и сразу к зыбке. «Видишь внука, его Васькой зовут. Он умрёт, если ты не дашь ему молока».

Надежда спокойно открыла грудь и прижала дитя к себе.

Память почему-то выхватывает из громады лет неизбитую яркость образа. Дважды дед Николай незабываемо врезался в мою память: один раз живым, другой – мёртвым, остальные случаи – за какой-то неясной пеленой.

Задняя изба. Там же, где мы занимались играми, на полу расстелена простынь. Женщины обмывают деда. Дед на простыне – голый. Я стою

рядом. Меня никто не прогоняет. У меня только какое-то оцепенение, непонятность какая-то: был жив сегодня дед и вот сегодня же умер. Не укладывается в детской голове что-то...

Енава, внучка деда, мне двоюродная сестра по тётке Анне, постарше меня на год, говорит: «Дед не сядет за стол, пока не сходит помолиться к часовне». Часовня во имя св. Параскевы Пятницы стояла недалеко от дома. Там, где жил сват Разум.

У меня нет сомнения в том, что она правду говорит о деде. Перед Первой мировой войной Николай Степанович своих дочерей Александру, Марию и Анну, моих двух тётей и маму, когда они проходили детско-отроческий возраст, возил на Соловки. Шли они тридцать километров пешком по реке Вое до пристани Ихалица, что на реке Сухоне (по той же дороге позднее пройдёт в Ленинград и будущий Герой). Дед садился вместе с ними на пароход, и плыли они по Северной Двине до Архангельска (будущий Герой – до Вологды). А там до Соловков – рукой подать... Мои тётки и мама, когда были уже в достойном возрасте, нередко уставали и, пригорюниваясь, чаще вспоминали прожитые годы. Но как только услышат слово «Соловки» – молодели моментально: глаза – девчоночья чистота, сами – радость и откровение. Разговоры счастливые, бесконечные. Я частенько пользовался этой слабостью женщин и в минуты их грусти расспрашивал о далёкой поездке на Белое море или сам начинал

говорить о Соловках. А потом уж о космодроме Плесецк, о реках Емце, Двине... Они слушали, не наслушавшись.

Кладбище возле прихода Крестовоздвиженской церкви закрыли ещё в довоенное время. Это я помню хорошо, ибо деда, Николая Степановича, хоронили уже на новом кладбище, как тогда говорили: «В голубишнике». От слова «голубика» – северная ягода, растущая на кустах в местах чаще всего заболоченных. Кусты иногда занимают очень большие участки и называются в народе «голубишниками». Зимой, конечно, ничего не видно, кроме белого-пребелого снега, но всё равно говорили – «повезли в голубишник», понимая при этом, что повезли на кладбище. И неуютно становилось от этих слов.

Гроб на санях волокла престарелая лошадь, следом шли женщины, мы с двоюродным братом Николаем (вторым сыном тёти Поли, ровесники – по пять лет каждому) сидели на крышке гроба и почему-то вдруг запели частушки. Нас быстро спихнули в снег. Мы с перепугу шустро вскочили и оставшийся путь до кладбища шли, с мелкими перебежками, пешком, сзади процессии, на нейтральном расстоянии от редкой толпы провожающих деда, вслух и про себя осознавая ошибочность своего неправильного поведения.

*Дедюхин Иван Разумович –
брат матери Героя.*

*Дудина (Дедюхина)
Любовь Ивановна –
дочь Ивана Разумовича.*

*Морозова (Дедюхина) Серафима Ивановна –
дочь Ивана Разумовича.*

*Дедюхин Фёдор Иванович –
сын Ивана Разумовича.*

*Дедюхин Александр Иванович –
сын Ивана Разумовича.*

К семье Дедюхина Ивана Разумовича подписи: Анна Николаевна Дудина – свояченица; Александра Николаевна – жена; Николай Иванович Дедюхин – сын; Мария Ивановна Дивакова – дочь; Анна Ивановна Демкаева – дочь; Иван Петрович Демкаев – зять.

*Морозова (Дедюхина)
Алла Разумовна –
сестра матери Героя.*

*Разум Иванович
Дедюхин*

*Морозова Нина Фёдоровна –
дочь Аллы Разумовны.*

*Морозов Александр Фёдорович –
сын Аллы Разумовны.*

*Морозов Николай Фёдорович –
сын Аллы Разумовны.*

*Дудин Николай Иванович –
сын Марии Разумовны.*

*Серогодские из Васильева: 1 ряд – Серогодский Иван Николаевич
(муж Екатерины Разумовны), их внук; Екатерина Разумовна.
2 ряд- их дочери: Петрова Мария Ивановна, Егорова Надежда
Ивановна, Иванова Нина Ивановна.*

Прожила тётя Поля в дедовом доме до конца дней своих, подняв всех ребят на ноги, никого не обидев ни делом, ни словом.

Дом остался за Василием Александровичем Дедюхиным – младшим сыном тёти Поли.

* * *

И ещё. В письме есть информация: «Пришлось много попутешествовать». Попробуем раскрыть смысл его содержания.

После окончания инженерной академии им. Петра Великого мне пришлось 8 лет работать на Моторостроительном заводе имени М.В. Фрунзе в городе Куйбышеве, на Безымянке, где собирались маршевые двигатели для лунной ракеты Н-1 и параллельно «семёрочные» для 1-й и 2-й ступеней ракеты-носителя «Союз» – «гагаринской».

Во время войны этот завод № 24, эвакуированный в октябре 1941 года из Москвы на куйбышевскую площадку, продолжил выпуск моторов Ми («микулинские») для самолётов-штурмовиков Ил-2, которые собирались на соседних заводах № 1 и № 18 в городе Куйбышеве (позднее объединённый – «Прогресс»).

Здесь, в архивах, мне посчастливилось читать телеграммы т. Сталину от руководства завода и, наоборот, ответы т. Сталина руководству. Привожу их смысл по памяти: «Сообщаем, – пишут заводчане, – что на 12 декабря собрано и испытано 4 двигателя Ми. Работы

продолжаются». – Сталин заводчанам: «...стране нужно не 4–5 двигателей. Требую к середине января сделать не менее 28–30». Коротко и ясно ставилась задача.

И ведь сделали. На каждый оборонный завод в те времена назначался секретарь ЦК ВКП(б), который ежедневно отслеживал сделанные работы, а когда надо – и вмешивался, каждый вечер докладывая о результатах дня в ЦК.

На заводах работали военпреды, свои лётчики-испытатели. За готовыми самолётами по воздуху и по земле прибывали с фронта из формируемых и боевых частей звенья, эскадрильи пилотов, жили они или в частных домах Безымянки, или в наспех сделанных бараках. Знакомились с производством, вникая в суть конструкции, технологии, облётывали новые ИЛы, временами даже не окрашенные, и отправлялись опять же звеньями, эскадрильями, но уже воздушным ходом, в свои боевые полки. И этот круговорот продолжался до самого конца войны.

Изучая историю ЛаГТов, можно определить, по каким местам, кроме Одесса – Кировабад, «путешествовали» герои 69-го ИАП, и, в частности, наш Василий Серогодский. Это города Новосибирск (завод № 153), Горький (завод № 301), Тбилиси (№ 31) и другие. И это было не просто путешествие – была учёба, труд в ОКБ, в цехах, испытания, перелёты или переезды в часть.

В самый разгар освоения нового самолёта пришла радостная весть: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1942 года за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество 69-й истребительный авиационный полк награждался орденом Красного Знамени.

В тот же день, 11 февраля 1942 года, пришли центральные утренние газеты, в которых на первой странице крупным шрифтом набран Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза по начальствующему составу Красной Армии. За образцовое выполнение боевых заданий на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм высокое звание присваивалось лётчикам полка: М.Е. Асташкину (посмертно), А.А. Елохину, И.Г. Королёву, С.А. Кунице (посмертно), А.А. Маланову (посмертно), П.В. Полозу, Ю.Б. Рыкачёву, В.А. Серогодскому, В.Т. Топольскому (посмертно), А.Т. Череватенко, Л.А. Шестакову, М.И. Шилову (посмертно).

Пятерым, как видно по списку, это звание было присвоено посмертно – славным соколам, не знающим страха в борьбе с фашизмом.

«Наш народ любит и чтит своих Героев, – писала тогда «Правда» в передовой статье «Гордость советского народа». – Их пример зовёт

в бой против врага всех, у кого в груди бьётся сердце советского патриота». Тут же была помещена корреспонденция «Герои Советского Союза», в которой после рассказа о мастерах штурмовок лётчиках полка А.А. Елохине и И.Г. Королёве, военком авиачасти С.А. Кунице сообщалось: «Семья Героев Советского Союза пополнилась новой группой лётчиков-истребителей. Каждый из них имеет на своём счету по нескольку сбитых вражеских самолётов. Старшие лейтенанты А.А. Маланов и П.В. Полоз, капитан Ю.Б. Рыкачёв, лейтенант В.А. Серогодский славятся как отважные и искусные воздушные бойцы».

С большим подъёмом прошли в полку митинги, посвящённые награждению. Лётчики и техники торжественно обещали ещё лучше готовиться к предстоящим боям. И слова их не разойдутся с делами.

Несколько позже пришёл Указ о награждении орденами и медалями других лётчиков, а также инженеров, техников, механиков полка.

Золотой дождь наград, внезапно выпавший на полк, был достойной платой за все перенесённые им невзгоды и страдания. Окрыляло сознание, что за его делами пристально следило командование. Каждому думалось, что в разыгравшейся всеобщей трагедии он – маленькая, незаметная песчинка, подхваченная штормовой бурей и влекомая по её воле только ей одной ведомыми путями. Казалось, кому какое дело до каждой такой песчинки, исчезни она бесследно – никто

*Герой Советского Союза
Асташкин М.Е.*

*Герой Советского Союза
Елохин А.А.*

*Герой Советского Союза
Маланов А.А.*

*Герой Советского Союза
Полоз П.В.*

*Герой Советского Союза
Королёв И.Г.*

*Герой Советского Союза
Куница С.А.*

*Герой Советского Союза
Рыкачёв Ю.Б.*

*Герой Советского Союза
Топольский В.Т.*

*Герой Советского Союза
Череватенко А. Т.*

*Герой Советского Союза
Серогодский В. А.*

*Герой Советского Союза
Шестаков А. Л.*

*Герой Советского Союза
Шилов М. И.*

даже не вспомнит. Ведь какая война идёт! Сколько совершается подвигов, о которых никому не известно...

Золотые Звёзды, ордена и медали от имени Советского правительства вручил в Баку Председатель Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР. Первым к нему пригласили Льва Шестакова. Коренастый, подтянутый, со строгим, по-мужски красивым лицом, на котором отливали голубизной выразительные, широко открытые глаза, он чёткой, пружинистой походкой сильного, знающего себе цену человека подошёл к Председателю Президиума. Тот крепко пожал ему руку, лично прикрепил к его груди солнечно сверкавшую Золотую Звезду, поздравил, а потом, не сводя глаз с Шестакова, восхищённо сказал:

– Очень много слышал о ваших подвигах, именно таким и представлял вас себе.

Лев смутился, зарделся румянцем. Он впервые услышал такие слова в свой адрес. Заметив это, председатель, чтобы приободрить его, сказал, улыбаясь:

– Наши горцы считают, если сердце к заслуженной похвале не глухо – живёт в нём большая сила духа.

И совсем уже по-свойски добавил:

– Так что, Лев Львович, и впредь вам ни пуха ни пера, как говорят в России.

Осмелев, Шестаков почувствовал себя проще, свободнее:

– Спасибо за награду, за добрые пожелания, а мы уж постараемся дать немцам духу, чтобы от них не осталось ни пера, ни пуха.

Все присутствовавшие в зале – члены Президиума и лётчики, инженеры, техники полка – засмеялись. И после этого вся процедура вручения наград проходила в очень тёплой, непринуждённой обстановке.

Когда вернулись из Баку – это произошло **1 июня 1942 года** – в полк прибыл военный комиссар Закавказского округа Герой Советского Союза полковой комиссар Яковенко. Он привёз **орден Красного Знамени, гвардейское Знамя, знак «Гвардия», которых как высшей почести и признания воинской доблести был ранее Указами Президиума Верховного Совета СССР удостоен полк.**

Указы

К названию полка прибавлялись слова: «Краснознамённый и гвардейский». Менялся номер. Вместо «69-го» полк стал «9-м».

Родина достойно вознаграждала своих отважных защитников.

На плац, развеваясь на ветру, выплывало алое гвардейское знамя. Под восторженное «ура-а-а!» Яковенко вручил его Шестакову.

Начался митинг. Верховец первым представил слово Герою Советского Союза Юрию Борисовичу Рыкачёву – комиссару эскадрильи,

человеку, прошедшему рядом с Шестаковым путь от Ростова-на-Дону до Кировабада.

Юрий Борисович произносил взволнованную, зажигательную речь, не предполагая, что выступает в этом полку в последний раз.

Завершал митинг Шестаков.

– Покаянёмся, что мы пронесём это священное знамя до полного разгрома фашизма, под его сенью, не щадя своей крови и самой жизни, будем умножать гвардейскую славу. Пусть это знамя ведёт нас от победы к победе, пусть оно станет символом беспредельного мужества и героизма, вдохновляя не только нас, но и наших сыновей, внуков, правнуков.

Лев Львович подошёл к гвардейскому знамени, опустил на левое колено, поймал трепетавшее на ветру алое полотнище, прижался к нему губами...

Не было предела ликованию людей. Они громко прокричали троекратное «ура», а потом, впервые нарушив дисциплину строя, горячо поздравляли друг друга, обнимались, целовались, не скрывая слёз радости.

В честь такого знаменательного события полковник Ветошников – командир 11-го учебного полка нашёл возможность побыстрее готовить шестаковцев к предстоящим сражениям.

– Отправляйтесь на аэродром переформирования, – объявил он им, – там вас ждут новенькие ЛаГГ-3...

На новом месте провели ровно столько времени, сколько потребовалось, чтобы все освоили новый фронтový истребитель ЛаГГ-3. Машина по сравнению с И-16 оказалась тяжелой и весьма строгой на посадке. Не обошлось без поломок.

Но в конце концов всё образовалось. Все успешно сдали зачёты по технике пилотирования и боевому применению ЛаГГ-3.

Полковник Ветошников поздравил весь личный состав с успешным овладением новой материальной частью и вручил Шестакову пакет. Он вскрыл его, прочитал.

Это был приказ, согласно которому полк направлялся под Харьков – в один из районов, где в это время разворачивались напряжённые сражения.

Короткий митинг. Прощай, Азербайджан!

Военная дорога вела полк навстречу новым грозам...

10 июня 1942 года полк в полном составе на самолётах ЛаГГ-3 вылетел под Харьков на один из участков решающего в тот период Южного фронта. Наши войска вели ожесточённые бои против вражеских войск на изюмском, купянском, бурлуцком и ольховатском направлениях. Полк был включён в только что сформированную

268-ю истребительную авиационную дивизию генерал-майора Бориса Арсеньевича Сиднева, которая являлась стратегической единицей 8-й воздушной армии под командованием Героя Советского Союза генерал-майора Тимофея Тимофеевича Хрюкина.

Тимофёй Тимофеевич Хрюкин родился 21 июня 1910 в семье рабочего-каменщика, в городе Ейск. По национальности русский.

Т.Т. Хрюкин

Трудовой путь Т.Т. Хрюкин начал рано. С 8 лет работал батраком у богатых казаков. Позже убежал из дома и 2 года беспризорничал. Затем работал грузчиком, чернорабочим, молотобойцем в железнодорожном депо. В 15 лет начал учиться в вечерней школе.

После окончания рабфака в 1932 году поступил в сельскохозяйственный институт. В этом же году по партийному набору был принят в Луганскую авиационную школу, которую окончил в 1933 году.

Служил в частях бомбардировочной авиации. Воевал в Испании с августа 1936 по март 1937 года. За героизм в боях награждён орденом Красного Знамени.

В августе 1938 года во время Японо-китайской войны (1937–1945) был направлен в Китай.

22 февраля 1939 года за подвиг (утопил японский авианосец «Рюдзё»), Т.Т. Хрюкин был удостоен звания Героя Советского Союза.

В июне 1942 года генерал-лейтенанта Хрюкина назначают командующим ВВС Юго-Западного фронта, позже преобразованных в 8-ю воздушную армию.

По его инициативе под Сталинградом был создан полк «асов» – 9-й гвардейский истребительный авиационный полк, в котором были собраны лучшие лётчики-истребители из других полков.

Участвовал в освобождении Белоруссии и Прибалтики, в операциях в Восточной Пруссии. За Кёнигсбергскую операцию получил 2-ю «Звезду Героя Советского Союза». Генерал-полковник Т.Т. Хрюкин умер 19 июля 1953 года. Похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище.

Надгробный памятник генералу Хрюкину Т.Т.

Глава VII. О потерях, вере и партии

В бою легче познаётся, «кто есть кто». Личный состав полка – Светочи, показывающие сущность дорог, по которым надо пройти. «За друга он в огонь и в воду пойдёт, в беде не оставит». Разговор ведётся вокруг главного – как бить врага. Будущий дважды Герой Советского Союза Алексей Алелюхин.

«Война есть страшное и гибельное дело для того, кто предпринимает её без нужды, без правды, с жадностью грабительства и порабощения; на нём лежит позор и проклятие Неба за кровь и за бедствия своих и чужих...»

Об этом говорил 26 июля 1941 года и Митрополит Ленинградский Алексий.

АТАКА!!!

Эта глава должна бы войти в четвёртую по ходу времени и обращена, казалось бы, к одному событию – состоявшемуся в середине сентября 41-го года партийному собранию. Но у меня мысли обращены совершенно к другому.

Я получил воспитание на прекрасной Совее, где правда, справедливость, честь и совесть, радость личная и семьи, соседа, деревни ставились во главу угла, то есть признавались главными, очень важными для жизни на этом свете.

Вот и состоявшееся как большое событие собрание посвящено трудным часам блокады Одессы, наполненным высокой философией библейских истин, а значит, духовных, общечеловеческих. Здесь сама жизнь: «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага...» – а потому легче познаётся, «кто есть кто».

Прочитав главу, мы глубже поймём, о чём думали молодые коммунисты, а вернее, просто молодые люди 18–30 лет, что они считали высшим своим предназначением. В чём состояла цель их жизни. А поняв, нежданно вздрогнем от ясности: да ведь это – Светочи, показывающие сущность дорог, по которым не мешало бы всем нам пройти и дать Отечеству всё своё лучшее, что мы имеем в сердцах своих. А если потребуется – и жизнь. Без всяких условий.

Привожу тексты без купюр из книги **А.Т. Череватенко** «Одесса в огне» и партийных архивов полка. Хотя сюжет наполнен субъективизмом, однако следует задуматься: «А мы-то кто в этом мире? Зачем пришли в него? С какой миссией? С добром или злом?»

«Много потерь понёс наш полк, – пишет полковник Череватенко, вспоминая те дни, – и никто не мог сказать, когда прекратится горький перечень погибших лётчиков. Совсем недавно мы потеряли лейтенанта Алексея Сидорова. Война помешала ему окончить полный курс лётной подготовки в училище, и поэтому командир полка не допускал Алексея к полётам в сложных метеорологических условиях. Парень очень переживал своё положение: недоучка...

Когда случалось быть на замене, Сидоров старался показать высокое мастерство, в бою вёл себя храбро. Так постепенно он привёл всех нас, а главное Шестакова, к мысли, что ему можно доверить машину, послать на выполнение ответственного задания.

Хороший лётчик, отличный парень, мой друг лейтенант Сидоров погиб совершенно нелепо: при взлёте, из-за дефекта бомбодержателя.

Наши **латанные-перелатанные «ишаки»** требовали осторожного обращения. У меня, например, был случай срыва бомбы, и только чудо спасло от катастрофы, хотя чудес, конечно, не бывает... Просто, летая долго на одном самолёте,

мы привыкали считаться с его капризами, знали недостатки своей машины.

Сидоров пренебрёг советами, душа его ликовала перед вылетом: как же, ведь его признали достойным, равным среди равных! Лётчик со старта дал большую скорость, боясь отстать от группы, колесо попало в выбоину, машину сильно тряхнуло, от этого сорвалась бомба. Раздался взрыв».

...Сентябрьские дожди продолжались почти непрерывно в течение двух недель. Всё чаще дули холодные ветры. Осень вступала в свои права.

Сырость и вечерняя прохлада загоняют личный состав полка в помещение. С наступлением ночи лётный и технический состав собирается в общежитии. Бренчит гитара, выводит печальную трель мандолина.

В тот день низкие тучи ещё давили землю, однако дождь прекратился, и партийное собрание решили провести на открытом воздухе. Техники Поветкин и Ткачёв притащили длинный стол, Хицун и Внуков расставляли скамейки под деревьями.

Прибывал личный состав эскадрилий. На старом газике подкатил со своими ребятами капитан Демченко. Парни загорели, обветрились, у многих воспалённые от бессонницы глаза, но по-прежнему выглядели браво, щеголевато. Особенно выделялись Иван Беришвили и комиссар

эскадрильи Валентин Маралин: начищенные до блеска ботинки, белые подворотнички... «Коренные» пилоты кинулись обнимать моряков: хоть вроде бы и близко, а сколько дней не виделись!

А. Т. Череватенко, из книги «Небо Одессы»

«Мы снова вместе. Смеёмся, вспоминаем забавные случаи из нашей многотрудной боевой жизни. Многих, которые присутствовали на последнем собрании, среди нас нет. Но я не вижу унылых лиц: люди весёлые, жизнерадостные. Разговор ведётся вокруг главного – как бить врага, как выигрывать победу при меньших силах. Мы закалились, окрепла наша воля к победе. Мы успели убедиться в том, что не так страшен чёрт, как его малюют...

Наконец слышим голос:

– Рассаживайтесь, товарищи, будем начинать! – Константин Семёнович Пирогов, наш парторг, объявляет собрание открытым. Избирается президиум.

Первый вопрос повестки дня: приём в партию лётчиков Василия Серогодского (будущего Героя Советского Союза) и Алексея Алелюхина (будущего дважды Героя Советского Союза – Л.Д.). Они сидели рядышком, молчаливые, сосредоточенные.

– Партийное бюро рассматривало на своём заседании заявление кандидата в члены партии товарища Алелюхина, – сказал парторг. – Я зачитаю его. «Прошу принять меня в члены ВКП(б).

Даю слово, что, пока бьётся в груди сердце, буду беспощадно громить немецко-фашистских захватчиков, а если потребуется, не пожалею своей жизни для полной победы над врагом». – Парторг сделал паузу. – Бюро приняло решение: рекомендовать партийному собранию принять Алексея Алелюхина в члены ВКП(б). Теперь за вами слово, товарищи!

– Пусть биографию расскажет! – раздались голоса. Алелюхин поднялся, одёрнул гимнастёрку, прошёлся ладонью по шевелюре.

– Родился в селе Косова Гора Калининской области в семье крестьянина-бедняка. Учился в семилетке. Работал в колхозе. В комсомоле с тридцать седьмого года. В сороковом окончил Борисоглебское лётное училище и получил назначение в 69-й полк. За это время совершил девяносто шесть боевых вылетов, сбил четыре самолёта противника. Вот вроде и вся биография... Клянусь громить гитлеровцев, пока не очистим родную землю!

– Садитесь, – сказал Рыкачёв. – Хочу тоже сказать два слова. Лётчик Алелюхин дисциплинирован, в бою храбр, партии Ленина предан. Мнение партийного бюро: достоин быть членом партии.

В поддержку решения партийного бюро выступили комиссар полка Верховец, заместитель командира третьей эскадрильи капитан Стребков, инженер Фёдоров. Собрание единогласно проголосовало за то, чтобы принять Алексея Алелюхина в члены партии.

Когда зачитали заявление Василия Серогодского, собрание зашумело, будто лёгкий ветерок пронёсся по лесу.

– Тише, тише, товарищи, – призвал к порядку председательствующий. – В чём дело?

Оказалось, шумно реагировали черноморцы, у которых Василий пользовался симпатией не только как смелый лётчик, но и как душа-человек, гитарист, песенник, вообще весёлый парень».

Естественно, вопрос начался с биографии, которую практически все уже знали. Но, тем не менее, он рассказал, что родился в Германове Починке Костромской области, что рано осиротел, что воспитывали старшие сёстры Галина и Полина, родственники. У меня, говорил он, много тётей, двоюродных братьев, сестёр, племянников... Большое родство... В 13 лет уехал в Ленинград, поступил в ФЗУ, окончил, работал в арматурном цехе Балтийского завода. Учился в Ленинградском аэроклубе. По комсомольской путёвке поступил в Борисоглебскую школу лётчиков и в 1938 году окончил её. А остальное вы всё знаете...

«Когда Рыкачёв обратился с вопросом, кто желает выступить, сразу поднялось несколько рук; многим хотелось сказать хорошее о Серогодском. Первым выступил Иван Беришвили.

– Как лётчика вы знаете Василия лучше меня, – начал Беришвили. – Но я хочу сказать о нём как о человеке. Василий Александрович замечательный товарищ. За друга он в огонь и в воду пойдёт, в беде не оставит. Вы можете

*Апполинария Александровна
(слева) со своими сёстрами
Галиной и Марией, на заднем
плане Михалёв Глеб Сергеевич
(муж Марии)*

*Дмитрий Иванович Попов
(муж Галины)
и Василий Александрович*

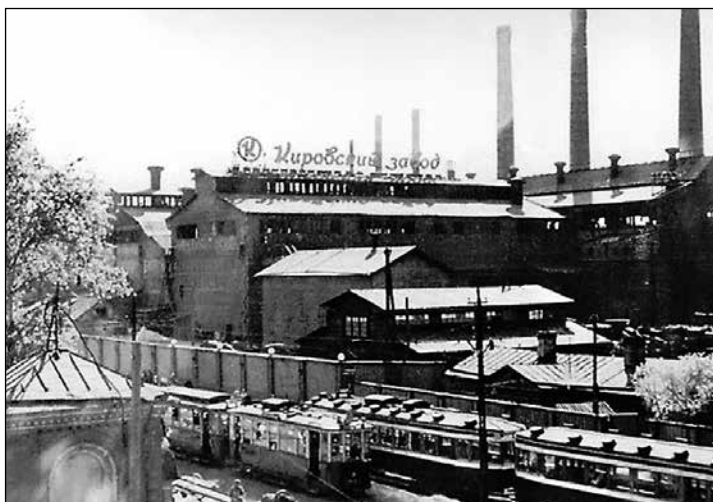
*Авиашкола. Инструктаж перед полётами
(Вместо Здание Ленинградского аэроклуба)*

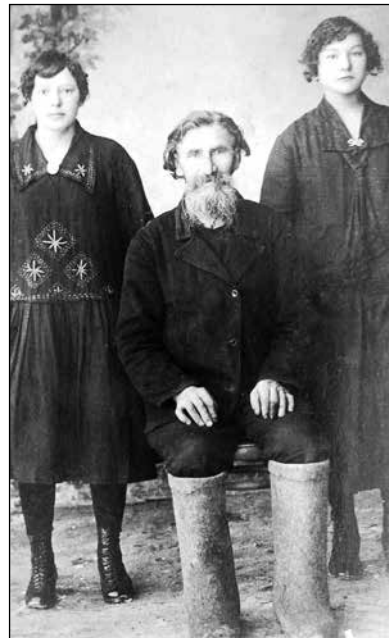
*Апполинария Ал. с внучкой
Еленой Александровной*

*Дядя Шура
(Александр Николаевич) –
муж Апполинарии
Александровны*

Кировский завод

*Галина Александровна,
дед Разум,
Мария Егоровна Морозова*

*Иван Разумович с женой
Александрой Николаевной
(крёсткой)*

*Иван Разумович Дедюхин –
дядя Героя*

*Михаил Александрович
Серогодский –
дядя Героя*

Родовой дом Зинаиды Николаевны Дедюхиной (Завьяловой)

сказать: ты, Беришвили, не съел с ним пуд соли... Но мне кажется, не обязательно есть пуд соли. На войне, в суровых обстоятельствах скорее узнаётся человек. Тут он весь перед тобой и по тому, как он ведёт себя в минуту опасности, уже можно судить – хороший это человек или плохой. Здесь мы все на виду, со всеми своими недостатками и достоинствами. Так вот, достоинств у Василия очень много...

По рядам прокатился одобрителный гул.

Слова попросил спокойный, медлительный комиссар третьей эскадрильи Феодосий Никитович Дубковский. Серогодского комиссар знает давно, имел возможность наблюдать за ростом и совершенствованием мастерства лётчика. Дубковский не однажды летал вместе с подчинённым и успел составить о нём мнение как о человеке отважном, хладнокровном и решительном в бою. На счету Василия уже было пять сбитых вражеских самолётов, он удостоился высоких правительственных наград.

Майор Шестаков как командир был более пристрастен при обсуждении кандидатуры лётчика Серогодского. Да, способный, старательный, да, храбр и отважен, однако можно – да и нужно! – привести факты нарушения боевой дисциплины. В рядах послышались возгласы.

– Да, да, нарушения дисциплины! – с нажимом повторил Шестаков, и собрание утихло. – Вспомните, как Серогодский, желая выделиться, «показать себя», оторвался от группы, один ввязался в бой, когда разумнее было пройти мимо

и выполнить свою задачу. Сколько ошибок совершил он в результате такой самостоятельности! <...> Ведь самолёты наши изношены и не выдерживают больших нагрузок. <...> Такие факты, товарищи, свидетельствуют о том, что Серогодскому надо поработать над собой.

Пока выступал майор, Василий, весь пунцовый, стоял, опустив голову. Прав командир, тысячу раз прав. Но не в погоне за личной славой совершал лейтенант подобные поступки. Ненависть к врагу кипела в его жилах, звала отомстить за поруганную землю. Так и постарался он это объяснить. В торжественной тишине Василий Серогодский дал слово чётко и неукоснительно выполнять боевые задания, повышать свой политический уровень, укреплять дисциплину.

Собрание единогласно проголосовало за то, чтобы лейтенанта Василия Серогодского принять в ряды Коммунистической партии.

Слово для доклада по второму вопросу – о поведении коммуниста в бою – председательствующий предоставил командиру полка Шестакову.

Лев Львович развернул маленький блокнот, откашлялся.

– Ну, сейчас нам достанется... – прошептал сидевший рядом техник Сергей Холошенко.

Начал командир спокойно, но чувствовалось, что внутренне он напряжён, собран. Он говорил о наших упущениях, об ошибках, которых можно было бы избежать, критиковал тех, кто допускал хотя бы малейшее нарушение дисциплины.

– В нашем деле мелочей нет, – резко сказал он. – Анализ потерь позволяет сделать вывод, что их могло быть в два раза меньше, если бы лётчики не «партизанили», а прикрывали друг друга. Есть случаи, когда, желая выделиться, лётчики отрываются от группы, и это приводит к гибели пилота и машины.

Напомнив о недавнем выступлении в полку секретаря обкома партии Сосновского, Шестаков обрушился на нытиков, жалобщиков:

– Запасные части им, видишь ли, подавай! А где их взять? Запомните, товарищи! Время трудное, мирное население работает под пулями, бомбами, сидит на скудном пайке, но старается обеспечить нас всем необходимым. Так что у нас сейчас одна задача: беспощадно истреблять захватчиков, показывать пример организованности, дисциплины, чёткого выполнения заданий. И ещё: мы должны удвоить удары по врагу. На старой, изношенной технике выигрывать победы меньшими силами и без потерь!

Юрий Борисович Рыкачёв в своём выступлении поддержал докладчика. Он тоже обрушился на «партизан», которые отрываются от командира, стараются во что бы то ни стало лично сбить противника. Такое поведение приносит не пользу, а вред.

Взволнованно прозвучали выступления парторга эскадрильи Лотыша, инженера полка Кобелькова. Они сказали доброе слово в адрес инженеров Бутова и Фёдорова, техников Карахана, Фитисова, Ботникова, Кацена, Касака,

Пеньковского, Фата. Эти люди трудились не покладая рук, спали по три часа в сутки, забывая о еде и отдыхе. Выступающие призывали всех следовать их примеру. Время было горячее».

Ну, и где здесь партийность?

* * *

Об этом же, если глубоко вникнуть, говорил 26 июля 1941 года и Митрополит Ленинградский Алексей, теми же словами, что и бойцы 96-го авиаполка. Вчитайтесь...

«Война есть страшное и гибельнее дело для того, кто предпринимает её без нужды, без правды, с жадностью грабительства и порабощения; на нём лежит позор и проклятие Неба за кровь и за бедствия своих и чужих.

Но война – священное дело для тех, кто предпринимает её по необходимости, в защиту правды, Отечества. Берущие оружие в таком случае совершают подвиг правды и, приемля раны и страдания и полагая жизнь свою за однокровных своих, за родину, идут вслед мучеников к нетленному и вечному венцу. Потому-то Церковь и благословляет эти подвиги и всё, что творит каждый русский человек для защиты своего Отечества.

Несомненные и самими врагами признаваемые успехи наших войск в борьбе с врагом сильным, но уже изнемогающим, говорят за то, что не напрасна наша вера в победу. Непреложный

закон, что несправедливо взявший меч от меча и погибнет, поистине дамокловым мечом висит над головой преступного фашизма, и близко время, когда этот карающий меч всю тяжестью неизбежного рока опустится на врага и сокрушит его.

Церковь неумолчно зовёт к защите матери-родины. Она же, исполненная веры в помощь Божию правому делу, молится о полной и окончательной победе над врагом».

* * *

Командующий Военно-воздушными силами оборонительного района комбриг Катров, начальник штаба Шанин и комиссар Мельшанов, приезжая в полк, собирали лётчиков и задавали, как правило, вопрос: какие есть претензии или жалобы?

Какие могут быть жалобы? Война. Этим всё сказано. А вот просьбы? – просьбы были: подбросить самолётов.

– Лётчику – что... Лётчик выдержит, – рассуждал капитан Елохин. – А вот машины трещат по всем швам, не под силу им такая нагрузка, товарищ комбриг...

Катров понимающе кивнул головой:

– Да, просите вы действительно немного, – он улыбнулся. – Верховное главнокомандование крепко поддерживает Одессу, пехоту присылает, артиллерию. А вот насчёт авиации туговато, придётся ещё немного потерпеть. Но при первой же возможности учтём.

К Василию Петровичу пилоты относились с большим уважением. Старый, заслуженный авиатор, человек разносторонних знаний, высокой культуры, он, конечно, и сам прекрасно понимал нужды полка, но в тех невероятно трудных условиях, когда обнаглевший враг рвался к Москве, Ленинграду, выполнить всех просьб не мог.

Как раз в это время четвёрка улетала на задание и командующему представили лётчиков Дубковского, Топольского, Серогодского и Егоркина. Комбриг принял участие в инструктаже, дал лётчикам несколько практических советов и предупредил, чтобы избегали ненужного риска.

– А вы, товарищ лейтенант, – обратился он к Василию Серогодскому, – выглядите так, словно на парад собрались... То есть это, конечно, похвально, – Катров поспешил объяснить свою мысль. – В любой обстановке надо быть аккуратным, подтянутым... Я вот как-то в первые дни войны был в 67-м полку, так у них, знаете, не все следили за собой. Некоторые заросли бородами, с виду старики, а им по двадцать два года...

Лейтенант смущённо улыбался:

– Так меня недавно в партию приняли, товарищ комбриг...

– Тогда разрешите от души поздравить вас, – Катров крепко пожал Василию руку. – Желаю всему звену успешно выполнить боевую задачу. А вас я помню, – обратился Василий Петрович к Топольскому. – Ведь это вы сбили в одном бою двух «хейнкелей»? Ну, желаю удачи и на сей раз...

Четвёрка уходила на штурмовку войск противника в район хутора Красная Поляна.

Глава VIII. С боями от Харькова до Сталинграда

Южный фронт. Полевые аэродромы Викторополя, Покровского, Ржевска, Оскола, Венделеевки, Гнилушки, Кагалинского, совхоза Каменка. Гибель капитана Елохина, лётчиков Фролова, Шелемина, Лукова, Казакова. Маршрут Калач-на-Дону. Юго-Западный фронт. Переправа у села Казанка. Спасение Знамени полка. Полк снова в сборе. Сталинградский фронт. Приказ: «Ни шагу назад!» Старший лейтенант Серогодский – командир эскадрильи. Наградной лист. Представление Героя к ордену «Красное Знамя». Пленение гауптмана. Сталинград на военном положении. «ЛаГГ-3 сдать, убить на отдых».

Волею судьбы 9-й истребительный авиационный полк снова очутился на одном из самых горячих участков фронта.

Это предопределило и возложенную на него боевую нагрузку: драться приходилось без усталости, моторы ЛаГГ-3 практически целыми днями не выключались. Над полевым аэродромом Покровское не успевала оседать поднимаемая винтами пыль.

Летали активно, а вот результаты были малоутешительными: счёт сражённых врагов почти не увеличивался, а сами несли заметные потери.

Немец вёл себя в воздухе нагло, самоуверенно, как бы чувствуя свою полную безнаказанность. Это Шестакова приводило в ярость. Он никак не мог примириться с таким положением, настойчиво искал выход из него.

На соседнем аэродроме стоял полк Героя Советского Союза Н. Герасимова. Он сражался здесь продолжительное время. Шестаков решил вместе с Верховцом навестить его, поговорить с командиром, людьми, обменяться с ними опытом.

В беседе Герасимов нарисовал далеко не утешительную картину.

– Во-первых, – сказал он, – у фашистов здесь впятеро больше самолётов, чем у нас. Техника у них более совершенна. Вы же летаете с пассатизмами за голенищами? – обратился он к Шестакову.

– Да, приходится. Кнопку шасси на их выпуск иначе не вытянешь из гнезда, если заест, – ответил Лев. – Но это ещё полбеда. Сковывает

нас по рукам и ногам приказ об ответственности за потерю прикрываемых нами бомбардировщиков...

Да, поехали за опытом, а вернулись с хлопотами.

– Вот и задача определилась на вылет, – сказал Верховец, – провести показательный бой, захватить «мессера».

– Ну что ж, комиссар, давай готовиться. Подбери ребят покрепче – Серогодского, Королёва, Бондаренко, Алелюхина, Головачёва...

Николай Андреевич ушёл формировать группу для вылета, к Шестакову зашли начальник штаба Никитин, командир эскадрильи Капустин.

Взглянув на вошедших, командир понял: они явились неспроста, произошло что-то из ряда вон выходящее.

– Елохин погиб, – мрачно сказал Капустин.

– Так, – Лев Львович нервно постучал пальцами по столу. – Начинаем терять Героев Советского Союза. Плохи, очень плохи наши дела. Нужен коренной перелом. Капустин, полетишь с нами! – решительно встал Шестаков. – Надо отомстить за Елохина. Надо сбить с немцев спесь.

Группа из двенадцати самолётов во главе с Шестаковым и Верховцом отправилась к переднему краю. Все знали: быть бою. Никто в полку не помнил случая, чтобы Шестаков, ведя группу, не нашёл противника, не вовлёк его в схватку. Каждый не один раз убедился и в том, что в бою

командир видит не только врага, но и своих лётчиков, от его зоркого глаза не укроется ни удачный манёвр, ни промах.

Это всех подтягивало, мобилизовало, заставляло действовать изо всех сил.

Группа шла не «навалом», как зачастую поступали соседи. Верный себе, Шестаков продумал всё таким образом, чтобы обеспечить полное использование возможностей самолётов и лётчиков при сохранении твёрдой дисциплины боя, чёткого руководства им.

...Вот и передний край. Зорко всматриваются в горизонт командир, комиссар, все лётчики. Фашисты не заставили себя долго ждать. Чёрные точки обозначились над горизонтом: пятнадцать Ме-109.

– Я – «Сокол-один», приготовиться к бою! – прозвучал в наушниках твёрдый голос Шестакова.

Фашисты, привыкшие здесь к лёгким победам, шли, не сворачивая, не принимая элементарных мер предосторожности. Они абсолютно уверены, что без труда разметают советских истребителей, не дав им опомниться.

Шестаков наблюдает за ними, приходит к выводу, что фрицы видят только ту шестёрку ЛаГ-Гов, которую ведёт сейчас он. Вверху, маскируясь в лучах солнца, шестёрка Верховца для прикрытия нижней и, если удастся, захвата Ме-109. Её фашисты не замечают. Окончательно обнаглев, они и предположить не могли, что здесь русские

способны на такие тонкие ухищрения. Да только жестоко просчитались.

Шестаков, Капустин, Алелюхин, Головачёв, Королёв, Серогодский на полной скорости врुбились в строй «мессеров», поливая их огнём.

Лев Львович, дождавшись наконец настоящего дела, «рвал» машину так, что пилоты «мессеров» только удивлённо шарахались в стороны. От него не отставали ведомые. Всем хотелось до конца испытать, на что способен ЛаГГ, убедиться, что он ни в чём не уступает немецким истребителям.

Огневой клубок вертится пять, десять минут. Трудно шестёрке против пятнадцати, но ничего, держатся, нападают. Сознание, что сверху – надёжное прикрытие, придаёт уверенности в себе, в своих силах. А немцы никак не могут понять – откуда взялось у этих русских столько упрямства, они уже начинают потихоньку сдавать свои позиции, потому что бой принимает необычный оборот, это их пугает, они предпочитают действовать по хорошо отработанной привычной схеме.

Верховец, обеспечивая прикрытие, тоже замечает перемены в поведении фашистов. Он выжидает момент, когда его малейшего вмешательства будет достаточно, чтобы «мессеры» бросились врассыпную.

А может быть, это только кажется? Может, фашисты по-своему хитрят, чтобы расхолодить наших лётчиков, притупить их бдительность, а затем разделаться с ними? Потому что не

отступили они даже тогда, когда запыхал «мессер», поражённый Капустиным. Шестаков успел бросить ему по радио: «Молодчина!» – и тут же нажал кнопку огня, сквозь прицел увидел вспоротое уже его снарядами брюхо Ме-109. Второй фашист устремляется к земле. Лев заходит в атаку на третьего, хочет начать стрельбу – оружие молчит. Кончился боезапас. Что делать? Выходить из боя? Но за ним увяжутся «мессеры», не отобьёшься. Лучше имитировать атаки. Лев начинает преследовать то одного, то другого врага, но уже всем ясно: стрелять ему нечем. Ясно это и Верховцу. Оставив четвёрку прикрытия, он устремляется вниз. И очень кстати: Шестакова сверху, снизу, с боков зажали четыре «мессера», не дают ему вывернуться, а сзади, в хвост, пристраивается пятый, вот-вот полоснёт из своих пушек.

Не раздумывая, не успев ничего осмыслить, Николай Андреевич молниеносно становится между Шестаковым и этим, пятым, «мессером», принимает на себя удар, его переворачивает, перед глазами плывут ярко-красные круги.

Командир спасён, вырвался! Он бросает свой последний козырь:

– Вся группа прикрытия – ко мне!

Как снег на голову, свалилась на фашистов четвёрка ЛаГГов. Те растерялись, начали выходить из боя. Один всё же увязался за Шестаковым. Он сделал вид, что спасается от него бегством, фриц клюнул на приманку. Лев вывел его за собой на свою территорию, а затем передал Капустину по радио:

– Ну-ка зацепи его так, чтобы он решился на вынужденную.

Капустин, разгадавший замысел командира, шёл на небольшом расстоянии сзади. Ему ничего не стоило дать такую, как требовалось, короткую прицельную очередь. Немцу ничего не оставалось, как искать площадку для посадки.

Теперь можно было всеми силами прикрыть комиссара. Он ковылял у самой земли в сопровождении Головачёва.

– «Сокол-два», я – «Сокол-один», что с тобой?

– Кажется, ранен в голову, кровь заливает глаза...

Но приземлился благополучно. Комиссара сразу же отправили в госпиталь. И одновременно послали машину за «мессером».

Итак, три сбитых.

Если бы не беда с Верховцом – можно только радоваться. Лев задумался...

Лев наметил себе к вечеру обязательно навестить комиссара. Но пришёл приказ срочно перебазироваться в Венделеевку. Это снова отступление. Немец прёт...

Наша разведка забрала пилота «мессера» к себе, а самолёт на буксире повезли к очередной базе, но не довели. Налетели немецкие бомбардировщики, и прямым попаданием транспорт был уничтожен.

Дмитрий Спиридонов готов был рвать волосы на себе. Он знал, с каким трудом и с какой целью добывался этот «мессер». Знал, что

Шестаков будет лютовать, а силу его гнева лучше не испытывать на себе.

Но что же теперь делать?

С покаянной головой предстал инженер перед командиром. Тот сразу всё понял. Его взгляд потемнел. Но странное дело – он не взорвался. Сказал сдержанно:

– Этого следовало ожидать, мы должны были вас прикрыть...

Спиридонов облегчённо вздохнул, ещё раз подивившись тому, с какой тщательностью Шестаков взвешивает вину людей, как он самокритичен, требователен к самому себе.

Подошёл недавно прибывший штурман полка капитан Михаил Баранов – Герой Советского Союза. Он уже обо всём знал.

– Лев Львович, не огорчайся, раздобудем мы ещё «мессер».

Только дальнейшие события разворачивались так, что об этой затее пришлось на некоторое время забыть.

Советские войска продолжали отходить. Началась переправа через Дон.

9-й гвардейский, оставив позади полевые аэродромы Ржевска, совхоза «Каменка», Гнилушки, Кагалинского, потеряв лётчиков Елохина, Фролова, Шелемина, Лукова, Казакова и около десятка ЛаГГ-3, также перебирался в задонские степи.

Сердце Шестакова обливалось кровью, когда он вместе с Барановым прокладывал на карте маршрут в Калач-на-Дону.

За дверью раздались знакомые размеренные шаги Верховца. Командир обрадовался ему, пошёл навстречу.

– Николай Андреевич, а мне ты как ответишь, если я тебя спрошу: когда конец нашему отступлению?

– Дальше Волги враг не пойдёт...

– Рассудил ты здорово, комиссар, логика у тебя железная. Я тоже думаю, что дальше Волги отходить не придётся.

Через час лётный состав во главе с Шестаковым, Верховцом, Барановым стартовал в Калач-на-Дону. Перед взлётом Лев Львович наказал Василию Погорелому взять в машину Никитина, Гловацкого, нового полкового врача Михаила Шанькова, любой ценой доставить их к месту назначения.

Пилоты улетели. Все остальные двинулись своим ходом – некоторые на машинах, а большинство – пешком. Все личные вещи везли два выдавших виды ЗИСа.

Людам в этом переходе и во время переправы довелось пережить такое, чего не увидишь и в самом дурном сне. Но никто не дрогнул, все действительно показали характер настоящих бойцов.

Уже на дальних подступах к переправе у села Казанка скопилось в посадках огромное количество машин, не говоря уже о танках, артиллерийских тягачах, пушках. А у самой

переправы – невероятное столпотворение. Днём никто не мог перебраться на ту сторону. Немцы беспрестанно бомбили, разрушая понтонные мосты, уничтожая все плавсредства. Добраться к противоположному берегу можно было только под покровом ночи.

Никитин, остановив полк в посадках, решил проехать к начальнику переправы, выколотить у него пропуск на первоочередников. Оставив всех на попечение Гловацкого, он на всякий случай прихватил с собой Кацена, юркая эмочка, удивляя своей эмблемой на дверце с надписью «Одесса», помчалась к Дону.

Коменданта переправы не пришлось долго уговаривать. Он только сказал:

– побыстрее перебирайтесь, организуйте прикрытие переправы, иначе здесь все погибнут.

И выдал драгоценный пропуск.

Никитин, который вёз в машине штабные документы и Знамя части, решил, чтобы лишний раз не рисковать, подождать полк у переправы, а Кацена с пропуском отправил назад.

У посадок Кацена встретили Гловацкий, Спиридонов, Шаньков. Даня вручил им пропуск и почувствовал, как предательски подкашиваются его ноги. Он был ранен. Врач уложил его на траву, осмотрел: несколько осколков впились в тело.

Полк двинулся к переправе. Когда подходили к ней, увидели целые стаи «юнкерсов», «хейнке-лей», слышали взрывы бомб, от которых Дон буквально становился на дыбы.

В реке барахтались, цепляясь друг за друга, за всё, что попадётся под руки, сотни людей. А фашисты били и били, превращая русло в кипящий котёл.

Не могло быть и речи об организации медленной переправы. Встретивший полк Никитин приказал всем укрыться в кустарнике на подступах к переправе и ждать наступления темноты.

Только дожждаться её не удалось.

– Танки! Немецкие танки! – прокричал неизвестно откуда взявшийся кавалерист. И, промчавшись мимо, он вместе с конём бухнулся в воду, поплыл к тому берегу.

И тут же послышался грозный грохот. Лицо Никитина стало белым как бумага. Ведь с ними – Знамя части, документы.

– Выход один, – решил Спиридонов, – перебираться вплавь. Я хорошо плаваю, могу преодолеть реку со Знаменем.

– Тогда штабные документы беру себе, – сказал Никитин, – постараюсь тоже спасти.

В прибрежных кустах Никитин заблаговременно припрятал пару брёвен. Они связали их. Потом Спиридонов обернул вокруг себя Знамя части, прочно закрепил его. Никитин извлёк из машины толстый пакет в непромокаемом прорезиненном мешочке, засунув его за пазуху. В том пакете находился и «Формуляр 9-го ИАП», благодаря которому теперь есть возможность восстановить день за днём всю боевую историю полка.

Они уже были на середине реки, когда снова налетели «юнкеры». Градом посыпались бомбы. Шаньков и Погорелый увидели, как отбросило от брёвен Спиридонова и он медленно поплыл, работая только одной рукой.

– Знамя части! – вскрикнул Миша Шаньков и бросился в воду.

Бомбы рвались впереди, позади его, но он упрямо плыл к Спиридонову, даже не пытаясь уклоняться от взрывов и осколков бомб. Полковой врач думал только об одном: спасти Спиридонова, спасти Знамя. Он не мог даже представить себе, как можно явиться к Шестакову без боевого символа чести полка.

Шаньков подхватил Дмитрия Спиридонова, когда того уже окончательно покидали силы: он был оглушён и контужен...

Вместе с закатом остывал и накал вражеской атаки. День клонился к вечеру. Немец решил, видимо, окончательный штурм Казанской переправы перенести на завтра.

Комендант и Гловацкий сели в эмку, поехали к берегу.

Борис почувствовал, что у него под ногами что-то лежит. Уж не граната ли? Наклонился – поднял томик стихов Пушкина. Где-то был заложен и в суматохе выпал на пол.

– Вася, откуда это у тебя? – спросил удивлённо.

– Не у меня, а у командира. С Одессы вожу. Наказывал беречь пуще глаза.

Гловацкий перелистал томик – почти на каждой страничке карандашные пометки Шестакова.

– Надо же! И когда он всё успевает?

Комендант взял книгу, раскрыл наугад, прочитал:

– И грянул бой, Полтавский бой...

– И грянул бой, Казанский бой, – браво повторил за ним Борис Леонтьевич.

– Не знаю я вашего командира, но чувствую, Шестаков – настоящий, большой человек, – сказал комендант. – На такой войне командовать полком и стихи читать – это не каждому дано.

На переправе их ждал улыбающийся Михаил Михайлович Шаньков. Он пригнал целую «флотилию» плотов – на том берегу их сколько угодно.

– Вот это богатство! – обрадовался комендант. – Грузите весь полк, а мои люди пригонят плоты обратно.

На том берегу их встретили Спиридонов и Никитин. Дмитрий Васильевич ничего не слышал, только по губам догадывался, о чём ему говорят. У Виктора Семёновича была на перевязи левая рука. И все заметили – у обоих прибавилось седин на висках.

Наконец полк снова в сборе. Лев Львович, как всегда, подтянутый, свежо выглядевший, обошёл строй. Алелюхин, Головачёв, Бондаренко, Королёв, Серогодский, Крючков, Карahan, Зюзин, Косак, Кашпетрук, Юдин... Все они

остаются на своих местах, готовые к любым новым испытаниям. Как же велика сила по-настоящему сплочённого боевого коллектива! Где бы ни был человек, что бы ни случилось с ним, но во имя общего дела он сделает невозможное, пробьётся через тысячи преград. Командир с благодарностью подумал о Никитине, Спиридонове, Шанькове, Гловацком, Кацене, Погорелом... Вот уж действительно, с такими людьми пойдёшь в огонь и в воду. Собственно, всё это уже не один раз прошли, проверили друг друга и на крепость духа, и на верность дружбе, и на преданность делу, которому служат.

Шестакову подробно рассказали, как немцы зверствуют над Казанской переправой, и он принимает решение: «Проучить! Вылет через час всем полком!»

В тот день фашисты недосчитались тринадцати «юнкерсов»! Они под неотразимыми ударами шестаковцев один за другим под радостные восклицания пехотинцев, танкистов, артиллеристов грохались то в воду, то на берег, вспыхивали, как спичечные коробки, взрывались, разбрасывая вокруг куски покорёженного металла.

* * *

Командование полка занималось подготовкой и организацией боевых вылетов каждой группы, каждого экипажа. Разбирались новые тактические приёмы гитлеровцев, вырабатывались

контрмеры. Полк перешёл от полётов малыми группами к массированным боевым вылетам группами по 20–24 самолёта.

В те грозные для страны дни личный состав части с величайшей ответственностью воспринял приказ Наркома обороны – покончить с отступлением. «...Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, – говорилось в приказе, – что наши средства не безграничны. Территория Советского государства – это не пустыня, а люди: рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети...» – «Ни шагу назад!» – звучал призыв, и этот призыв для авиаторов-гвардейцев стал законом их фронтовой жизни, который они понимали как необходимость отдавать делу разгрома захватчиков весь свой боевой опыт, все силы.

12 июля был создан Сталинградский фронт, а 23 июля 9-й авиаполк вошёл в состав его войск.

Командующий армией генерал-майор авиации Т.Т. Хрюкин внимательно следил за боевой работой 9-го гвардейского и высоко ценил его успехи. Особую благодарность командарма шестаковцы заслужили за умелое прикрытие «дефицитных» тогда штурмовиков ИЛ-2.

Совершенствуя тактику прикрытия, они начали практиковать посылку в район боевых действий штурмовиков группы истребителей, чтобы сковать действия самолётов противника. В то же время другая группа выполняла задачи непосредственного прикрытия. Этот тактический

приём позволил уменьшить потери лётного состава. Были внесены также существенные изменения и в тактику действий истребителей над целью.

Потребовалось пересмотреть и выработать наиболее рациональные приёмы ведения воздушной разведки.

Вспоминает П.Я. Головачёв: «Старший лейтенант В. Серогодский командовал здесь (под Сталинградом – Л.Д.) уже эскадрильей. Он участвовал во многих жарких схватках в небе, учил молодых пилотов бить врага наверняка. Когда он вёл группу на задание, то очень умело строил боевой порядок, что обеспечивало успех в бою. Он никогда не чувствовал усталости, даже после выполненных им 6–7 боевых вылетов, всегда был весел и задавал тон всему составу эскадрильи. В самые тяжёлые дни боёв под Сталинградом он находил время писать письма своей сестре. Часто ей отправлял переводы и много о ней говорил. Этот пример говорит о человечности и любви к людям. Не помню случая, чтобы он был чем-то угнетён или подавлен. При неудачах в бою он тщательно анализировал этот бой, разбирал его до мелочей, делал нужные выводы: «Завтра обязательно собьём больше немецких стервятников, отомстим за наших друзей»».

Далее Павел Яковлевич рассказывает историю, ставшую уже хрестоматийной.

«В полку хорошо помнили случай, когда Василий Серогодский задался целью «поймать»

немецкий двухфюзеляжный самолёт-разведчик FW-189 – «Раму» и посадить его на нашей территории. Свой замысел комэск блестяще осуществил. Умелыми манёврами он прижал врага к земле, заставил его расстрелять весь боекомплект, а затем, пойдя на мнимый таран, принудил немецкого разведчика сесть за Волгой.

Когда немецкого гауптмана доставили в штаб, он попросил показать ему того, кто вынудил его сдаться в плен.

– Такой молодой? – удивился он, увидев Серогодского. – Не верю.

– Можете не верить. Но не я, а вы сейчас в плену.

– Если это сделали вы, то заслуживаете этого, – обескураженный немец показал на свой Железный крест.

– Мои заслуги уже отмечены моей страшной, – ответил Серогодский и, распахнув тужурку, показал ордена и Золотую Звезду Героя».

Намного позже ветеран Великой Отечественной войны, наш земляк, Александр Филаретович Дудин, по такому случаю опубликует в газете «Солигаличские вести» маленькую балладу.

ПОДВИГ ГЕРОЯ

*Собирались ветераны,
Вспоминали ту войну.
Кто принёс на память раны,
Кто в «подарок» седину.*

*Мой черёд пришёл рассказу,
Говорю, мол, так и так,
Бил фашистскую заразу
По-геройски наш земляк.*

*Я ведь, братицы, не Твардовский,
Не умею так писать,
Но вот Вася Серогодский
Васе Тёркину под стать.*

*Чтобы не было сомненья,
На примере докажу,
Всё как есть, без искаженья,
Всё как было опишу.*

*В пору ту фашисты-гады
Рвались к Волге на броне,
И воздушные армады
Смерть «швыряли» по земле.*

*В небе «рама» круг рисует –
Атакуй – не атакуй.
Слушай, как огонь бушует,
Землю-матушку целуй.*

*Вот такой пират крылатый
К нам повадился летать,
И разил металл солдата,
Головы нельзя поднять.*

*Вот опять, как на гулянье,
Хитрый делает виток...
Но спешит на то «свиданье»
Краснозвёздный «ястребок».*

*Наш Василий на подлёте
Круги в сторону метнул.
Каждый, сидя в самолёте,
Туго нервы натянул.*

*Будто рядом, Васе шепчет
Голос Родины большой:
«Бей, сынок, фашистов крепко,
Не плошай... Я тут, с тобой».*

*Он машину боевую
Ставит фрицу под прицел.
Враг палит, но всё впустую,
Наш герой и жив, и цел.*

*Потому как точно, верно
Вася время рассчитал,
Виражом, «свечой» – мгновенно
Из-под пули ускользал.*

*Но воздушной «карусели»
Наконец пришёл конец:
Магазины опустели,
В «раме» кончился свинец.*

*Вася тут решил устроить
Фрицу ломаный обман –
Чтоб фашиста «успокоить»,
Ложный делает таран.*

*Приземлились самолёты,
Вася дома, фриц в плену –
Гауптман лопочет: «Что-то
Ситуацью не пойму».*

*А потом уж, на серьёзе,
Поочухавшись, спросил:
«Вышло как-то всё курьёзно.
Ну а кто ж меня пленил?»*

*«Вот твой истинный пленитель –
Парень с русой головой!»
Ас не верит: «Победитель?
Что-то очень молодой.*

*Если так, – бормочет пленник, –
Крест железный свой дарю».
«Я, приятель, не изменник
И за крест не продаюсь».*

*Взглядом выразив презренье,
Вася куртку распахнул
И врагу на удивленье
Золотой звездой сверкнул.*

В ожесточённых боях полк терял материальную часть, боевых друзей. 26 августа в полк посылают 8 ЛаГГ-3.

Слава о шестаковцах гремела по всему фронту. Армейская газета «Сталинские крылья» назвала имена 12 лётчиков воздушной армии, лично сбивших вместе 123 и в групповых боях 108 фашистских истребителей и бомбардировщиков. В числе первых названных были лётчики из 9-го гвардейского полка. Об этих успехах рассказывали и многие другие газеты фронта.

«В ожесточённых боях за Сталинград, – писала «Красная Звезда», – полк увеличил свой боевой счёт ещё на 50 немецких машин. Большинство вылетов было произведено здесь на прикрытие штурмовиков, и эту весьма важную задачу лётчики выполняли блестяще: от атак вражеских истребителей штурмовики не имели ни одной потери».

Уже к середине июля 1942 года стало ясно, что враг любой ценой намерен захватить важный стратегический пункт на великой русской реке – Сталинград.

Город перевели на военное положение. Были возобновлены начатые ещё осенью 1941 года работы по сооружению оборонительных обводов. Сталинградская промышленность перестроилась на выпуск военной продукции – танков, орудий, стрелкового вооружения. На базе управления Юго-Западного фронта был создан

Сталинградский фронт во главе с маршалом С.К. Тимошенко, в состав которого вошли и отошедшие за Дон 21-я и 8-я воздушные армии.

Немецкая авиация подвергла Сталинград варварской бомбардировке, совершая до 2000 самолёто-вылетов за день.

23 августа полк Шестакова, стоявший под Сталинградом, чуть свет был поднят по тревоге и направлен для сопровождения штурмовиков и прикрытия 62-й и 64-й армий.

Взлетели все имевшиеся в наличии двадцать четыре самолёта. Группы вели Шестаков, Верховец, Баранов, Алелюхин, Королёв, Серогодский.

Лётчики и раньше предполагали, что над Сталинградом будет «каша». Но то, с чем довелось столкнуться, превзошло все ожидания. Небо буквально кишело вражескими самолётами. Фашисты намеревались смести город с лица земли.

Рядом также действовали лётчики соседних полков, однако видели перед собой только вражеские машины, а внизу – сплошные пожарища.

– Я – «Сокол-один», атакуем!

Шесть четвёрок огненными трассами пронзили бесчисленный строй «юнкерсов» и «хейнкелей». Шестаков поджёт фашистского ведущего, по одному бомбардировщику сбили Верховец и Баранов, два вражеских самолёта, шарахнувшись в стороны, столкнулись и тоже рухнули вниз.

Где-то выше ходили «мессершмитты», но они не могли взять на прицел ЛаГГи, смешавшиеся

Беженцы из Сталинграда

*Мирные жители на строительстве
противотанковых рвов*

Бой в разбитом квартале

По спалённому пригороду

Зенитка ведёт огонь на площади Павших борцов

Взвод разведки в обороне

Командиры решают проблемы обороны

Атакуют краснофлотцы Волжской флотилии

Тяжёлое орудие на огневой позиции

В небе Сталинграда

«На работу» идут минёры

с немецкими машинами. Шестаков быстро понял это, передал по радио:

– «Соколы», вверх не выскакивать, после боя уходить в сторону солнца!

Шесть фашистов свалились на разрушенные городские кварталы. Полк не потерял ни одного самолёта, вернулся домой в полном составе. Правда, некоторые ЛаГГи значительно пострадали от пулемётного огня немецких стрелков-радистов, они нуждались в серьёзном ремонте, за который сразу же взялись механики под руководством Дмитрия Спиридонова.

Враг наращивал воздушные удары по Сталинграду. Лётчики дрались с утра до вечера, часто возвращаясь домой, как говорится, на честном слове и на одном крыле. А обстановка в Сталинграде всё усложнялась.

Дело дошло до того, что 3 сентября на имя Г.К. Жукова пришла телеграмма от И.В. Сталина, в которой говорилось: «Противник находится в трёх верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь. <...> Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало».

«Всю авиацию бросить на помощь Сталинграду!» Этот клич пошёл в воздушные армии, авиационные дивизии, полки. Дошёл он и до 9-го гвардейского, в котором годных к эксплуатации оставалось уже пятнадцать самолётов. Четыре

машины вообще не вернулись – на них погибли лётчики старший лейтенант Иванов, старшина Белияев, старший сержант Сафронов, сержант Рябоконь. Пять ЛаГТов были в таком состоянии, что их давно было уже пора списать. Но, получив приказ «Всю авиацию на помощь Сталинграду!», Шестаков велел ввести в строй и эти пять самолётов.

Старший лейтенант Серогодский, командир эскадрильи, – звание и должность из наградного листа – дрался с противником под Харьковом, над городами и аэродромами Придонья, прикрывал Сталинград. За июнь–август 1942 года он совершил 65 боевых вылетов, участвовал в 23 воздушных боях, в ходе которых лично сбил два фашистских самолёта и в группе с товарищами ещё один.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

на командира эскадрильи

9 Краснознамённого гвардейского ИАП
Героя Советского Союза ст. лейтенанта
Серогодского Василия Александровича –
орден «Красное Знамя»

1. Год рождения – 1919.
2. Национальность – *русский*.
3. Социальное положение – *рабочий*.
4. Партийность – *кандидат в члены ВКП(б) с 1941 г.*
5. С какого времени в РККА – *ноябрь месяц 1937 года.*

6. Участие в боях – *в Великой Отечественной войне с 22.6.41 года по 30.10.41 и с 15.6.42 года по настоящее время.*

7. Ранения и контузии – *ранений и контузий не имеет.*

8. Представлялся ли ранее к награде – *представлялся.*

9. Награждения – *присвоено звание Герой Советского Союза и награждён орденом «Красное Знамя» за мужество и героизм.*

10. Каким РВК призван – *прочерк.*

I. КРАТКОЕ КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА или ЗАСЛУГ

После последней правительственной награды за время боевых действий на Юго-Западном фронте тов. Серогодский имеет 65 боевых вылетов с налётом 70. 58 часов из них на патрулирование 16 вылетов, сопровождение своих бомбардировщиков – 28, прикрытие своих войск – 9 вылетов, перехват и отсечение противника – 6 вылетов. Участвовал в 23 воздушных боях, в которых лично сбил 2 самолёта противника и в группе с товарищами – 1 самолёт противника.

Общий боевой вылет – 251, с боевым налётом 181 час.

Работая командиром эскадрильи, тов. Серогодский правильно нацеливает лётный состав на выполнение боевой задачи.

На личном примере мужества и героизма учит своих лётчиков беспощадно громить врага,

своевременно раскрывая замысел коварного трусливого врага.

25 августа 1942 года в воздушном бою в районе Рынка сбил 1 Ме-109.

5 сентября 1942 года над целью прикрытия г. Сталинграда в воздушном бою сбил 1 Ме-110.

За героизм и мужество, проявленные в боях с немецкими захватчиками, достоин правительственной награды – ордена «Красное Знамя».

Вр. Командир 9 КГ ИАП

Гвардии ст. бат. комиссар *подпись* Верховец

Гвардии ст. политрук *подпись* Пирогов

«3» сентября 1942 года

II. Заключение вышестоящих начальников

Достоин правительственной награды ордена «Красное Знамя».

Командир 268 ИАД <i>Подполковник</i> Трушкин <i>подпись</i>	Военком 268 ИАД Бригадный комиссар Огнев <i>Подпись</i>
---	---

«6» сентября 1942 года

Справка

Рыно́к – населённый пункт, располагавшийся на правом берегу Волги севернее города Сталинграда у места впадения реки Сухая Мечётка.

Во время Сталинградской битвы посёлок Рыно́к был местом ожесточённых боёв группы полковника Горохова против 16-й танковой

дивизии вермахта. Во время войны посёлок был полностью разрушен, но потом восстановлен. В середине 1950-х годов в связи со строительством Волжской ГЭС посёлок был снесён, а его жители переселены в Волгоград.

13 сентября фашисты начали штурм города. Они прорвались в его центральную часть, началась борьба за заводские посёлки.

Бои шли за каждый квартал, каждый дом. И вот в такое невероятно напряжённое время в полк поступает приказ, читая который Шестаков не верил своим глазам: «Самолёты ЛаГГ-3 сдать, убить на отдых», – значилось в нём.

Прежде чем довести приказ до всего личного состава, командир показал его начальнику штаба.

– Что вы думаете по этому поводу?

– По всей вероятности, будем переучиваться на новую технику, готовиться к решающему сражению, – ответил Виктор Семёнович.

Присутствовавший при этом комиссар сказал:

– Коль в такое время нас посылают отдыхать, – значит, дела в стране лучше, чем нам думалось. Радоваться надо этому. Читай, командир, людям приказ, а я растолкую им, что к чему...

17 сентября 1942 года 9-й гвардейский Краснознамённый Одесский истребительный авиационный полк, сдав имевшиеся в наличии всего двенадцать исправных самолётов, отправился в тыл, теперь уже не глубокий – всего километров за двести от фронта.

Руины Сталинграда

В тяжёлых боях под Сталинградом командующий 8-й воздушной армией генерал Т.Т. Хрюкин умело маневрировал силами (300 самолётов против 1200 вражеских), сосредотачивал почти всё, что было возможно, на направлениях, где возникала наибольшая опасность для обороны. Здесь он решил осуществить свою давнюю мечту – создать специальную авиационную истребительную часть для выполнения особых задач. «Это должны быть асы в полном смысле слова, – говорил Хрюкин. – Только тогда они смогут справиться со сложными задачами в любых условиях, а часть в целом оправдывает своё назначение».

«...В разгар Сталинградской битвы, – пишет в своих воспоминаниях генерал-полковник авиации А.Г. Рытов, – гитлеровское командование перебросило туда 52-ю эскадру, считавшуюся ударной мощью германской авиации. Её костяк составляли ветераны воздушного флота. Многие из них участвовали в боях на стороне Франко в Испании. Делалась ставка на то, чтобы навести страх и ужас на защитников советского неба.

Против отборных фашистских вояк требовалось создать не только надёжный щит, но и разящий меч, который бы оказался в состоянии нанести по ним смертельный удар, развеять в прах не в меру раздутую славу фашистских асов.

С этой целью и формировался новый 9-й истребительный полк. В его ряды влились многие уже прославленные к тому времени советские

лётчики. При отборе к ним предъявлялись высокие требования: иметь на своём счету не менее пяти сбитых фашистских самолётов, являть собой пример отваги и товарищеской верности. Преобладающее число лётчиков было коммунистами, готовыми в критическую минуту умереть, но не изменить военной присяге».

Полк был выведен на левый берег Волги, где лётный состав должен был пройти, после предварительного отбора, переподготовку. Это происходило в селе Житкур на юго-востоке от Волгограда и на окраине города Пугачёва. Вот сюда, «в глубокий тыл», и должны были прибыть самые лучшие лётчики 8-й воздушной армии для освоения нового самолёта Як-1 и формирования «полка асов». Группа технического состава убыла в Саратов на авиационный завод для изучения и получения истребителей.

Историческая справка

Пугачёв – самый восточный из всех городов региона. Расположен на возвышенности Каменный Сырт, на правом берегу реки Большого Иргиза, в 246 км к северо-востоку от Саратова и в 170 км к юго-западу от Самары. Железнодорожная станция Пугачёвск. На северной окраине города находится военный аэродром.

Основан в 1764 году старообрядцами как слобода Мечетная. Слобода в ту пору представляла собой одну улицу. По переписи 1765 года в ней числилось 264 души мужского пола.

В 1772 году в слободе Мечетной оказался беглый казак Емельян Пугачёв. Именно здесь, узнав от игумена старообрядческого скита старца Филарета о волнениях яицких казаков, Пугачёв решил выдать себя за царя Петра III.

Як-1

Справка

Як-1 – советский одномоторный самолёт-истребитель Второй мировой войны. Первый боевой самолёт, разработанный заводом № 115 под управлением Александра Сергеевича Яковлева как опытный истребитель И-26.

Александр Сергеевич Яковлев (1906–1989) – советский авиаконструктор, чл.-корр. (1943) и академик АН СССР (1976). Генерал-полковник авиации (с 1984; с 1946 по 1951 гг. – генерал-полковник инженерно-авиационной

службы; с 1951 по 1971 гг. – генерал-полковник инженерно-технической службы, с 1971 по 1984 гг. – генерал-полковник-инженер). Дважды Герой Социалистического Труда. Генеральный конструктор ОКБ имени Яковлева (1956–1984). Лауреат Ленинской, Государственной и шести Сталинских премий. Депутат Верховного Совета СССР.

(Приказом МАП № 346 от 31 июля 1990 года предприятию присвоено имя завод «Скорость» имени А.С. Яковлева.)

После завершения государственных испытаний истребитель принимается в серийное производство под маркой Як-1. Производился с 1940 по 1944 годы; всего было построено 8734 самолёта всех модификаций.

* * *

Возглавил отборную гвардию советских асов бесстрашный боец и талантливый авиационный командир Лев Львович Шестаков, и местом сбора личного состава был определён полевой аэродром под селом Житкур недалеко от Волгограда.

Осенью 1942 года в 9-й полк дополнительно к ветеранам были направлены Герои Советского Союза И.Д. Баранов и А.В. Мартынов (вскоре убит из полка), прославившиеся в боях лётчики Г.П. Кузьмин, А.Ф. Ковачевич, В.Д. Лавриненков, Амет-Хан Султан, И.Г. Борисов, А.Н. Карасёв, Е.П. Дранищев, И.Я. Сержантов, И.А. Пишкан, А.А. Чиликин, И.В. Захаренко, И.В. Тимофеев.

ко, В.И. Васильев, В.П. Ершов, А.И. Плотников и другие.

В.Д. Лавриненков, из книги «Возвращение в небо»

«В конце октября командир нашего полка собрал всех лётчиков и объявил, что Амет-Хана, Степаненко, Борисова и меня откомандировывают в авиаполк, который находится в тылу на переподготовке и пополнении. За ужином майор Морозов, подняв фронтовую чарку, сказал:

– Мне тяжело отпускать сразу четырёх хороших лётчиков. Амет-Хан, Степаненко и Борисов прошли под Знаменем нашего полка большой боевой путь. Лавриненков за три месяца перенял самое ценное из нашего опыта и стал достойным членом нашего гвардейского коллектива... Утешает только то, что мы посылаем четырёх лётчиков в прославленный девятый гвардейский полк. Он не раз летал вместе с нами. Мы хорошо знаем его соколов, их командира подполковника Льва Шестакова. И я уверен, что ещё не раз услышим имена Амет-Хана, Степаненко, Борисова и Лавриненкова. За ваши боевые успехи!

Перед тем как разойтись по избам, Амет-Хан выстрелил в воздух четыре раза. Это был традиционный «салют живым» и салют прощания с друзьями. Наши товарищи оставались на месте нести героическую вахту в небе над Волгой. А мы четверо направлялись в тыл, в зону тишины, для боевой учёбы.

Утром нас троих (Степаненко находился в госпитале) перевезли на По-2 в одно из селений.

Летели, казалось, недолго, а очутились на земле Казахстана».

В дни Сталинградской битвы эта станция и селение сыграли немалую роль в подготовке победы над врагом: здесь сосредоточивались и готовились резервы. Посёлок на всю жизнь запомнился лётчикам своими небольшими домишками, арбузами, верблюдами и ещё тем, что отсюда открывался безбрежный горизонт.

Здесь 24 декабря погибнет старший лейтенант, командир эскадрильи, Василий Серогодский.

Что собой представлял 9-й гвардейский вообщее, его историю, замечательные качества служивших в нём людей и его командира Льва Шестакова новички познали до конца только со временем.

В.Д. Лавриненков, из книг «Сокол-1», «Возвращение в небо»

«Что ждёт нас на новом месте? Как там примут? Какие у них порядки? Наслышанные о Шестакове, о его строгой взыскательности, приверженности к дисциплине и порядку, мы немного побаивались встречи с ним. Ведь ходили слухи о том, что Шестаков очень придирчив к прибывающим в полк новичкам, бывало, некоторых

и обратно возвращал. Такая перспектива, конечно, никому из нас не грозила – мы хоть и были все старшими сержантами, цену себе тоже знали; но ведь формируется полк асов, а это, по логике вещей, предполагало особо тщательный отбор людей.

Наши утлые По-2 пересекли несколько пересохших речушек, прошли над каким-то озерцом, у которого столпилось небольшое овечье стадо, потом встали на курс вдоль железной дороги, которая и вывела нас на небольшую затерявшуюся в бесконечных пустынных просторах станцию. От неё три минуты лёту – и мы приземляемся прямо на поле у села Житкур.

Несколько рядов приземистых мазанок, пыльные, все в выбоинах улочки, ни единого деревца, верблюды, беспрерывно жующие свою жвачку, – вот что такое «новые» места в те времена.

С первых же минут пребывания в полку мы пришли в недоумение. Даже засомневались: туда ли мы попали?

На небольшом поле за штабной мазанкой шло лихое футбольное сражение. На лавочке под чахлым кустарником под звуки саратовской гармоники вполголоса пели два техника. Рядом с ними несколько человек, постелив на землю солому, отрабатывали акробатические этюды.

Мы недоумённо переглянулись: что, мол, всё это значит? Уж не собираются ли из нас сделать артистов для фронтовой концертной бригады?

И уж совсем были мы сражены, когда, зайдя в офицерское общежитие, чтобы привести себя

в порядок, прежде чем представиться командиру, увидели там... девушек.

– Проходите, проходите! – зашебетали они, заметив наше смущение. – Вы новички? Мы тоже. Будем знакомы: лётчицы-истребители Лилия Литвяк и Катя Буданова.

Мы в свою очередь представились, а про себя подумали: «Вот так полк асов!»

Разве могли мы тогда знать, что Лилия Литвяк уже имела на своём счету сбитого фашистского аса – кавалера трёх железных и одного рыцарского крестов, чем никто из нас не мог похвастаться?

Не могли мы тогда знать и то, что Катя Буданова на глазах командующего армией генерал-лейтенанта Т.Т. Хрюкина провела воздушный бой, за который он лично объявил ей благодарность, представил её к награде, чем тоже пока никто из нас не мог похвастаться».

«Не успели оглядеться, как вслед за нами вошла группа мужчин. На их гимнастёрках сверкали награды. Среди вошедших было три Героя Советского Союза. Один из них – блондин среднего роста сразу привлёк моё внимание.

– Баранов, – назвал он себя.

Я с восторгом смотрел на него. Славные боевые дела Баранова были известны всем лётчикам, мы помнили его по портретам в газетах, знали, что служит он где-то рядом с нами, иногда и встречались в воздухе. Баранов в те дни был самым популярным истребителем на нашем фронте.

Оглядев новичков, он стал расспрашивать, кто откуда прибыл.

Тут-то мы и узнали, что капитан Баранов является заместителем командира 9-го гвардейского полка. Он представил нам своих товарищей Героев Советского Союза И.Г. Королёва и В.А. Серогодского. И сказал, что девушки тоже командированы к ним в полк и что на счету у каждой уже имеется несколько сбитых самолётов. <...>

Мы пошли прогуляться. Деревянные домики, украшенные резьбой, деревянная церквушка, мазанки, приветливые местные жители – всё казалось родным, напоминало мне родную Смоленщину...

За ужином собрались вновь прибывшие и старожилы.

Новичков было больше, но, как выяснилось, явились ещё не все, а потому никто официально не приветствовал нас. Но лётчики, как известно, народ общительный. Все быстро перезнакомились, заговорили о своих делах. Командир полка Герой Советского Союза подполковник Шестаков и комиссар – старший батальонный комиссар Верховец сидели тут же.

В тот вечер я и услышал об истории полка и о его командире.

Лев Шестаков командовал полком с первого дня войны. Командовать полком в двадцать пять лет, да ещё в таких сложных условиях, – на это способен не каждый.

Полк выстоял во время блокады Одессы – семьдесят три дня находился он в окружении

вместе с пехотинцами и миномётчиками. Аэродром и взлётные площадки размещались рядом с боевыми позициями наземных войск, а в последние дни – на футбольном поле стадиона. Но это не помешало лётчикам успешно выполнять боевые задачи.

Двенадцать Героев Советского Союза родилось в полку в те дни: М.Е. Асташкин, А.А. Елохин, И.Г. Королёв, С.А. Куница, А.А. Маланов, П.В. Полоз, Ю.Б. Рыкачёв, В.А. Серогодский, В.Т. Топольский, А.Т. Череватенко, А.А. Шестаков, М.И. Шилов.

Жестокие бои под Одессой выковали не одну крепкую, как гранит, воинскую часть. И 9-й полк не был в этом смысле исключением. Лётчики, инженеры, механики, техники, мотористы полка составляли единую семью, у которой было общее дело и одна судьба.

Отвагу и волю людей, их стремление податься в бой и творческую энергию разумно направляли, поддерживали командир и комиссар части. И сами они являлись для лётчиков примером стойкости, мужества, потому что оба были бесстрашными воздушными бойцами.

В небе Сталинграда 9-й гвардейский тоже прославился немеркнущими подвигами. Вот в какую часть довелось нам попасть!»

* * *

Скоро в Житкур приходит Приказ войскам Юго-Западного фронта о награждении Василия

Александровича орденом «Красное Знамя». Приказ, обрадовавший не только его лично, свою эскадрилью, но и весь полк. В торжественной обстановке при построении всего состава полка и выносе гвардейского Знамени прозвучал Приказ № 2 и командиру эскадрильи старшему лейтенанту Серогодскому была вручена Львом Шестаковым эта высокая правительственная награда. Все тепло поздравили Героя.

ПРИКАЗ
ВОЙСКАМ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА
ПО ЛИЧНОМУ СОСТАВУ ВВС
№ 11/н

«22» сентября 1942 года Действующая
Армия

От имени Президиума Верховного Совета ССР
за образцовое выполнение боевых заданий
Командования на фронте борьбы с немецкими
захватчиками и проявленные при этом доблесть
и мужество, награждаю:

Орденом «Красное Знамя»

30. <...>

31. Героя Советского Союза – командира эскадрильи 9 Гвардейского Краснознамённого истребительного авиационного полка 268 истребительной авиационной дивизии – Гвардии старшего лейтенанта Серогодского Василия Александровича.

32. <...>

Приказом войскам ЮЗФ
№ 11/н
«22» сентября 1942 года награждён орденом
«Красное Знамя»
НАЧАЛЬНИК 3 ОТДЕЛЕНИЯ
Капитан 2 ранга *подпись* /КАЗАКОВ/

* * *

*В.Д. Лавриненков, из книг «Возвращение
в небо», «Сокол-1»*

«Командир и комиссар беседовали с каждым вновь прибывшим. Разговор вёлся простой, непринуждённый. <...> А когда речь зашла о полётах и боях, тон его круто изменился. Я почувствовал себя так, будто Шестаков советовался со мной о больших общих делах. Не всякий командир умеет разговаривать с подчинённым как с равным себе в профессиональных вопросах. Мой командир умел делать это, и беседа сразу потекла непринуждённо.

– Много молодых лётчиков потеряли мы под Сталинградом, – доверительно сказал он. – Молодые хуже переносят нагрузки. А бои предстоят тяжёлые. Говорю об этом не случайно. Наш полк не скоро начнёт боевую работу. Мы отдохнём, получим новые машины, одним словом, начнём всё с начала. У вас есть время хорошо подготовиться к предстоящим боям... Полетаем вдвоём и над аэродромом, и над Сталинградом. Вы уже сбивали фашистские самолёты. Я верю,

будете хорошо летать и на новой машине. Судя по всему, у вас, Лавриненков, характер настоящего истребителя. И реглан вам добудем тоже настоящий».

«В полку – четыре Героя Советского Союза. За Одессу – Лев Шестаков, Иван Королёв, Василий Серогодский, за Сталинград – Михаил Баранов. Почти все лётчики, техники, механики имеют боевые ордена и медали, авиаспециалисты сержанты Петр Керекеза и Виктор Сусанин – даже ордена Красной Звезды.

Многое для нас было новым».

* * *

Из воспоминаний И.Г. Борисова

«Знакомство с полком продолжалось.

– Вы подумайте: в Одессе – самодеятельность! – не переставал удивляться Лавриненков.

– Может быть, потому и выстояли, – резюмировал Амет-Хан.

– И не только поэтому, – сказал Лавриненков. – Чувствуете, в полку всё прочно поставлено. Нам с вами, братцы, здорово повезло.

Только это сказал – навстречу Василий Серогодский, невысокий, белоголовый, весёлый малый.

– Как настроение?

– Как в крымском каньоне, – ответил Амет-Хан, – со всех сторон зажаты. Не хватает только строевой подготовки...

Серогодский рассмеялся.

– Подождите, будет и строевая. И покажется она вам живой струйкой на дне каньона, потому что вы ещё не сидели за учебниками и конспектами, не знаете, какие «академии» умеет устраивать Лев Львович...»

Из воспоминаний П.Я. Головачёва

«В тот день новички встретились с начальником штаба Никитиным, парторгом Пироговым, всех распределили по эскадрильям, звеньям, парам. Поневоле приглядываются друг к другу: ведь вместе воевать.

Подошло время ужина. Мы втроём направились в столовую, сели за столы. Заметили, что официантки очень странно себя ведут: подозрительно смотрят на нас, не подходят. В чём дело? Может, у нас не всё в порядке с одеждой? Осмотрелись – вроде нормально.

Ясность внёс случайно заглянувший в столовую Ваня Королёв.

– Вы что, ещё не знаете наших порядков? Пока не зайдёт Шестаков – сюда никто не смеет и ногой ступить.

Усевшись на лавочке, стали ждать дальнейшего развития событий. Ровно в 20:00 появились Шестаков, Верховец, Никитин, Баранов. Они зашли в столовую, уселись за первый стол. За ними последовали все остальные.

Но официантки снова не спешат подавать ужин. «В чём дело?» – теряемся в догадках.

Вот встал командир. Осмотрел всех внимательным, строгим взглядом.

– Товарищи, подведём итоги дня. Сегодня к нам прибыли лётчики Амет-Хан Султан, Лавриненков, Борисов, – командир сделал паузу, мы встали, – также группа сержантов во главе с сержантом Сержантовым, – при этом все заулыбались. – Прошу любить и жаловать, – продолжал Лев Львович, показав глазами на нас и на поднявшихся с мест подчинённых Сержантова.

– Мы надеемся, – сказал далее Шестаков, – что все, кто пополнил наш полк, будут достойно продолжать его боевые традиции, умножать его гвардейскую славу.

При этих словах сами собой вспыхнули аплодисменты. Мы тоже захлопали в ладоши в знак солидарности со словами командира.

Лев Львович поднял правую руку – снова воцарилась тишина.

– Слушайте задачу на завтра. На трёх Ли-2 с утра лётчики отправятся в город на Волге. Отдыхать и переучиваться на Як-1 будем там. Техники под руководством майора Спиридонова с той же целью остаются здесь. Они же примут и новые самолёты, на которые мы сядем после возвращения.

С завтрашнего дня каждому держаться своей эскадрильи, своего звена, своего ведущего или ведомого. Слётанность полка начинается на земле. Прошу иметь в виду: нас ждёт отдых от боёв, но не от учёбы и строгого порядка. На этой почве у нас не должно быть никаких недоразумений.

– Николай Андреевич, – обратился он к комиссару, – у вас есть что-нибудь?

Верховец сказал несколько слов о той ответственности, которая возлагается на нас в связи с переучиванием на Як-1.

Затем слово взял начальник штаба. От него мы узнали порядок перелёта, очередность посадки на Ли-2, погоду по маршруту.

Вся эта официальная, если можно так назвать, часть длилась ровно двадцать минут, после чего начался ужин, во время которого все вели себя довольно свободно, смеялись, шутили, как бывает в большой, доброй семье.

Ужин подходил к концу. Но никто не вставал, пока не поднялся Шестаков.

Василий Серогодский, сидевший за нашим столом, закончив ужин, заскучал было, а потом вдруг обратился к нам:

– А что за истребитель Як-1?

Разумеется, это волновало многих, и не удивительно, что лётчики, услышав вопрос, повернулись лицом в нашу сторону. Шестаков, обратившись к Лавриненкову, сказал:

– Давай, Лавриненков, рассказывай, это всем интересно.

Вот где пригодился инструкторский опыт. Не будь его – вряд ли бы можно так подробно рассказать новым боевым друзьям об особенностях Як-1.

Это был в то время один из самых лёгких истребителей со смешанной конструкцией. Крыло деревянное, оклеенное полотном.

Вооружение – одна пушка калибра 20 мм для стрельбы через ось редуктора двигателя и два скорострельных пулемёта. Скорость – до 600 км/ч. В воздухе он был устойчив, в пилотировании весьма прост, считался одним из лучших фронтовых истребителей.

Рассказав обо всём этом, Лавриненков ответил на многочисленные вопросы, касающиеся эксплуатации и боевого применения Як-1. Ему помогали Амет-Хан и Борисов.

Когда всё было переговорено, Шестаков поднялся из-за стола.

– Как видите, товарищи, Як-1 – отличный истребитель. Остановка только за нами. А сейчас – ужин окончен, все – на танцы!

Выходило, что сюрпризы этого дня ещё не кончились.

Танцы были весёлые, задорные, они создавали отличное настроение, вливали в нас свежие силы, бодрость духа.

Королевами вечера были Лиля Литвяк и Катя Буданова. Каждый считал для себя особой честью пройти круг-другой в вихре вальса с замечательными девушками-лётчицами».

Ранним утром следующего дня весь личный состав стоял в строю каждый со своим ведущим, в своем звене, в своей эскадрилье.

Командир, как всегда, свежий, жизнерадостный, весь как на пружинах. Можно было подумать, что мы собираемся не дальше в тыл, а на фронт. Нет, несомненно, Шестакову известно что-то, чего никто из пилотов не знал.

Он осмотрел строй, остался доволен: все приготовились как на парад.

– По самолётам!

На флагманском Ли-2 – сам Шестаков, на среднем – Верховец, на замыкающем – Никитин. Летели часа два с половиной.

* * *

Прибыли на новое место, где уже противник не мог потревожить. До прежней точки «хейнке-ли» всё-таки добирались. Их встречали Лилия Литвяк и Катя Буданова, прилетевшие в полк на своих самолётах. Для них командование армии сделало исключение. После того как несколько подбитых ими «хейнкелей» еле-еле сумели уйти, налёты прекратились, но тем не менее мы их ждали каждый день. А кроме двух «девчачьих» истребителей, на аэродроме практически ничего не имелось.

Здесь же, в тылу – тишь да благодать. Красивые особняки, леса, большое озеро, в котором, несмотря на конец сентября, ещё можно купаться.

Всё было бы ничего, да омрачали фронтовые сводки, которые каждое утро сообщал комиссар. Особенно тревожные вести поступали из Сталинграда. Враг наседал на город всё больше и больше. Девизом его защитников стало: «Умереть, но не сдать Сталинград!».

Вполне понятно, что в такое тяжёлое время мы меньше всего думали об отдыхе, сразу же приступили к учёбе.

Верный принципу «слётанность полка начинается на земле», Шестаков приказал разместить нас в спальнях комнатах и за столами учебного класса по звеньям, по эскадрильям.

Пришло время обеда – гурьбой направились в столовую: все-таки на отдыхе!

Дорогу преградил дежурный офицер:

– Ждите командира.

Разошлись, походили вокруг, услышали команду на обед. Вернулись к столовой, а у входа в неё сидят Шестаков и Верховец, ждут, чтобы собрался весь полк.

– Вот теперь прошу в зал, – пригласил всех Шестаков. – Принимать пищу всегда будем вместе, в одно время.

Была в этом своя, шестаковская, мудрость. Встретиться три раза в день лицом к лицу с людьми в самой непосредственной обстановке – это много значит. По внешнему виду, поведению, выражению глаз человека можно узнать многое. Нередко после обеда командир и комиссар подходили к тому или иному лётчику, спрашивали, почему он грустный, замкнутый, тут же всё выяснялось, принимались какие-то меры или просто обходились добрым советом, подбадривающим словом.

Больше всего переживали все оттого, что не знали, где семьи, что с ними. Горе особенно горько, когда думаешь, что оно только у тебя. Но вот как-то после обеда разговорились, и выяснилось, что многие ничего не знают о своих семьях, даже Шестаков. Неизвестна судьба родителей

*Дедюхин Александр
Александрович –
племянник Героя.*

*Дедюхин Николай
Александрович –
племянник Героя.*

*Дедюхин Владимир
Александрович –
племянник Героя.*

*Дедюхин Василий
Александрович –
племянник Героя.*

*Галина – дочь Василия
Александровича.*

*Марина – дочь Василия
Александровича.*

*Ольга – дочь Василия
Александровича.*

*Надежда – дочь Владимира
Александровича.*

*Семья Василия и Зинаиды Дедюхиных в сборе.
Слева направо: Марина, Галина, родители, Ольга*

*Продолжение рода (дети, внуки) Владимира Александровича:
слева направо: Герман, Евсей, Сергей (отец и муж),
Надежда (мать и жена), Милолика, Аким, Семён.*

*Большая родня. На переднем плане сидят:
Зинаида Николаевна, Василий Александрович.*

Земля предков – во веки веков наша земля.

Верховца, оставшихся в Ямполе на Сумщине. Баранов, Серогодский тоже были в полном неведении о местонахождении своих близких.

После такого разговора своё личное горе как-то растворялось в общем, уходило на второй план, легче становилось на сердце.

Шестаков, понимая, что сейчас, на отдыхе, думы о семьях, родителях, близких особенно тревожат людей, с каждым днём наращивал учебную нагрузку. Когда человек до предела занят – раскисать некогда.

В каждой комнате – расписание занятий. Опоздать на них – не было ничего страшнее.

Занятия, занятия... Вот тогда-то и вспомнились слова Василия Серогодского о том, что строевая подготовка покажется свежим ручейком на дне каньона. Действительно, когда подходило занятие по строевой или физической подготовке, все оживали: всё-таки можно размяться, проветриться.

Будни проходили в напряжённой учёбе, зато по воскресеньям лётчики отводили душу на озере, в лесу, на спортивных площадках.

Но особенно запомнилась поездка в город Н-ск на авиационный завод. Сколько было радости, когда пилоты увидели предназначавшиеся для полка новенькие истребители Як-1.

На них завершались последние отделочные работы, будущие хозяева машин осматривали их, ощупывали, убеждаясь: самолёты что надо, сделаны на совесть!

На обратном пути из цехов сборки «яков» заехали в Саратов, побывали в оперном театре, слушали «Трубадур». Старожилы полка помнили, что Лев Львович нигде не упускал случая посетить театр.

Вернувшись в дом отдыха, личный состав понял, что «страдать и мучиться» в нём осталось совсем мало.

Двадцать два дня продолжались отдых – учёба на окраине города Пугачева. Любовались берегами живописного озера, много играли в волейбол, смотрели кинофильмы, обсуждали ход войны. А когда, бодрые и здоровые, возвратились на свой аэродром, там уже стояли рядами тщательно замаскированные самолёты Як-1.

В.Д. Лавриненков, из книг «Сокол-1», «Возвращение в небо»

«Каждого охватила настоящая, большая радость. <...>

Выйдя из Ли-2, мы сразу почувствовали, что воздух аэродрома пропитан запахом свежего аэролака. Ведь самолёты только что прибыли из цехов завода.

С большим любопытством мы рассматривали предназначавшиеся для других полков новенькие Ла-5, Ил-2, и в нашем сознании всё больше утверждалась уверенность в том, что вот-вот грянет такой бой, от которого немцы долго не смогут опомниться.

Шестакову с трудом удалось нас собрать. Когда все лётчики были в строю, он обратился к нам:

– День, которого все мы так долго ждали, наступил. Начинаем осваивать новую технику. Прошу каждого из вас выбрать себе по душе самолёт и техника с таким расчётом, чтобы и внутри экипажей у нас было полное взаимопонимание.

Мы выбирали себе самолёты, в основном ориентируясь на их хозяев – техников. Мне лично очень импонировал самый пожилой в полку, среднего роста, с добрыми глазами старшина Василий Моисеев. <...>

Потом, вечером, перебирая в памяти события дня, я ещё раз подивился предусмотрительности Шестакова. Ведь чего проще – закрепить самолёты за лётчиками приказом. Так нет же, сами выбирайте машины и техников. Придумать это мог только тот, кто на себе испытал, что значит настоящая большая дружба между воздушным бойцом и его наземным помощником. А Шестаков со своим Ермаковым были неразлучны.

...С утра нового дня начались тренировки в кабинах. Спарок не было. Требовалось по возможности все свои действия как можно более тщательно отработать на земле.

К первым самостоятельным полётам готовились детально и всесторонне. Шестаков хотел сделать всё для того, чтобы переучивание прошло без каких-либо осложнений.

Наконец подошло время самостоятельных полётов. Лев Львович сам провёл предвари-

*Лётчики 9-го гвардейского авиационного полка.
Слева – А.А. Шестаков. 1942 г.*

тельную подготовку. Он рассказывал о таких тонкостях эксплуатации Як-1, которые можно было знать, лишь изрядно полетав на нём. Откуда у него эти знания? Секрет командирской педагогики? Ещё больше удивились мы с Амет-Ханом и Борисовым, когда Шестаков первым мастерски взлетел на новом истребителе, выполнил полёт по кругу, а потом, с таким шиком пройдя над стартом, блестяще крутанул две восходящие бочки.

Приземлился разгорячённый, довольный:

– Прекрасная машина, легка и послушна!

Вскоре вылетели самостоятельно Верховец и Баранов, за ними – все остальные.

Началась отработка воздушных боёв.

У Шестакова ведомым был Королёв. Мы думали, что с ним он и будет тренироваться. Однако Лев Львович решил полетать с каждым

из новичков. Своих-то людей хорошо знал, а вот нас, влившихся в полк недавно, ещё не испробовал в воздухе.

Первым в роли ведомого командира пошёл в зону воздушного боя Амет-Хан Султан – один из лучших лётчиков 4-го полка. «Трёхжильный», – так говорили о нём.

И этот «трёхжильный» после зоны еле держался на ногах, упал на землю, широко раскинув руки, и, глядя в небо, откуда только что вернулся, произнёс:

– Наш командир – не лев, не сокол, он – чистый дьявол!

Нам с Борисовым стало немного не по себе. Мы никогда даже в мыслях не видели себя в одном ряду с Амет-Ханом, но если его так «ухайдокал» Шестаков, то что же будет с нами?»

«Началось переучивание на новые машины. Мне оно далось очень легко, ведь я уже совершал боевые вылеты на истребителе именно этой марки.

А в ноябре мы перекочевали в соседний колхоз, точнее, на его заставленные скирдами луга. Небольшое строение на дугах было одновременно и общежитием, и штабом полка.

Мы чувствовали себя сильными, готовыми к бою, но несколько дней совсем не летали. Приближалось начало большого контрнаступления. Мы ждали его...»

Поздно светает в ноябре. Шестой час утра – ещё ночь. Туман как бы сгущает тьму, пилоты натапливаются друг на друга, спеша к машине, на которой обычно добираются до аэродрома.

Погода явно нелётная. Зачем так рано подняли? Пока трудно понять. На аэродроме тихо. Мотористы и техники почему-то не расходятся к стоянкам. Полк выстраивается в компактную колонну по четыре. Перед строем подполковники Шестаков и Верховец.

– Смирно! Равнение – на Знамя!

Знаменосец и два офицера-ассистента с оружием в руках проходят на правый фланг. И сразу светлеет, становится теплее.

– Настал час грозной и справедливой расплаты с немецко-фашистскими захватчиками! – взволнованно произносит командир полка и при свете фонаря начинает читать приказ командующего Сталинградским фронтом на наступление.

Вслед за тем подполковник Верховец прочитал Обращение Военного совета фронта к воинам – защитникам Сталинграда. И начался митинг. Лётчик Борисов, техник звена Д.В. Кислятин и заместитель командира дивизии по политчасти полковой комиссар П.С. Огнев были предельно кратки: они точно выразили стремление личного состава части идти в бой и бить врага.

...И сейчас же техники и мотористы заторопились к самолётам.

А лётчикам приказали выслушать первое боевое задание.

Готовясь к вылету, в землянке при свете коптилок пилоты прокладывали на картах маршруты, деловито переговаривались между собой, и каждый с нетерпением ждал предстоящий боевой вылет.

Как всё начнется? С чего? Полагали, что прежде всего прогремит могучий гром, а услышан был обычный глухой залп. А через секунду после него началось такое, что вздрогнула под ногами земля.

Все вышли на берег Волги. От вала огня, от беспощадной смерти, посланной советской

артиллерией на головы врагов, полк отделяла лишь полоса воды. Но было понятно, что наступление – это в первую очередь битва на земле, это удар артиллерии и миномётов, это мощная атака брони. Артиллерия уже начала своё святое дело: безжалостно крушила бетон и железо, где прятались гитлеровцы, расчищая путь пехоте. Все знали, что здесь, за Волгой, сосредоточены могучие силы для наступления. Наши новые чудесные машины, освобождённые от маскировки, стояли теперь на виду, перед полётом, а лётчики ждали одного – чтобы рассеялся туман. Никто не приказывал – они сами пошли к самолётам, потому что могучая канонада начала как будто удаляться.

Техник самолёта Лавриненкова Василий Моисеев, сухощавый, невысокий и не очень молодой человек, увидев его, выскочил из-под машины, вытирая испачканные маслом руки:

– Наступаем! Какая радость! Машина готова! Только ещё разок осмотрю всё снаружи...

На стоянке было убрано, чисто, как в доме на праздник. От прогретого самолёта струилось тепло.

Взлетели не скоро. Вначале небольшими группами прошли наши бомбардировщики и штурмовики. Потом на расчистку неба от немецких истребителей вслед за другими бросили и 9-й полк.

Строй «фронтом», когда самолёты развёрнуты по фронту и эшелонированы по высоте, – эта комбинация чётко была отработана

под руководством Шестакова. Теперь лётчики демонстрировали свою выучку. Прошли над Волгой и там, где был город, увидели поднятые взрывами снарядов дым и сплошную завесу пыли. Но вспышки огня проступали и сквозь эту завесу. Вражеских истребителей почему-то не встретилось: наверное, удары «петляковых» и «ильюшиных» по фронтовым аэродромам гитлеровцев парализовали действия их воздушных частей.

Развернувшись по команде ведущего, полк повернул на юг, потом снова – на запад, проведя по пути лишь несколько молниеносных стычек с одиночными «мессершмиттами».

Едва приземлились – получили новое задание: провести разведку дорог в направлении Дона. На разведку отправилась пара. Лётчики установили, что в небе совсем нет вражеских самолётов.

Следующее утро снова было туманным. Как только прояснилось, подполковник Шестаков с Василием Бондаренко пошли под низким небом в глубокий тыл врага.

Теперь противник ввёл в дело все свои силы. Зенитный огонь, трудность ориентировки над покрытыми свежим снегом просторами и далёкий маршрут – всё это заставило тех, кто остался на аэродроме, немало поволноваться за улетевших. Но всё закончилось благополучно. Два «яка», вынырнув из-под туч, чётко приземлились на аэродроме. Лётчики повалили к стоянкам, навстречу командиру и его напарнику, ведь

они первые увидели собственными глазами то, что происходило тогда за Волгой!

– Враг отступает! – сообщил подполковник Шестаков.

– Фрицы вылезли из своих нор. Работы нам хватит, браточки! – весело подмигнул Бондаренко.

Только на третий день был увиден масштаб грандиозного сражения, вошедшего навсегда в мировую историю и учебники под именем «Сталинградская битва».

Полк с утра до вечера посылал все свои истребители на сопровождение бомбардировщиков и штурмовиков. Немецкие лётчики, видимо, знали о паническом отступлении их армий на земле и часто, не принимая боя, просто спасались бегством. Трудно было узнать хваленых фашистских асов. Теперь им не помогали ни драконы, ни бубновые тузы, ни орлы, ни огненные стрелы, намалёванные на фюзеляжах «мессеров»...

* * *

С первых дней контрнаступления советских войск в районе Сталинграда, начавшегося 19 ноября 1942 года, очень многое изменилось на земле и в небе. Участники этой великой битвы первыми ощутили перемену. Тот, кто сражался на Волге, испытал тогда ни с чем не сравнимое чувство гордости и радости за могучую силу Красной Армии и советского народа.

Наступление разворачивалось бурно. Карта боевой обстановки на фронте, которую каждый пилот обязан был знать назубок, менялась ежечасно. Постоянно менялись и ориентиры, по которым прокладывались маршруты полётов. Молниеносно перемещались объекты штурмовок.

Даже неустойчивая погода – и та изменилась в лучшую сторону. Кончились туманы, перестал сыпать мокрый снег. Установились морозные солнечные дни. словно неудержимый порыв наших войск передался самой природе...

Только за первые десять дней наступления (причём несколько из них были нелётными) 8-я воздушная армия произвела 1349 дневных вылетов в районы, где особенно яростно сопротивлялся враг, туда, где он пытался с помощью бомбардировщиков и истребителей задержать продвижение авангарда наших войск: 2, 8, 16 и 17-я воздушные армии надёжно придавили к земле наглую крылатую орду Геринга. Бомбовые удары по аэродромам, блокирование и штурмовки истребителями стоянок фашистских самолётов в корне изменили ситуацию в воздухе.

9-й гвардейский полк, как уже упоминалось, был пополнен опытными лётчиками и с первых дней Сталинградской битвы с честью выполнял отведённую ему роль. Особенно большой эффект давали боевые вылеты, проводимые одновременно всеми эскадрильями. Командир полка Лев Шестаков обдуманно готовил подчинённых

к этим вылетам. Весь опыт, накопленный им в период боёв с фашистами в Испании, в дни героической обороны Одессы, в ходе самого Сталинградского сражения подполковник Шестаков вкладывал в отработку с подчинёнными полётов на новых надёжных истребителях Як-1. Немало энергии отдал он индивидуальной работе с каждым из тех, кто раньше летал только на И-16 и ЛаГГ-3 – на машинах, имевших весьма ограниченные возможности. А чего стоило ему натренировать все эскадрильи в групповых полётах, сцементировать полк так, чтобы он, поднятый в воздух, чётко действовал в самых сложных условиях!

В процессе тренировок полк обычно вылетал двумя группами, эшелонированными по высоте, и быстро перестраивался в случае необходимости. Все звенья в бою сражались с врагом самостоятельно и в то же время согласованно, подчиняясь единой воле ведущего, которым, как правило, являлся сам командир полка.

Не зря Шестаков гонял лётчиков до изнеможения. Благодаря ему они овладели трудной наукой побеждать врага. И результаты не заставили себя ждать. Какая радость была видеть, как горели в небе и на аэродромах «юнкерсы», «хейнкели», «мессершмитты», как панически разворачивались и сбрасывали куда попало свой смертоносный груз бомбардировщики фашистов, как бежали от наших асов их истребители, стоило только показаться на горизонте плотно-му строю уверенных «яков»!

А какой патриотический порыв страны! Если в июне 1942 года на сталинградском направлении мы имели самолётов втрое меньше, чем противник, то на 19 ноября того же года наших бомбардировщиков и истребителей, большей частью новых, тут было столько, сколько в июне было немецких. Гитлеровское же командование за этот период смогло увеличить свой парк лишь на 16 единиц!

Надёжно замкнув кольцо окружения немецко-фашистских войск в Сталинграде, советские армии продвинулись далеко на запад и юго-запад, образовав внешний фронт. На только что освобождённую территорию, лежавшую между окружённой группировкой гитлеровцев и внешним фронтом, на многострадальную землю, по которой прошли сотни танков и которую безжалостно опалил огонь, одним из первых перелетел и 9-й гвардейский полк.

В.Д. Лавриненков, из книги «Возвращение в небо»

«Это был не обычный перелёт на новую базу. В казахское селение мы впервые попали в сентябре, а в конце ноября сорок второго года покидали его навсегда, чтобы участвовать в походе на запад.

Техник моего самолёта Василий Моисеев позаботился о том, чтобы положить всё необходимое в фюзеляж «яка». Закончив хлопоты, он удобно устроился за бронеспинкой и принялся туго связывать шнуром свёрток с инструментами.

– Что же, наш аэродром далеко будет от Сталинграда? – не отрываясь от дела, спросил он.

Я уловил в его тоне не только естественное любопытство. Мы уже знали, что многотысячное гитлеровское войско надёжно взято в кольцо, и каждому было ясно, что окружённые попытаются пробиться к своим.

Пройдясь перчаткой по целлулоиду планшета, я показал технику карту.

– Видите хутор Зёты? Здесь и расположится полк.

Наш правобережный аэродром находился между внутренним и внешним кольцом окружения гитлеровцев».

Справка

До революции посёлок Зётовский входил в Северный аймак Малодербетовского улуса Калмыцкой степи Астраханской губернии. В 1920 году при формировании границ Калмыцкой автономной области эта территория оказалась за её пределами.

Название Зёты происходит от калмыцкого рода Зёд арвн, проживающего в посёлке. С 1931 года центр Зётовского сельсовета Сталинградского района. В 1935 году – в составе Ворошиловского района Сталинградской области. Как и весь Ворошиловский район, летом 1942 года посёлок был оккупирован, освобождён в начале 1943 года. Сейчас – пос. Северный.

«В Зётах мы увидели лишь три уцелевшие хаты да необозримую белую степь. Снег, прикрывший руины, воронки, разбитые танки и машины, брошенные боеприпасы, спрятал от нас и то, что могло пригодиться для устройства хоть какого-нибудь жилья. Хорошо хоть, что после ухода врага в Зётах остались земляные насыпи – капониры, в которые мы сразу поставили самолёты.

Одну хату заняли под столовую, в другой разместился штаб, третью отдали лётчикам и техникам. Правда, в ней не могла поместиться и треть личного состава полка, поэтому пришлось рыть землянки. Позаботиться о себе, устроить ночлег и при этом быть постоянно готовым в любых обстоятельствах вступить в бой – на войне это было очень важно и непросто. Лётчики и техники каждой эскадрильи выдолбили в мёрзлой земле вблизи аэродрома углубления, прикрыли их железом, которое разыскали вблизи разбитых машин и самолётов, а сверху присыпали железо землёй и снегом. Инженеры приспособили в землянках небольшие печурки. Не все, однако, успели устроиться до вечера. Нам с Василием, например, пришлось ночевать под самолётом, прикрывшись брезентовым чехлом. Зато уже на другой день специалисты из БАО, возглавляемого офицером Пушкарским, раздобыли для нас сена и мазута для топки печей. Над землянками заструился густой чёрный дым, и они сразу приобрели жилой вид.

Расчищенный от снега аэродром уже с утра позволял начать полёты, <...> и непрерывно

слышался голос начальника штаба Виктора Семёновича Никитина. Карта с нанесённой боевой обстановкой, висевшая на деревянной стене, чуть шевелилась от порывов ветра. Возле неё толпились командиры и лётчики. Мороз стоял лютый, продрогли мы все основательно. Но один взгляд на карту способен был согреть любого: линия фронта пролегла уже вблизи Котельниково!

– Если так будем продвигаться вперёд, успеем к курортному сезону в Алупку, – разглядывая карту, замечает Амет-Хан.

Женя Дранищев, как обычно, ловит каждую мысль, чтобы развить её на свой собственный лад.

– Оно, может, и так, – немедленно откликается он, – но насчёт курортного сезона в Алупке – дело, на мой взгляд, сомнительное...

Амет-Хан порывисто оборачивается к Дранищеву. Несколько мгновений они разглядывают друг друга. После холодной бессонной ночи лица у обоих серые. Оба прячут носы в поднятые меховые воротники. Дранищев даже бороду прикрыл тёплым шарфом. <...>

Если завязался разговор между Амет-Ханом и неистощимым на острое слово Дранищевым, мы все умолкаем. Тут только успевай слушать, они и слова вставить не дадут!

На сей раз дружеская перепалка оборвалась внезапно: по телефону было принято боевое задание. Шестаков стал о чём-то советоваться с Верховцом и Никитиным. Первый вылет с нового аэродрома – дело ответственное и для командиров, и для лётчиков.

Воспользовавшись наступившей паузой, я протиснулся поближе к карте, чтобы лучше всё рассмотреть. Мне знакомы все аэродромы, станции, города. На этой большой территории теперь развернулись бурные события, ставшие известными всему миру. Я здесь всё знаю. Вот бы поручили мне водить группы на штурмовку, прикрытие или сопровождение! Уж я бы постарался везде успеть и со всем управиться. Самолёт у меня новый, исправный, летать бы и летать.

– Идём на штурмовку аэродрома Гумрак! – вывел меня из задумчивости голос командира полка.

У меня ёкнуло сердце: неужели я не полечу в этой группе? Ведь я знаю на аэродроме в Гумраке каждое строение, каждую стоянку...

– Идём тремя шестёрками. Одна прикрывает, две – для непосредственного удара.

После небольшой паузы подполковник Шестаков называет мою фамилию.

– Я слушаю, товарищ командир!

– Поведёте шестёрку воздушного боя.

Наверное, я пошевелил губами или сделал какое-то движение, выдающее нетерпение.

– Спокойно, – поднял руку командир. – Тебе знакомы тут все стёжки-дорожки, и сам бог велел именно тебе проштурмовать их огнём. Поэтому и посылаю тебя на верхотуру. – Шестаков взглянул на комиссара, тот одобрительно кивнул. – Только помни: не отвлекаться. Сразу попадёшь под очередь «эрликона». Кстати, ориентирование на высоте потребует немного

внимания... В Гумраке находится добрая половина транспортной авиации Паулюса. Порядочно там и истребителей. Если они успеют взлететь, будет жарко. Задание получено от самого командарма. Ясно?

– Ясно, товарищ командир!

– Нападаем с юга, от центра Сталинграда. Отсюда чаще всего заходят фашистские самолёты. По машинам!

Пытаясь спасти окружённую в Сталинграде группировку, немецкое командование организовало так называемый воздушный мост от Ростова и Зимовников до Сталинграда. На маршруте этого моста действовали аэродромы котла – Гумрак, Питомник, Воропоново. Нам и поручили вместе с другими полками уничтожать транспортную авиацию противника на земле и в воздухе.

Ничто не способно так поднять настроение и вызвать боевой энтузиазм у лётчика, как зримость поставленной задачи и предчувствие успеха.

Гумрак, который когда-то был моим родным аэродромом, встретил нас густой огневой завесой. «Эрликоны» били прежде всего по тем «якам», которые обрушивались на них с неба. Первым пошёл на цель командир полка. За ним ринулись Амет-Хан, Алелюхин, Серогодский, Королёв, Бондаренко. Моя шестёрка держалась в это время сверху.

Шестаков с ходу поджёт Ю-52. Вслед за тем вспыхнуло ещё пять транспортных тяжеловозов.

Аэродром затянуло дымом. Только в отдельных местах сквозь него выбивалось пламя.

В воздухе появились немецкие истребители. Их было больше, чем «яков». Но нас вдохновляла отважная атака Шестакова и его группы. Мы быстро разобрали пары «мессершмиттов» и отвлекли их от штурмовиков.

Для моей шестёрки это был скорее бой на отвлечение. Мы упорно кружили над «мессерами», атаковали их и вовремя уходили из-под обстрела. Это продолжалось до тех пор, пока ведущий не подал команду на сбор. Выйдя из боя, «высотники» пристроились к основной группе. Обидно было только одно: моя шестёрка не сбила в тот раз ни одного «мессершмитта».

Приземлившись, снова собрались на КП. Подполковник Шестаков доложил штабу армии об уничтоженных и уцелевших транспортных самолётах противника. Мы слышали его разговор и догадывались по ответам обо всём, что говорилось командиру полка. Нашему полку вместе с другими предстояло перерезать воздушную артерию, связывавшую окружённую группировку противника с внешним миром. Наземные части, блокировав противника, продолжали сжимать кольцо, а нам было приказано закрыть над котлом небо...

Командир полка начал разбор вылета. Он умел это делать блестяще. Казалось, что у него несколько пар глаз – так много он видел и замечал. Всесторонне проанализировав и взвесив действия шестёрок, он резюмировал:

– Хорошо действовали пилоты!

Такая оценка означала, что Шестаков удовлетворён вылетом, и мы облегчённо вздохнули. В подобных случаях командир полка никогда не омрачал настроение лётчиков обидными упреками за отдельные промахи. Наоборот, если были к тому основания, он искренне восхищался проявлением инициативы, находчивости, мужества, готов был при всех обнять того, кто отличился. На этот раз командир особенно тепло говорил об Амет-Хане, Алелюхине, Серогодском, Королёве, Бондаренко, Будановой, вместе с которыми он добился ощутимого успеха в Гумраке.

Я был неудовлетворён действиями своей группы, и Шестаков заметил мою подавленность.

– Чем расстроен, Лавриненков? – спросил он.

– Не сбили ни одного «мессершмитта», товарищ командир.

– Что значит «не сбили»? – вскинулся Шестаков. – А шесть транспортных разве не ваши? Вы хорошо дрались, не подпустили к нам немецких истребителей, вернулись без потерь. Отлично выполнено задание!..

Снова зазуммерил телефон – нам передали очередные приказы из штаба армии. Боевая жизнь, как говорят, вошла в свою колею.

Лётчики перебрались в хату, где были сооружены двухъярусные нары, техники углубили свои землянки, расположенные возле самого аэродрома (им приходилось по ночам периодически прогревать моторы машин). Лётчицы Буданова и Литвяк пристроились в комнатухе на

КП. Таким образом, каждый имел тёплый уголок для сна и короткого отдыха».

* * *

Ещё в октябре по приказу штаба армии в полк прибыли четыре лётчицы, из числа которых было создано звено под командованием старшего лейтенанта Беляевой. В него вошли Буданова, Литвяк, Кузнецова. Четыре лётчицы вместе с девушками – парашютотукадчицами, вооруженцами, механиками, связистками – образовали целое женское подразделение.

Лётчицы дежурили на аэродроме наравне с мужчинами. И воевали тоже не хуже мужчин.

Л. Литвяк

Однажды, ещё в период нашего пребывания в Казахстане, как раз во время дежурства звена девушек, фашисты совершили налёт на соседнюю станцию. Девушкам пришлось вступить в бой с группой «хейнкелей». Беляева своевременно перехватила бомбардировщиков, отважно повела в атаку свою четвёрку. Но «хейнкелей» прикрывали истребители. Они подбили самолёт Беляевой. Лётчице пришлось воспользоваться парашютом. А её подруги довели бой до конца, не дали гитлеровцам сбросить на станцию бомбовый груз.

Беляева через несколько дней вернулась в полк. Но по состоянию здоровья больше не летала и вскоре уехала в тыл. Вслед за ней по болезни выбыла из полка ещё одна лётчица. Остались только Екатерина Буданова и Лилия Литвяк.

Нелегко было девушкам на фронте. Особенно лётчицам-истребителям: воздушный бой требовал от них недюжинной физической силы и выносливости. И то, что девушки безропотно переносили все трудности, делало им честь, вызвало огромное уважение. Екатерина и Лилия были очень разными по характеру и по внешности. Высокая, плечистая Буданова носила мужскую стрижку и в лётной форме мало отличалась от парня. Маленькая, белокурая Литвяк рядом с ней казалась девчонкой.

Первая отличалась весёлым, задорным характером, её подруга была задумчивой и молчаливой. Девушки очень дружили, но верховодила во всём Екатерина. Живая, непосредственная, она была душой эскадрильи. Лучше Будановой никто не мог организовать товарищеский ужин, танцы.

Лилия являлась для всех образцом женственности и обаяния. Хлопцы то и дело напевали ей: «Посмотрела – как будто рублём подарила, посмотрела – как будто огнём обожгла». Лилия относилась весьма сдержанно к восторженным взглядам и словам однополчан. Она никому не отдавала предпочтения. И это особенно импонировало всем.

Мужчины всячески старались облегчить жизнь и боевую работу лётчиц. Реакция их ока-

залась самой неожиданной: та и другая категорически отказывались от опеки, не признавали никаких скидок.

Летали Буданова и Литвяк отлично. В воздухе всегда можно было рассчитывать на их своевременную поддержку и выручку. Боевую работу девушек высоко оценивал и командир полка. На разборах он не раз ставил их в пример, хвалил за желание летать, за умение драться с врагом.

Е. Буданова

Скромные фото далёких военных лет великих защитниц Отечества и упоминание о них мне показались обязательной необходимостью, без которой была бы умалена теплота повести. Это соратники Василия Александровича, всех пилотов полка, их счастье, их радость, их светлое удивление.

Как Екатерине Васильевне Будановой, так и Лилии Владимировне Литвяк уже после войны посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В.Д. Лавриненков, из книги «Возвращение в небо»

«Жизнь наша в Зётах с каждым днём становилась всё беспокойнее. Во второй половине декабря наш аэродром подвергался даже обстрелу вражеской артиллерии. Действовать с него стало невозможно. Решено было покинуть Зёты.

19 декабря полк проводил в Зётах последнюю ночь. Но этой ночи предшествовало тяжёлое событие.

Когда, возвратившись из полёта, все собрались в столовой, совсем рядом послышались сильные взрывы. В довершение ко всему, над Зётами появилось около дюжины немецких двухмоторных бомбардировщиков. На землю полетели бомбы. Группа наших самолётов вот-вот должна была возвратиться после выполнения боевой задачи. А пока единственным спасением для нас являлись капониры, но до них надо было успеть добежать.

Я бросился в снег. Рядом упал Дранищев.

Налёт натворил много бед. Скошенный осколком, погиб мастер по вооружению Иван Жук. Мы с почестями похоронили товарища, и 20 декабря наш полк покинул Зёты. Здесь занимали рубежи для обороны наземные войска.

СЕКРЕТНО
(после заполнения)
Форма 2

из имеющихся списков безвозвратных потерь личного состава частей и соединений Красной Армии

[illegible]

Временной базой на неделю для нас стало село Трудолюбие, южнее Зёт. Оттуда мы непрерывно вылетали вместе со штурмовиками уничтожать танки Манштейна.

А резервы полка оставались далеко за Волгой.

Вскоре нас с командиром эскадрильи Героем Советского Союза Василием Серогодским послали на По-2 в Казахстан, в Житкур, чтобы перегнать оттуда отремонтированный «як».

Нас встретили там как желанных гостей. Перегонять машину предстояло Серогодскому, и он пожелал сразу облетать её. Тогда-то и произошло непоправимое...

Трудно бывает иногда объяснить причину несчастья. Мы вместе осмотрели самолёт, на земле опробовали мотор. Василий сел в кабину. У него было хорошее настроение. Как случилось, что лётчик-фронтовик, прошедший ад обороны Одессы и Сталинграда, пилотируя над тихим селом, потерял чувство расстояния и после выполнения сложной фигуры врезался в землю, я не берусь объяснить...

Похоронив своего однопольчанина, я возвратился в Трудолюбие на По-2. Посылать кого-то за «яком» уже не было смысла...

Просматривая уже после войны «Формуляр 9-го полка», в частности тот раздел, где зарегистрированы «небоевые» потери, я встретил имя Василия Александровича Серогодского. С болью вспомнил тот трагический день, когда

он погиб, и мне показалось, что это произошло вчера...»

Письмо
из части сестре Апполинии
после гибели В.А. Серогодского
(прислано вместе с извещением
и гвардейским знаком)

Многоуважаемая Апполиния Александровна!

В боях за социалистическую Родину, за счастье нашего народа, в борьбе против немецких захватчиков погиб Ваш брат – Серогодский Василий Александрович.

Он был настоящим патриотом нашей Родины, любил жизнь и поэтому ненавидел врага. Вася бил врага с ненавистью и жестоко мстил за наших отцов, матерей, жен и детей.

За проявленные мужество и отвагу в борьбе с немецкими захватчиками он был награжден двумя орденами Красного знамени и удостоен звания Героя Советского Союза.

На груди справа Василий носил значок «Гвардия», что означало, что он сражался за нашу Родину в рядах лучших её воинов, в рядах советских гвардейцев.

На примере Васи будут воспитываться тысячи молодых бойцов, готовя себя к предстоящим боям за окончательный разгром немецких фашистов. Высылаем Вам наградной значок советских

гвардейцев, который носил Ваш брат. Пусть этот значок напоминает Вам и всем, кто его знал, о том, что Вася сражался за Родину в рядах лучших ее защитников – в рядах советской гвардии.

**Командир войсковой части 21842,
Герой Советского Союза
гвардии подполковник подпись Морозов.
Заместитель командира по политчасти
гвардии капитан подпись Пировов.**

* * *

ГИБЕЛЬ ГЕРОЯ

А.И. Мандровский

*Над памятью моей не властно время,
Прошло уже полсотни долгих лет...
Но надо мной войны довлеет бремя,
Мне от него нигде покоя нет...*

*Селенье Житкур, два аэродрома,
Три мельницы стояли за версту,
И горка за стеной родного дома,
И часовой у школы на посту!*

*...После обеда с горки я катался,
А на дворе – мороз и неуют.
А Серогодский в воздухе метался,
Как бы искал последний свой приют.*

*И он летал, почти цеплял за крыши,
Ревел мотор на полном форсаже,
А мы кричали: «Ну, бери же выше!» –
Но он не мог услышать нас уже;*

*Он улетал и превращался в точку,
И снова Житкур брал на абордаж.
И вновь крутил красиво «бочку»,
Переходя на высший пилотаж.*

*И было видно – это почерк аса,
Так виртуозно делался полёт!
Он был Героем, лётчик экстра-класса,
Гоняя по «квадрату» самолёт.*

*Полёты эти мы не раз видали,
О них судачили и Житкур, и район;
Мы каждый раз от страха приседали,
Когда над нами проносился он.*

*Вот он над нами снова, как в атаке,
Секунды медленно, мучительно текли,
Ещё мгновенье, и... не стало ЯКа,
Он в этот раз не вышел из «петли».*

*Забыв коньки, к нему мы побежали,
От боли сердце на куски рвалось,
Обломки только на земле лежали –
Всё это мне увидеть довелось.*

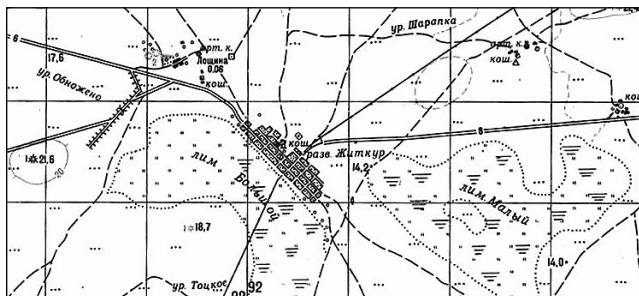
*С аэродрома лётчики спешили... –
У мельницы пылает самолёт.
Когда его «пожарной» потушили,
Был из кабины извлечён пилот.*

*На площади его похоронили,
И лётчики произвели салют.
А мы, мальчишки, слёзы проронили –
Печален, скорбен был его приют.*

*...В сорок втором Василия не стало,
Но до сих пор он в памяти живой!
В Палласовке стоит на пьедестале
С поднятой в небо гордой головой.*

*Я каждый день хожу к его погосту,
На лик его задумчиво гляжу...
А где погиб Василий Серогодский,
Я хоть сейчас вам место покажу.*

1992 год

Клянёмся!

Город в огне

Начало операции «Кольцо»

Минутная готовность

В середине ноября 1942 года в ожесточённых боях в небе над Сталинградом она уничтожила в группе два Me-109, а затем бомбардировщик Ju-88. В конце ноября Екатерина Буданова, была назначена в группу «свободных охотников». 10 декабря, возвращаясь с задания, была атакована парой Me-109. Буданова приняла бой и сбила ведущего. 23 февраля 1943 года Буданова была награждена орденом Красной Звезды.

Из полка Льва Шестакова

Центр города

Навстречу врагу

Сталинград. Победа!

Навоевались

После битвы. Фрагмент

Родина-мать

Глава X. Приложения

В предлагаемой главе обозначены некоторые важные фотографии, письменные документы, которыми автор ещё не располагал, приступая к изложению текстовой части. Они, возможно, кому-то покажутся взаимно не связанными, но это не так.

Родовые семейные линии Серогодских, Дедюхиных, Дудиных, Пьяньковых настолько пересечены между собой и так многочисленны, что потребуются не одна повесть для разъяснения, «кто есть кто». Жаль, что многое не сохранилось. Я не говорю о Починках, – здесь мне почти всё ясно.

Но вот заехал (лет десять назад) к родной тётке Нюре в Коровново (к Анне Николаевне Дудиной) и, увидев на фото незнакомых мне людей, спрашиваю: «А как дед-то наш, тётя Нюра, в этой компании оказался?» – «Да это же макаровские. Всё Макарово ведь наше было», – с тоской ответила тётя без пояснения. Она видела, что я понял правильно, что в Макарове все у нас были родственниками.

Я знал, что у меня род очень большой: только двоюродных братьев и сестёр сорок два человека. Знал и далёкую родню. Хотя и не близко жили, однако – в любви и дружбе.

А «на Макарово» была отдана замуж сестра деда (Александра Степановна Дедюхина, из Починка), а также две сестры бабушки (Анны Ивановны Пьяньковой – жены деда, из Великова). И нарожали они там, в Макарове, Серогодских.

Почти все мужчины – морские офицеры. Шутили: «Без мала половина балтийского флота – Серогодские». Владимир Дудин, автор книги «Из истории Совеги», почти согласен с этим утверждением.

К ПОЛЁТУ НАД СЕЛОМ ЖИТКУР

Через три недели (17 января 1943 г.) на Як-1, почти вслед за Василием Александровичем, погибает выдающийся лётчик (небоевая потеря), штурман 9-го гв. полка, Герой Советского Союза капитан Михаил Баранов (тоже из Ленинграда, тоже с Кировского завода).

Из архивов

«Як-1, недавно полученный с завода и ещё не закреплённый за лётчиком, был подготовлен техником к полёту и осмотрен старшим инженером полка.

Михаил ликовал. Наконец-то он полетает. Как зафиксировано в архивных документах, получив задание, Баранов взлетел, но, ввиду обнаруженной уже в воздухе неисправности регулятора оборотов Р-7, сделал круг и вернулся на аэродром.

Не ожидая наладки Р-7 на этом самолёте, Баранов попросил у Верховца (и.о. комполка) разрешения пересесть на другую машину и произвести полёт в зону. Получив такое разрешение, он вторично взлетел. На высоте 3000 метров выполнил левый вираж, потом переворот через крыло и сразу же вывел самолёт в горизонтальный полёт. Машина, управляемая опытным лётчиком, послушно реагировала на отклонение рулей.

Но вот самолёт вторично перевернулся вверх колёсами, и он с нарастающей скоростью пошёл к земле, страшной силы взрыв был слышен далеко от места падения самолёта».

В мирное время по обоим случаям (Серогодский – Баранов) создались бы высокие комиссии по изучению причин катастроф. Выдвигались бы три, как всегда, основные версии:

- конструкторская недоработка;
- производственный дефект детали, узла, сборки, агрегата, системы управления.
- человеческий фактор.

Моё личное убеждение как заслуженного испытателя космической техники состоит в том, что я исключаю в данном случае человеческий фактор, оставляя первых два: не доведена до ума конструкция; не налажено стабильное серийное производство (временной фактор).

Но шла историческая битва за Сталинград. Шла Великая Отечественная война... Не до «разборки полётов»...

Оба Героя обрели бессмертие в боях за свободу и независимость нашей великой Родины, найдя покой на берегах могучей матери-Волги.

**СЕРАФИМА ИВАНОВНА МОРОЗОВА,
дочь Ивана Разумовича,
двоюродная сестра Героя**

Двоюродные сёстры Серафима Ивановна и Серафима Анфиногеновна (моя родная сестра) учились вместе с первого класса по седьмой в Васильевской семилетней школе. Затем, окончив Солигаличское педучилище, они по направлению, тоже вместе, уехали работать в Сусанинский район.

Моя сестра трудилась в школах района всю жизнь и там, в Сусанино, нашла покой рядом с нашей матерью Марией Николаевной и со своим мужем Африканом Васильевичем Голубевым.

Серафиму Ивановну из Сусанино увёз лейтенант флота Морозов Александр Константинович в город Североморск. Через два года они вернулись на Совегу.

Во времена появления молодой семьи в родных пенатах я всюду их сопровождал и до свадьбы, и после... Всю жизнь мы были рады друг другу, любили друг друга. Часто встречались. Помешало ещё чаще быть рядом – только здоровье.

Мне осталось вспоминать добрым словом Серафиму Ивановну, Александра Константиновича и приять решение продолжить жизнь сестры и зятя в данном издании, смотреть на нестареющий портрет и читать с благодарностью строки, написанные бывшими её учениками и подготовленные к печати редакцией газеты «Солигаличские вести».

Вот что прислали с родины (Галина Суворова, некролог из газеты): *«В деревнях как-то по-особому умеют хранить память о своих земляках, о тех, кто своим трудом создавал материальные и духовные ценности, с кого, как говорится, «следует делать жизнь». И при случае обязательно постараются как можно больше рассказать о них – с гордостью, с заслуженным уважением и похвалой, как, например, в письме, пришедшем буквально на днях в редакцию из Васильевского сельского поселения.*

Авторы письма вспоминают человека, который выучил не одно поколение жителей Совеги, по крупицам собирал историю малой родины – ветерана педагогического труда, чьё имя занесено в альбом «Учительская слава» Солигаличского муниципального района, и основателя местного музея – Серафиму Ивановну Морозову».

«Серафима Ивановна была самым разносторонним учителем в нашей, Васильевской, школе, – пишут её бывшие ученики, – она преподавала русский и литературу, постоянно брала классное

руководство (на её счету шесть выпусков), была ещё и пионервожатой, редактором школьной стенгазеты, библиотекарем, ответственной за комсомольскую работу, вела различные кружки.

Не только нам, но и всем жителям нашего поселения повезло с ней ещё и потому, что она очень любила свой край, увлекалась историей и культурой своего народа. Серафима Ивановна – это инициатор и вдохновитель создания школьного музея. Она по крупицам собирала материалы для него, именно она сделала революцию в сердцах своих земляков и заставила взглянуть на жизнь по-иному. Именно благодаря ей на протяжении почти 40 лет музей на Совеге является центром воспитательной работы, где по-прежнему проводятся различные мероприятия. Это место, куда с удовольствием и интересом приходят и приезжают люди, чтобы познакомиться с самобытной историей совезского края. Музей продолжает жить и хранить память о своём создателе».

Добавлю: здесь, в книге, почти все фотоматериалы, письма, экспонаты собраны Серафимой Ивановной Морозовой и представлены, она и не подозревала, как память о ней самой, как память о земляках – к более широкому обозрению.

Редкие фото сохранила и прислала её дочь Елена Александровна Сишкова. Кроме старшей Елены, в счастливой семье выросли младшая дочь Татьяна и сын Юрий.

Похоронена Серафима Ивановна на Солигаличском городском кладбище рядом с Александром Константиновичем.

ОДНОПОЛЧАНЕ, ОСТАВИВШИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ВАСИЛИИ СЕРОГОДСКОМ

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ ЛАВРИНЕНКОВ

Родился 15 мая 1919 года в деревне Птахино, ныне Починковского района Смоленской обла-

сти, в семье крестьянина. В 1934 году окончил 7 классов неполной средней школы и поступил в фабрично-заводское училище. Работал столяром и одновременно занимался в аэроклубе. С 1940 года в рядах Красной Армии. Окончил Чугуевскую военную школу лётчиков и с января 1941 года работал лётчиком-инструктором

в Черниговской авиационной школе.

С июля 1941 года сержант В.Д. Лавриненков в действующей армии. Воевал в составе 630-го ИАП, 753-го ИАП, 4-го ИАП. Затем, до конца войны, – в 9-м Гвардейском ИАП, где летал на Як-1, «Аэрокобре» и Ла-7.

Был командиром звена, эскадрильи, полка. Участник боёв под Сталинградом, в Крыму, под Кёнигсбергом и Берлином.

1 мая 1943 года за мужество и воинскую доблесть, проявленные в боях с врагами, удостоен звания Героя Советского Союза.

1 июля 1944 года за отвагу и мужество, проявленные в боях, успешное командование эскадрилей гвардии майор В.Д. Лавриненков был награждён второй медалью «Золотая Звезда».

Награждён орденами: Ленина (дважды), Октябрьской Революции, Красного Знамени (шесть), Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды; медалями. Бронзовый бюст установлен в городе Починок Смоленской области.

Свидетель гибели Василия Александровича Серогодского.

Сам прошёл всю войну. Умер генерал-полковником. Похоронен в Киеве.

Автор книг:

Лавриненков В.Д. Возвращение в небо. – М.: Воениздат, 1974.

Лавриненков В.Д. Сокол-1, 1976 – о Льве Львовиче Шестакове.

Лавриненков В.Д. Без войны, 1982.

Лавриненков В.Д., Беловол Н.Н. Шпага чести. – М.: Воениздат, 1988.

АЛЕКСЕЙ ТИХОНОВИЧ ЧЕРЕВАТЕНКО

Родился 31 марта 1914 года в слободе Селивановская Милютинского района Ростовской области в многодетной крестьянской семье. После окончания школы работал в колхозе, затем – строительное училище, стал каменщиком. Потом поступил в сельскохозяйственный институт, где окончил два курса.

В Красной Армии с 1935 года. По путёвке комсомола был направлен в Сталинградскую авиационную школу, которую успешно окончил в 1938 году.

Служить начал в 6-й истребительной авиационной эскадрилье, которая стала основой сформированного в Запорожье 69-го истребительного авиационного полка.

К сентябрю 1941 года командир звена старший лейтенант Череватенко в составе 4-й эскадрильи 69-го ИАП совершил 187 боевых вылетов, в 46 воздушных боях сбил лично 3 и в группе – 2 самолёта противника.

За подвиги в небе Одессы получил звание Героя Советского Союза.

Весной и летом 1942 года воевал под Харьковом и Сталинградом. Был сбит немцами;

выбросившись с парашютом, попал под удар хвостового оперения своего самолёта, с тяжёлыми травмами попал в госпиталь. После госпиталя он инспектор военно-учебных заведений ВВС Туркестанского военного округа.

С июля 1943 года Череватенко снова на фронте.

Всего за период Великой Отечественной войны совершил 286 боевых вылетов, из которых 87 – на штурмовку, и участвовал в 68 воздушных боях, в которых сбил лично 7 и в группе с товарищами – 9 самолётов противника.

В послевоенные годы А.Т. Череватенко продолжал службу в ВВС Советской Армии.

Написал замечательные мемуары о своих боевых соратниках.

Умер 19 ноября 1994 года, похоронен в Ростове-на-Дону.

Череватенко А.Т. Небо Одессы, 1941-й. – Одесса: Маяк, 1978.

ПАВЕЛ ЯКОВЛЕВИЧ ГОЛОВАЧЁВ

Павел Яковлевич Головачёв родился 15 декабря 1917 года в деревне Кошелёво в Белоруссии. Белорус. Отец его работал лесником.

Окончил семь классов школы и школу фабрично-заводского ученичества, после чего работал токарем, фрезеровщиком на лесном комбинате. Ак-

тивно занимался спортом, окончил Гомельский аэроклуб.

В 1940 году он окончил Одесскую военную авиационную школу пилотов имени П.Д. Осипенко. Служил лётчиком в 168-м истребительном авиационном полку.

С первых же дней Великой Отечественной войны Головачёв находился в действующей армии. Совершал боевые вылеты на самолёте И-16. Первый вражеский самолёт он сбил уже 23 июня 1941 года.

С октября 1941 года и до конца войны служил в 69-м (впоследствии – 9-м) гвардейском истребительном авиационном полку. 25 июня 1942 года был ранен в руку, 31 июля 1942 года получил второе ранение, на сей раз в голову.

Во время очередного боя самолёт Головачёва был подбит, а сам лётчик получил тяжёлое

ранение в лицо и лишился зрения. В госпитале лечил его академик В.П. Филатов, наложивший 13 швов. Через полтора месяца Головачёв вернулся в строй. После освоения самолёта Я-1 он был назначен командиром звена, служил в эскадрилье Амет-Хана Султана.

27 октября 1943 года за 17 сбитых вражеских самолётов лично и ещё 1 – в составе группы командир полка А.А. Морозов представил его к присвоению звания Героя Советского Союза.

8 января 1945 года за сбитые 20 вражеских самолётов был представлен к вторичному присвоению звания Героя Советского Союза.

Последние свои два самолёта Головачёв сбил 25 апреля 1945 года в небе над Берлином.

После войны – генерал-майор авиации.

Павел Яковлевич Головачёв умер 2 июля 1972 года, похоронен на Восточном кладбище города Минска.

Головачёв П.Я. на сайте «Красные соколы».

Головачёв П.Я. на сайте «Уголок неба».

Фотографии П.Я. Головачёва в 9 ГИАП на сайте «Полки и самолёты».

БОРИСОВ ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ

Родился 28 сентября 1921 года в деревне Шелухино Луховицкого района Московской области. До войны жил в Москве, где окончил 7 классов и ФЗУ. С 1937 года работал слесарем-инструментальщиком на Пресненском машиностроительном заводе.

Учился в аэроклубе им. А. Ляпишевского. С декабря 1940 года в рядах Красной Армии, зачислен курсантом Остафьевской военной авиационной школы пилотов.

С началом Великой Отечественной войны выпущен из школы досрочно.

В октябре 1942 года зачислен пилотом в состав 9-го Гвардейского ИАП. Вёл бои в небе Сталинграда, в районе Ростова, на Донбассе, в Крыму, Прибалтике.

К середине октября 1943-го гвардии старший лейтенант И.Г. Борисов совершил 210 боевых вылетов, в 80 воздушных боях сбил лично 10 самолётов противника и 8 – в группе.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 ноября 1943 года удостоен звания Героя Советского Союза.

Завершил войну гвардии майор И.Г. Борисов 2 мая 1945 года в небе Берлина.

Всего выполнил 563 боевых вылета, провёл 182 воздушных боя, в которых лично сбил 22 и в составе группы 8 самолётов противника.

С 1949 года гвардии майор И.Г. Борисов – в запасе. Жил и работал в городе Москве.

Умер 10 августа 1954 года, похоронен на Ваганьковском кладбище.

Аллея Героев в Мелитополе

ДВА ПИСЬМА ГЕРОЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

Витюля 1941г.
 Доброй день Таше, Лите и
 Марусе. Шлю вам свой
 сердечный привет и желаю
 всего хорошего.
 Живу я по-старому, Нахо-
 жусь в тылу уже 3^й день,
 отдохнул. Завтра, Наверное,
 опять улетим на фронт
 бить фашистов.
 У вас тоже, Наверное, дела
 зашли на фронт, так что
 положение одинаковое.
 Ответа от вас, вероятно, не
 получу, т.к. я не буду там,
 куда дан адрес. Но пусть
 моих вещей найдутся на
 той квартире, потому я буду
 по возможности доживать.
 Ну всё, писать больше нечего.
 Остаюсь жив и здоров.
 Во свидание - В.А. Серогодский.
 Адрес: Одесса, Кировский пер.
 дом 9 кв. 21 Сергееву П.Г.
 дню Серогодского.

г. Кировоград, 24 января 1948 г.
 Здравствуйте все наши! Тата,
 Тамара и передайте привет всем
 нашим родным венникам. Много вам
 envío сердечный привет и желаю всего
 хорошего в вашей жизни. Простите,
 что так долго не писал. Я вам давал
 несколько телеграмм, незная вы получили
 или нет. Я пока жив и здоров, наде-
 юсь, что таким буду и в дальнейшем.
 Пришлось крепко побораться с франкистами,
 за что меня правительство наградило
 орденом "Красное знамя" в настоящее
 время нахожусь на далеком юге. У
 вас, наверное, там мороз, а у нас тепло,
 иногда выпадает дождь. Пока не вою-
 ем, но скоро вновь пойдем бить франкистов.
 Работы предстоит еще много, но с нею
 мы справимся и франкисты будут
 разбиты.
 Пришлось временно расстаться с
 Одессой, но надеюсь скоро вновь возвра-
 титься туда. Пришлось много путеше-
 ствовать. Если бы я написал письмо,
 то ваше письмо сейчас бы не застало.
 Когда получите ^{письмо} письмо, напишите.
 Пока до свидания.
 С приветом Вася.

Починовские лесорубы.
 Второй справа налево, первый ряд, сидит, Александр Николаевич
 Дедюхин – муж Апполинарии Александровны, сестры Героя.
 Фото «Из истории Советов» В.А. Дудина

Слева направо – Апполинария Александровна, Серафима Ивановна,
 Нина Михайловна, Мария Николаевна

ПРИЛОЖЕНИЕ № 7

ПИСЬМО

Галины Александровны, сестры Героя,
для Васильевского музея
(перепечатано с оригинала)

«Я, Попова Галина Александровна, приехала в Ленинград в 1930 г.

Родители у нас умерли рано, молодые, нас осталось 4 сестры и брат. Я была самая старшая – 18 лет, сёстры – 15, 12, 6 лет, брату было 8 лет.

Серогодский Василий Александрович в 1932 г. приехал к нам в Ленинград, устроили его в ФЗУ – завод судостроительный, закончил, перевели на Балтийский завод, работал токарем в дневную смену, а вечером ходил в парашютную, а потом в планерную школу, закончил и стал инструктором-планеристом.

А в 1936 г. пошёл в лётное училище без отрыва от производства.

Хотел быть только лётчиком.

Закончил, послали на практику в г. Борисоглебск, присвоили звание мл. лейтенант и направили в г. Одессу. Стал военным лётчиком-истребителем. Там и застала его война.

Мне командование прислало телеграмму из Кировабада: «Ваш брат жив, присвоено ему звание Героя Советского Союза. Поздравляем!» Командир, комиссар...

Дошёл он до Сталинграда и там погиб 23 декабря 1942 года. Воевал всего полтора года. Награждён орденом Ленина, двумя орденами

Красного Знамени и гвард. знач. и Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Я получила извещение похоронное, думала, жива не останусь, ведь он нам был как сын, его мы воспитали, я ходила и ничего не видела вокруг, и меня сбила грузовая машина, было сотрясение мозга, лежала в больнице, была без сознания.

В г. Палласовке Волгоградской обл. поставлен ему памятник, из села Житкур прах его перевезли в г. Палласовку и на могиле поставили памятник.

Младшая сестра тоже жила у меня, училась на медсестру, и её взяли в армию работать старшей операционной сестрой в госпитале.

И те две сестры (Полина, Екатерина – Л.Д.) жили у меня до замужества. У Поли в войну погиб муж, осталось 4 сына мал мала меньше. И мы взяли 1, потом 2 и 3 (Александра, Николая, Владимира – Л.Д.). Все закончили высш. образов. Надо было помочь – все сироты, жалко. Себе отказывали, а им помогали, всех воспитали, все они нас уважают и благодарят».

От автора. Конечно, в этом письме нет подробностей. Но и то, что написала Галина Александровна, – правда. Она даёт понимание того, что жизнь ребят, моих двоюродных братьев, с 14–15 лет неразрывно связана с ленинградским домом тёти Гали и дяди Мити. Пусть светлая память об этой достойной семье будет переходить из поколения в поколение нашего большого рода.

**Двоюродные братья Героя,
погибшие в борьбе с фашизмом во время
Великой Отечественной войны**

*Слева – Дудин Сергей Анфиногенович – сын Анфиногена Михайловича и Илары Разумовны Дудиной (Дедюхиной).
Справа – Дедюхин Фёдор Иванович – сын Ивана Разумовича и Александры Николаевны Дедюхиной (крёстки).*

* * *

Хотя они жили в разных Починках (считай, в одном), Сергей и Фёдор были братья как родные, о которых говорят – не разлей вода. И в детстве, и в юности. Ходили в одну школу (Васильевскую семилетнюю) и сидели за одной

партой во всех классах. Вместе учились в Солигаличском педагогическом училище. Окончили его в 1941 году. Выпускной бал отмечен началом войны.

Несколько лет назад Зинаида Николаевна Дедюхина презентовала мне газету «Солигаличские вести», в которой было подробно рассказано о бале 41-го года, где автор материала сетовал, что нет никаких сведений о выпускниках Фёдоре Дедюхине и Сергее Дудине.

Отмечу, что в поисках послевыпускных судеб братьев мне пытались помочь многие, но безрезультатно. Пришлось «включить» самого себя. Представляю краткий материал о двоюродных братьях Героя. Книга о них тоже будет написана, если здоровье автора этих строк сохранится на том же уровне.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ ДЕДЮХИН

После долгих «хождений» по интернет-дорогам, страницам «Из истории Советов» а также по тропам собственной памяти удалось установить, что Фёдор Иванович Дедюхин, сын Ивана Разумовича 1922 года рождения из деревни Германов Починок служил и воевал в 119-й стрелковой дивизии. В списках он значится «красноармеец, пулемётчик».

Фёдор Иванович погиб 3 декабря 1942 года в разгар Сталинградской битвы под хутором Нижняя Калиновка Суровикинского (Кагановичского) района теперешней Волгоградской области.

Дивизия, в которой он воевал, была создана в Калининской области в апреле–июле 1942 года как 119-я стрелковая (2-го формирования).

До конца июля её личный состав занимался боевой и политической подготовкой.

Впервые вступила в бой в ходе контрнаступления советских войск под Сталинградом в ноябре 1942 года в составе войск 5-й танковой армии Юго-Западного фронта в районе хутора Перелазовского (южнее г. Серафимович).

19 ноября 1942 года ранним утром мощные артиллерийские залпы возвестили о начале операции «Уран» – о начале битвы.

23 ноября, на пятые сутки после начала наступления, подвижные соединения Юго-Западного и Сталинградского фронтов замкнули кольцо окружения вокруг 6-й и части 4-й танковых немецких армий.

В донесении командующего Юго-Западным фронтом генерал-лейтенанта Н.Ф. Ватутина в Ставку ВГК от 01.12.1942 отмечалось, что 119-я ст. дивизия (командир – полковник М.М. Данилов) ведёт бой за полное овладение ж/д станцией Суровикино с юга. С потерей ст. Суровикино противник лишился важной магистрали Сталинград – Лихая. Поэтому именно на подступах к Суровикино разгорелись ожесточённые бои с отчаянно сопротивляющимся врагом, стянувшим сюда отборные части дивизии СС «Мёртвая голова», много техники и огневых средств.

Развивая наступление в южном направлении, после упорных многодневных боёв дивизия штурмом овладела сильно укреплённым узлом сопротивления противника Суровикино (15 декабря). В ходе этих боёв уничтожила свыше 1,5 тысяч вражеских солдат и офицеров, захватила большие трофеи.

За проявленные личным составом в боях с немецко-фашистскими захватчиками отвагу, стойкость, организованность и героизм была преобразована в 54-ю гвардейскую стрелковую дивизию (16 декабря 1942 г.). Фёдор Иванович хотя и не дожил до 16 декабря, однако остался в списках гвардейской дивизии как освободитель города Суровикино (переименование частей, усложнение поиска).

Как мы видим, 119-я дивизия получила номер 54 и стала гвардейской. То есть только за один месяц боёв она уже удостоилась этого высшего воинского титула. Значит, бойцы и командиры умели воевать. Значит, пулемёт красноармейца Фёдора Дедюхина крошил фашистов как надо.

Дивизией командовали: Кулагин, Иван Яковлевич (21.04.1942–20.11.1942), полковник; Данилов, Михаил Матвеевич (21.11.1942–11.05.1945), полковник, с января 1943 года генерал-майор.

Начальники штаба: Владычанский, Антон Станиславович (00.04.1942–00.09.1943) майор, подполковник, полковник.

Будьте внимательны! Ошибка писаря или что? – что Дедюхин и Пасынков имеют (последняя графа) одно и то же место жительства и даже одну мать – Пасынкову П.Г.?

Безусловно, не так. Мы полагаем, что мать его – моя родная тётя Дедюхина Александра Николаевна, жена Ивана Разумовича. И других вариантов нет!

Многие останки из первичных захоронений в районе боёв перенесены на мемориал под город Суровикино. Поэтому трудно установить конкретное место, где лежат останки Фёдора Ивановича. Но точно известно – на русской земле, между Доном и Волгой.

Мемориал на Поклонной горе в городе Суровикино. Высота 117,4

СЕРГЕЙ АНФИНОГЕНОВИЧ ДУДИН

Мой брат Сергей Анфиногенович Дудин родился в деревне Харитонов Починок Васильевского сельсовета Солигаличского района Костромской области в 1923 году.

Сергей окончил 7 классов Васильевской семилетней школы и Солигаличское педагогическое училище.

По призыву на войну учился в Горьковском зенитном артиллерийском училище. Не окончил. В чине младшего сержанта переведён в Люберцы в 6-й Отдельный воздушно-десантный истребительно-противотанковый дивизион 4-й воздушно-десантной дивизии (4 вДД).

Отец, Анфиноген Михайлович, зимой 1942 года навещал Люберцы. Он узнал из письма от матери, что Сергей находится в подмосковном городе, и, оказавшись вместе со своей воинской частью в Москве, в районе метро Сокол, отпросился у начальства навестить сына. Время военное. Суровое.

Вот что рассказывал отец: «Когда мне дали увольнение, я немедленно собрался в Люберцы. Я шёл всю ночь. Попутки попадались, но действовал приказ – никого не брать. На пропускной пункт части пришёл рано, около пяти утра.

Я сказал, что и как. «Поздно, отец, – ответил дежурный. – Полтора часа прошло, как их уже нет», – «Как нет?!» – «На фронт отправили». Я опешил. Потом заплакал... Пришло угнетение, и я понял, что сына никогда больше не увижу».

Так оно и получилось. Сергей пропал без вести. Таково было извещение. Где, что и как пропал – молчок. А это тогда считалось не очень достойным поступком. Может, врагу сдался? Или ещё что-то... Состояние беспокойное. Кроме того, за погибших на войне тогда родителям платили пособие, но за без вести пропавших – ничего.

Но не это было главным – больше угнетало состояние неизвестности.

Только в 1986 году мы узнали место гибели и первичного захоронения, а также место перезахоронения.

Узнали от учащихся школы села Белебелка Поддорского района Новгородской области, что смерть настигла Сергея в деревне Каркачёво.

Его останки и нашли пионеры школы. Нашим низкий поклон.

ДЕМЯНСКИЙ КОТЁЛ

(Историческая справка)

В конце января 1942 года наши войска окружили Демянскую группировку в составе 7 дивизий 16-й немецкой полевой армии под командованием генерал-фельдмаршала фон Буша. В «мешке» оказалось около 70 тысяч человек.

Но задача оказалась трудновыполнимой. В результате месячных боёв к 21 апреля немцам удалось пробить узкий так называемый «Рамушевский коридор» и прорваться к окружённой группировке. Бои шли в течение года, до марта 1943-го.

Рамушевскую горловину Демянского «мешка» немцы называли «коридором смерти».

16 февраля 1943 года из резерва Ставки ВГК 4-я вад была передана в состав 1-й ударной армии Северо-Западного фронта и переброшена из Люберец под Демянск, где заняла позиции на южном фланге так называемого «Рамушевского коридора». Ставилась задача: совместно с другими частями фронта перекрыть коридор, окружить и уничтожить в «Демянском котле» гитлеровскую группировку.

Наступление началось 15 февраля 1943 года. Полки трёх дивизий 11-й армии приступили к штурму укреплений «Рамушевского коридора». Противник, почувствовав нависшую над ним угрозу, начал поспешный вывод войск 16й армии из «Демянского мешка» через «Рамушевский коридор».

Неделю спустя в наступательную операцию включились 27-я и 1-я Ударная армии. Преследуя отходящего противника, две дивизии 11-й армии 23 февраля освободили Рамушево.

26 февраля 1943 года 4-я ввд впервые вступила в бой с противником, чтобы прорвать фронт вражеской обороны на участке Каркачёво – Пески и нанести удар на север в направлении деревни Глухая Горушка, расположенной на Старорусском шоссе.

Стрелковые атаки и оборону поддерживал 6-й гвардейский отдельный истребительно-противотанковый дивизион.

Сломив ожесточённое сопротивление гитлеровцев, дивизия ворвалась в Кривавицы и вскоре полностью овладела этой деревней. Здесь закрепился 15-й воздушно-десантный гвардейский стрелковый полк. Продолжая развивать успех, дивизия закрепилась на участке Устье – Глухая Горушка Старорусского шоссе.

В связи с выходом дивизии на Старорусское шоссе противник попытался вечером 28 февраля сбить её подразделения с захваченного накануне плацдарма на левом берегу реки Порусья и отбросить их за реку. С этой целью были нанесены мощный контрудар силами батальона с 5 танками вдоль шоссе со стороны Старой Руссы и вспомогательный контрудар ротой автоматчиков из района Пески. Не выдержав двойного удара, 12-й воздушно-десантный полк отошёл в направлении Кривавицы и вскоре прочно закрепился там, сохранив за собой часть занятого ранее

плацдарма. На этом рубеже дивизия оборонялась до 20 марта, ведя тяжёлые и в основном безуспешные бои по ликвидации «Рамушевского коридора», с целью отрезать демянскую группировку врага.

5 марта Сергей успел написать сестре Серафиме:

*Как иду в ночной дозор
На гору Соколю, –
Вспоминаю отчий дом
И родную школу.*

Открытие с текстом хранится до сих пор в нашей семье.

*Мемориал воинам 4-й гв. воздушно-десантной дивизии
в Поддорском районе*

26.03.1943 дивизия отведена в Елец на курское направление для включения в 53-ю армию резерва Ставки ВГК, где и находилась до 1 июля 1943 года.

На землях этого сравнительно небольшого пятка – «Рамушевский коридор» – захоронено более 9000 солдат из 50 частей и соединений Советской Армии, в том числе рядовые, сержанты и офицеры пяти Гвардейских Воздушно-десантных дивизий: 2-я ГВ ВДД, 3-я ГВ ВДД, **4-я ГВ ВДД**, 6-я ГВ ВДД и 9-я ГВ ВДД, – участвовавших в боях за освобождение Поддорского района от немецко-фашистских захватчиков. Все они сформированы были в Подмосковье (ноябрь–декабрь 1942 – январь 1943 гг.) и вошли в состав 1-й Ударной армии. Фактически все перечисленные дивизии, потерявшие до девяноста процентов личного состава, но сохранившие

Фрагмент захоронения в Самбатово

Боевые Знамёна, в конце марта были выведены из боёв на переформирование. После достойно воевали до Победы.

Сергей, как уже было упомянуто, перезахоронен на Самбатовском кладбище.

Деревня Самбатово, находившаяся в непосредственной близости от переднего края обороны советских войск, была полностью разрушена в годы войны.

Мы со старшей сестрой Серафимой побывали там, чтобы положить цветы на могилу брата и поклониться его праху. И всем воинам, кто лежит рядом с ним. В те времена там значилось 6330 могил.

Вот что было нами установлено:

Дудин Сергей Анфиногенович, гв. мл. сержант.
Дата рождения __.__.1923.

Место рождения: Ярославская обл., Солигаличский р-н.

Дата и место призыва: Солигаличский РВК, Ярославская обл., Солигаличский р-н.

Последнее место службы: 4-я гвардейская воздушная десантная дивизия.

Дата выбытия: 10.03.1943.

Причина выбытия: убит.

Первичное место захоронения: Ленинградская обл., Поддорский р-н, д. Каркачево.

Источник информации: ЦАМО.

Номер фонда ист. информации – 58.

Номер описи ист. информации – 18001.

Номер дела ист. информации. Дата донесения: 18.05.1943. Название части: упр. 4-я вд гв. див. – 94.

Рассекречено в соответствии с приказом
Министра обороны РФ от 8 мая 2007 года № 181
«О рассекречивании архивных документов Крас-
ной Армии и Военно-Морского Флота за период
Великой Отечественной войны 1941–1945 го-
дов» (с изменениями на 30 мая 2009 года).

Михаил Матусовский, в то время корреспон-
дент газеты «Красная звезда», написал стихот-
ворение.

*Здесь из всех щелей и нор
Автоматы бьют в упор.
Сам не знаю, кем он назван:
«Рамушевский коридор».*

*Ни тропинок, ни дорог.
Мир, взведённый, как курок.
Здесь пристрелян каждый камень,
Каждый куст и бугорок.*

*Здесь наш быт похож на бред.
Здесь с ума нас сводит свет
От прибитых прямо к небу
Ослепительных ракет.*

*Смерть в тебя вперяет взор
Сквозь оптический прибор.
Сколько нам он стоил жизней –
«Рамушевский коридор».*

*То ползи, то сразу в бег,
То спеши зарыться в снег.
Только здесь понять сумеешь
Всё, что сможет человек.*

*Кто, покуда не убит,
На снегу вповалку спит.
И земля дрожит от взрывов,
Будто впрямь её знобит...*

*Так и помню я с тех пор
Обгорелый чёрный бор
И четырежды проклятый
«Рамушевский коридор».*

Мемориал в Самбатово

ПРИЛОЖЕНИЕ № 9

В.А. Голубев, В.А. Дедюхин, Ю.А. Голубев, Л.А. Дудин. У дома дедова

Слева – Ключ, в берёзах – дом Разума Ивановича, прямо – на фоне памятного знака, на месте бывшей часовни во имя святой великомученицы Параскевы Пятницы – Куприянова Светлана Владимировна (дочь В.А. Дудина) и её сын Олег, д. Германов Починок. Знак поставлен моим внучатым племянником Николаем Валентиновичем Дудиным. Фото 29 августа 2016 года

ПРИЛОЖЕНИЕ № 10

В центре Ираида Ивановна Серогодская (Пьянькова) – бабушка молодым людям. Слева направо по кругу: Мария Девакова, Нина Космачёва, Николай Дедюхин, Анна Демкаева, Серафима Морозова

Мне эти дома с малолетства
Понять до конца помогли,
Что нет драгоценней наследства,
Чем чувство родимой земли.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 11

Лист 1

15 209 21

Обязательно все графы заполнять полностью.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Фамилия, имя и отчество Сорогодецкий Василий Львович

Военное звание лейтенант

Должность, часть командир взвода 69 истребительного авиационного полка.

Представляется к Званию Героя Советского Союза

1. Год рождения 1919 2. Национальность русская

3. С какого времени состоит в Красной Армии с 1937 4. Партийность вквм.

5. Участие в боях (где и когда) Восток, Одесса, Крым, октябрь 1941.

6. Имеет ли ранения и контузы не имеет

7. Чем ранее награжден (за какие отличия) Бредовским крестом, Красные знамя за храбрость и мужество.

8. Каким РВК призван ■

9. Постоянный домашний адрес: (представляемого к награждению или его семьи) ■

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Мов. Сорогодецкий отличился командиром летчик-истребителя корабельный во время летчиков на штурмовку германо-румынских франшистов.

Штурмовая группа во время боев с 26 и 95 стрелковыми дивизиями т. Сорогодецкий нанесены серьезные удары по пехоте врага, основными точками, линиями и коммуникациями.

За дни боев уничтожил истребил 139 боевых самолетов

Лист 2

306

из которых на штурмовку - 58, воздушной биты 21, разведку - 11 сопровождение биты бомбардировщиков - 10.

В. За авиации истребитель 78 боевых вылетов из которых на штурмовку - 46, воздушной биты - 8, разведку - 4 и сопровождение биты бомбардировщиков - 1.

Сам. т. Сорогодецкий лично был в воздушных боях с 25-го противника и в группе 4 с-та противника

За отличное выполнение боевых заданий на фронте борьбы с германо-румынскими франшистами и проявленную героизм, храбрость и мужество, на основании приказа КД Осер № 1899 от 19.8.41. т. Сорогодецкий удостоен высшей правительственной награды СССР - ордена Героя Советского Союза

Командир (Начальник) Взв. Мажор Шенянов

Д. авиация 1941. Воспитан ВВС бат. командир ВЗРавны

Лист 3

II. Заключение вышестоящих начальников

Командующий 330 ОДР
А. О. М. О. Р. И. Г.

Военный комиссар
Полковник комиссар
П. С. М. А. Л. О. В. /

Командар (Начальник)

24 СЕНТЯБРЯ 1941 г.

III. Заключение Военного Совета Армии

Предоставляю и присвоение звания "ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА"

Командующая 11-й Армией
Генерал-лейтенант
С. С. М. О. В. О. В. /

Член Военного Совета
Военный комиссар
П. С. М. А. Л. О. В. /

30 СЕНТЯБРЯ 1941 г.

VI. Заключение Военного Совета фронта (Округа)

За отличие в выполнении боевых заданий, проявленное при этом храбрость и мужество достоин высшей награды звания "ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА"

Командующий 4-й Армией
Генерал-майор
П. С. М. А. Л. О. В. /

Член Военного Совета
Военный комиссар
П. С. М. А. Л. О. В. /

30 СЕНТЯБРЯ 1941 г.

Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали "Золотая Звезда".
Указ Президиума Верховного Совета СССР
16. 2. 1942

Лист 1

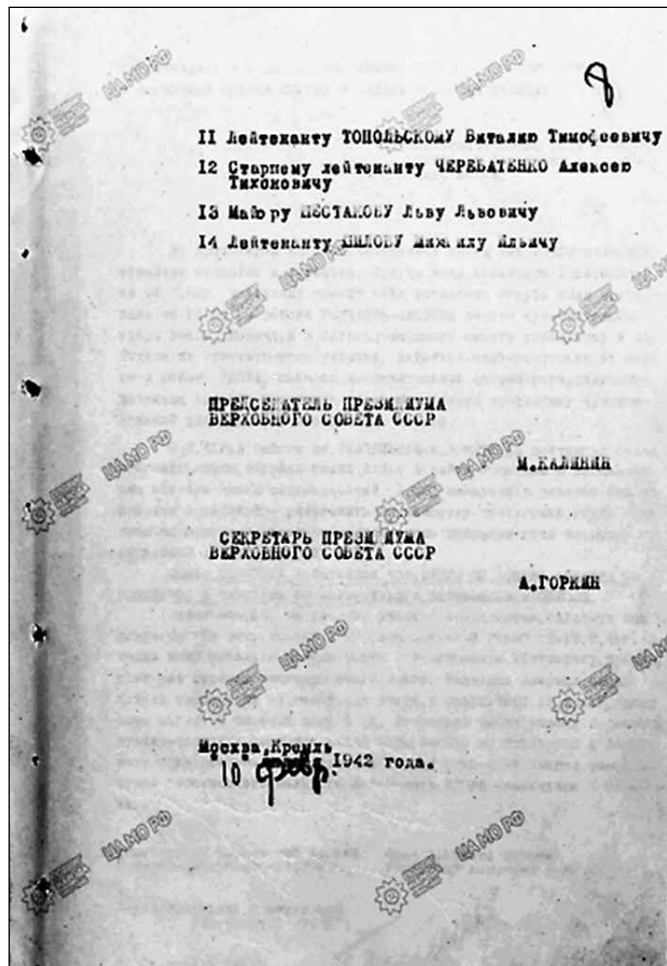
У К А З

ПРЕЗИДУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О присвоении звания ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА начальствующему составу Красной Армии.

За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм присвоить звание ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА с вручением ордена ЛЕНИНА и медали "ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА":

- 1 Капитану АСТАШКИНУ Михаилу Егоровичу
- 2 Лейтенанту БРЕУС Якову Георгиевичу
- 3 Старшему лейтенанту ЕЛОХИНУ Агею Александровичу
- 4 Лейтенанту КОРОЛЕВУ Ивану Георгиевичу
- 5 Старшему политруку АНИЩА Семену Андреевичу
- 6 Старшему лейтенанту МАЛАНОВУ Алексею Алексеевичу
- 7 Старшему лейтенанту ПОЛОЗ Петру Варнаковичу
- 8 Капитану РАКАЧЕВУ Ерию Борисовичу
- 9 Лейтенанту СЕРГОЛОСОВУ Василию Александровичу
- 10 Младшему лейтенанту СИМОНОВУ Владимиру Поликарповичу

ДЕДЮХИНЫ – СЕРОГОДСКИЕ (Макаровские)

Справа налево сидят: Дедюхин Николай Степанович, его сестра Серогодская Александра Степановна (Дедюхина) и две семьи Серогодских из деревни Макарово. Сейчас ведутся поиски неопознанных персонажей фотографии. Надо помнить фразу тёти Анны: «Все макаровские наши...». Из макаровских «наших» Россию прославил ещё один Герой Советского Союза – Михаил Николаевич Серогодский (1922–1989) – подполковник Советской Армии (см. главу «Память»).

Дедюхин, Николай Степанович (1877–1942). Жена Николая Степановича – Анна Ивановна Дедюхина (Пьянькова).

Родился Николай 12 апреля 1877 года, крещён 13 апреля. Родители – деревни Германов

Починок государственный крестьянин Степан Иванов Дедюхин и законная его жена Дарья Григорьевна, оба православные.

Чин крещения проводили настоятель Совдюжской церкви священник Константин Юшков и сверхштатный пономарь Аполлоний Подстаницкий. Крёстный отец – деревни Васильева государственный крестьянин Иван Григорьев Морозов.

О родословной Героя

(дополнение-письмо ко мне

Владимира Дудина):

«Леонид, с 1915 года церковным старостой Христорождественской Совдюжской церкви был крестьянин и сын крестьянина д. Германов Починок Серогодский Александр Иванович, 54 лет. Имел свой дом и землю. Грамотный. Жена: Наталья Александровна, 54 лет. Дети: Александр, 30 лет, Михаил 24 года. Вместе с ними проживает его сестра Мария Ивановна, 60 лет. *Клировые ведомости Совдюжской Христорождественской церкви за 1915 год.*

Я выслал Васе (Василию Дедюхину – Л.Д.) эту информацию, уточнить: не является ли Серогодский Александр Иванович родственником Герою, и вот что он пишет:

«Володя, Серогодский Александр Иванович – это отец моего деда Серогодского

Александра Александровича, а он отец моей матери и отец Героя, и где это ты нашел? Я дальше своего деда Александра Ал. ничего не знал, мать (Апполинария Александровна – Л.Д.) только рассказывала про бабушку Наталью, как она с ней ходила в гости в Токарёво, а дядя Миша жил у нас, умер в 1947 году, я его хорошо запомнил, спасибо тебе за такую информацию».

Леонид, хочу добавить, что в церковные старосты выбирали на трёхлетие уважаемых и обеспеченных людей прихода, имеющих в собственности землю. Получается, что Александр Иванович Сергодский был последним старостой до революции. Леонид, возможно, пригодится тебе информация по Герою. Эти данные с архивов Вологды. (клировые ведомости церковей Тотемского уезда).

Получается, что дед будущего Героя с 1915 года Александр Иванович Серогодский был последним старостой Христорождественской Совдюжской церкви. После революции, до закрытия церкви на Сове в 1930 году, он состоял членом Великовской религиозной общины». ГАКО ф. р-559, оп. 4, д. 5, л. 18

Мне удалось включить эту ценную информацию в уже свёрстанную книгу.

ОБ АВТОРЕ

Автор документальной повести «Василий Серогодский, Герой Советского Союза. Лётчик-истребитель» Леонид Анфиногенович Дудин – действительный член Академии российской словесности, автор книг: «На вершине пирамиды», «Испытатели» (части 1, 2), «Поехали!...», «Главный конструктор», «Сын земли русской», «Белоозёрский. Очерки истории», «Гвардии генерал Соколов», «Цветы Болгарии», «Почитай, Серафима, стихи».

Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова, лауреат Всероссийской музыкальной премии им. Андрея Петрова, премии имени Роберта Рождественского губернатора Московской области.

Обладатель многих правительственных и общественных наград, в том числе медалей К.Э. Циолковского, Ю.А. Гагарина, А.М. Исаева.

Ветеран Военно-космических сил.

Заслуженный испытатель космической техники.

Почётный гражданин № 1 городского поселения Белоозёрский.

Почётный гражданин Воскресенского района Московской области.

Народный поэт Подмосковья.

Этот именной Настольный Знак – награда Главного конструктора КБ им. А.М. Исаева (жидкостные ракетные двигатели, работающие в космосе). Надпись гласит: «Дудину Леониду Анфиногеновичу в честь 50-летия полёта Ю.А. Гагарина от Исаевцев»

Глава XI. Память

ОДЕССА

В первые месяцы Великой Отечественной войны правительственные награды присуждались чрезвычайно редко. Тем значимее двенадцать Золотых Звёзд, полученных в 1941-м авиаторами 69-го авиаполка за боевые действия в небе над Одессой. Тогда звание Героя Советского Союза было присвоено командиру полка майору Л. Шестакову, лётчикам М. Асташкину, А. Елохину, И. Королёву, С. Кунице, А. Маланову, П. Полозу, Ю. Рыкачёву, В. Серогодскому, В. Топольскому, М. Шилову, А. Череватенко.

Памятник героическим лётчикам сооружён в 1982 году на 5-й станции Большого Фонтана, где когда-то одесситы в считанные дни построили военный аэродром, находившийся, по сути дела, непосредственно на одной из городских улиц.

Авторы этого динамичного мемориала – скульпторы Николай Ерёменко и Виталий Патров, архитектор Василий Мироненко.

Навсегда в атаке

Отдают честь ветераны

Здесь, в центре Одессы, находился аэродром

«Поклонимся великим тем годам...»

ПАЛЛАСОВКА, ВОЛГОГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Здесь, в Палласовке, расположенной в необъятной, как небо, степи, в городском парке, спит вечным сном наш Герой – Василий Александрович Серогодский.

Палласовка – административный центр Палласовского района Волгоградской области. В нём нет памятников старины, нет шедевров архитектуры и искусства. Но зато здесь есть памятники и мемориальные доски, повествующие о мужестве и героизме, проявленных в годы испытаний.

Стоит Палласовка на небольшой речке Торгун, кругом – необозримая степь. Район протянулся на 170 километров с севера на юг и на 70 километров с запада на восток.

Через город проходит железная дорога Москва – Астрахань. В память о путешествовавших в XVIII веке в этих степях академиках Санкт-Петербургской Академии наук П.С. Палласе, С.Г. Гме-

лине, И.И. Лепёхине их именами и назвали расположенные рядом железнодорожные станции: Палласовка, Гмелинская, Лепёхинская.

Так на географической карте впервые появилось название Палласовка. В состав железнодорожной станции Палласовка входят: крупное тепловозное депо и подменный пункт, где сменяются экипажи тепловозов, грузовых составов и пассажирских поездов.

...Вероломное нападение фашистской Германии на нашу страну заставило перевести жизнь района на боевые рельсы. Летом 1942 года война пришла непосредственно сюда, в заволжские степи, опалив и Палласовку.

В необъятной, пустынной заволжской степи дислоцировались боевые самолёты 8-й Воздушной армии генерала Т.Т. Хрюкина, прикрывавшей с воздуха героических защитников Сталинграда, транспортные коммуникации. Среди 1600 ветеранов района двое уроженцев села Савинка удостоены высокого звания Героя Советского Союза – П.А. Дранко, Г.М. Губарев и уроженец села Ромашки И.Д. Ромашкин.

В городе (на 1 января 2018 года) проживает 14 940 человек.

Самая современная часть Палласовки – жилой многоэтажный массив, где живёт четверть населения города. Полным ходом идёт строительство частных домов, украшая город своей архитектурой, строится городок для семей пограничников.

Ещё недавно районный центр Палласовку чаще называли станцией, так как основная часть её

населения работала на железной дороге. Да и сейчас отряд железнодорожников, пожалуй, является одним из больших.

Весь город газифицирован. В нескольких километрах южнее города, среди ровной степи, стоит высокое здание с мощными трубами. Это Палласовская газокompрессорная станция. Многие тысячи кубометров газа в сутки перекачивают компрессоры.

Наибольший интерес в городе представляет городской парк на берегу пруда Бульбин. В парке много детских аттракционов, здесь же расположена летняя танцевальная площадка. В 200 метрах от неё находится городской стадион. В парке также расположены Дом культуры, здание Детско-юношеской спортивной школы.

Но самым знаковым сооружением является памятник Герою Советского Союза Василию Александровичу Серогодскому.

Изначально Герой был захоронен в селе Житкур. Вскоре эти земли отошли к закрытому авиаракетному полигону Капустин Яр, а его прах доставлен в Палласовку.

За мостом, отделяющим парк от Центральной площади, – набережная пруда Бульбин, где расположено здание ресторана «Золотое руно».

На Центральной площади размещается районная библиотека. Здесь же, в центре, возвышаются пятиэтажные здания, в одном из них работает городская администрация. Через дорогу от неё – стоматологическая поликлиника

Городской парк. Надгробный памятник Герою

информация о воинской захоронении

УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА
воинского захоронения

Приложение № 2
к приказу Министерства обороны СССР
1970 года №

страна
[]
номер карты

1. Место и дата захоронения

2. Вид захоронения

3. Размеры захоронения и его состояние

4. Краткое описание памятника (надгробия) на захоронении

РСФСР Волгоградская область, Палласовский район, г. Палласовка.
Похоронен в декабре 1942 года.
Индивидуальная могила Героя Советского Союза в городском парке Серогодского В.А. (1919-1942г.г.)

Мраморное основание: 11м длина, 14м ширина, надгробие мраморное, 3х2м. Чугунная ограда 15х12 м.

Скульптура хетника на 4-х граннике 3,60м; скульптура 2,20м. Общая высота 6,30м. На мраморе высечена надпись: "Вечная слава героям, павшим в боях за Советскую Родину", в хорошем состоянии.

и районный узел связи, кинотеатр «Восток», Детско-юношеский центр, универмаг, сбербанк.

В городе находится Дом юных натуралистов, сельхозтехникум, шесть школ, три детских сада, музыкальная школа; художественная школа, палласовский музей и музей области.

Молодёжь Палласовки можно увидеть среди студентов самых известных вузов России.

По большим меркам, это уже всё и есть меты российской истории, и память о тех, кто отдал свои жизни в борьбе с врагами нашей Родины, живёт, как видим, ярко, не ослабевая, в сердцах благодарных палласовцев.

5. Количество захоронений:

Всего		Итого численность:	
		мужчины	женщины
I	воинскому-жадия	I	-

6. Персональные сведения о захороненных

№	В-ские	Фамилия, имя	Год	Дата гибели	Место захоронения на кладбище, участок	Откуда
или	номер	отчество	рождения	или смерти	кладбище	похоронен
1		ст. лейтенант Серогодский	1919	12.1942	городской парк	из с. Липтур
2		Василий			г. Палласовка	в мае 1958г.
3		Александрович				

7. Кто шефствует над захоронением

Средняя школа № 2, ПМЭС, ПМК-29, мясокомбинат

8. Фотографии захоронения

9. Схема расположения захоронения

10. Представитель Министерства обороны СССР

Палласовский районный военный комиссар: В.С. Чеботарев

Управляющий делами Палласовского исполкома райсовета: В.Н. Морозов

25 августа 1991г.

Палласовка. Улица им. Василия Серогодского

ПОСЁЛОК СЕРОГОДСКИЙ

Основан во второй половине XX века. В 1962 году населённому пункту, возникшему на базе бывшего участка заготскот Палласовского поселкового Совета, по просьбе жителей было присвоено наименование – посёлок Серогодский. Это очень трогательное событие: увековечено имя лётчика – героического защитника нашего Отечества. На топографических картах 1985 и 1987 годов он ошибочно отмечен как посёлок Серогородский. Но вскоре это недоразумение было поправлено.

Посёлок расположен в степи, близ государственной границы с Республикой Казахстан. По автодорогам расстояние до районного центра города Палласовка составляет 17 км.

Посёлок Серогодский. Снимок из космоса

В посёлке семь улиц: Восточный переулок, ул. Карпенко, ул. Территория Животноводческая точка, ул. Серогодского, Садовая улица, Степная, Новая.

Население – 287 человек.

По данным «Справочника административно-территориального деления Волгоградской области» за 1989 год в состав Палласовского района входили следующие сельсоветы и населённые пункты: Палласовский горсовет; пос. Зелёный; пос. Лиманный; пос. Серогодский.

Первоклассники пос. Серогодский

В 2004 году Законом Волгоградской области от 30 декабря 2004 года № 982-ОД «Об установлении границ и наделении статусом Палласовского района и муниципальных образований в его составе» посёлок Серогодский включён в состав Лиманного сельского поселения с центром в посёлке Лиманный.

Серогодская начальная школа

Сельский клуб пос. Серогодский

Ал. ПЕТРОВ. Он будет жить!

*Больничный запах, свист военных вьюг
И боль утрат мы будем помнить вечно.
– Скажите, доктор, выдержит ли друг?
– Не беспокойтесь. Выдержит. Конечно.*

*– Он будет жить?
– Да. Будет, – был ответ,
Но страшной скорбью сердце сжало лютю,
Когда услышал я сквозь боль и бред
Негромкий залп прощального салюта.*

*Тяжёлый шторм войны отбушевал,
И навсегда товарища не стало...
Но возвратился он и прочно встал
На новый пост – на мрамор пьедестала.*

*Я на него внимательно смотрю.
И, как при встрече, радостно, сердечно,
Я в полный голос другу говорю:
«Ты – жив! – и будешь жить извечно!»*

Здесь и в Палласовском районе о Василии Александровиче помнят как о Человеке-Легенде.

МОСКВА, ПЕРОВО

13 ноября 2018 года в гимназии № 2072 Москвы (м. Перово, здесь находится музей 9-го полка) прошла встреча ветеранов, учителей и школьников, посвящённая подготовке к празднованию 80-летия 9-го гвардейского Краснознамённого Одесского ордена Суворова III степени истребительного авиационного полка.

Стела героям полка. Имя нашего Героя – 5-е снизу

Встреча началась с вахты памяти у стелы лётчикам-героям 9-го гв. ИАП и экскурсии по музею.

После посещения музея под руководством заместителя директора Белкановой Елены Алексеевны и при участии ветеранов 9-го гв. ИАП прошло конструктивное совещание по подготовке празднования 80-летия полка 13 сентября 2019 года.

На встрече присутствовали: первый заместитель главнокомандующего – начальник штаба войск ПВО страны – генерал-полковник авиации Мальцев Игорь Михайлович (командир 9-го гв. ИАП), генерал-майор Самойлов Фёдор Григорьевич (лётчик 1-й АЭ 9-го гв. ИАП), полковник Стош Владимир Иванович (командир 9-го гв. ИАП), полковник Паламарчук Дмитрий Александрович (зам. командира 9-го гв. ИАП по ИАС), полковник Максимов Геннадий Павлович (начальник группы РЛО 1-й АЭ 9-го гв. ИАП) и подполковник Никулочкин Александр Дмитриевич (старший штурман 9-го гв. ИАП).

Много было воспоминаний, откровений, говорились слова скорби и радости, уважения и любви, читались и такие вот добрые военные стихи.

*От Чёрного моря до Волги-реки,
Над степью донской и Донбассом
Водили в сраженья свои «ястребки»
Советские славные асы...*

Город СОЛИГАЛИЧ, КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

Солига́лич (др.-рус. Соль Галичская) – город в Костромской области, административный центр Солигаличского района.

Город расположен в верхнем течении реки Костромы (левый приток Волги), на Галичской возвышенности (западная часть Северных Увалов).

Население – 5976 чел. (2017).

С 1841 года существует Бальнеогрязевой курорт им. А.П. Бородина.

Главное предприятие современного города – Солигаличский известковый комбинат.

Дремучие леса в верхнем течении реки Костромы, где расположен Солигалич, до прихода славян были заселены финно-угорским племенем меря.

Город Солигалич. Центр. Красная площадь

Город упоминается в летописях с 1335 года как **Соль Галичская**. «Соль» указывает на существование на этом месте соляных промыслов, а «Галичская (Галицкая)» – на принадлежность к Галичскому княжеству со столицей в Галиче Мерском.

XVII век был эпохой процветания города, благополучие которого обеспечивали соль и известь.

В 1609 году в Солигаличе было учреждено воеводство, с 1778 года – уездный город Костромской губернии.

Долгое время Солигалич был одним из крупнейших центров соледобычи в России.

В 1808 году деревянный город практически полностью уничтожил пожар, его отстраивали заново.

Массовое солеварение прекратилось в 1823 году, так как к этому времени были обнаружены залежи соли в других местах, где процесс её получения был намного проще. (Например, озеро Эльтон в Палласовском районе Волгоградской области, или озеро Баскунчак в Астраханской области).

К середине XIX века получают развитие изготовление дёгтя и кузнечный промысел, причём железо было не привозное, а местное, добываемое из окружающих город болот.

С начала XX века активно развивается лесная промышленность.

В 1841 году купец Василий Кокорев открыл на месте бывших соляных месторождений водо-

лечебницу, минеральные воды которой в 1858 году исследовал известный химик и выдающийся композитор Александр Порфирьевич Бородин.

В городе имеется 61 памятник архитектуры, в том числе одиннадцать памятников федерального значения и 50 памятников местного значения. Уникальной сокровищницей является краеведческий музей имени Геннадия Невельского – адмирала, исследователя Дальнего Востока, основателя города Николаевска-на-Амуре.

Солигалич. Видна радиально-кольцевая планировка города.

*От центра в правый нижний угол фото
идёт радиально широкой лентой рошица.*

Это и есть улица имени Василия Серогодского.

Сверху кажется – таёжная...

Снизу – широкая, светлая, тёплая. «Родная улица моя...»

Как видно на фотографии, город имеет историческую радиально-кольцевую планировку, расходящуюся от Красной площади. Улицы застроены в основном деревянными домами со светёлками, фронтонами, нарядными резными балконами, подзорами, наличниками, что позволяет отнести его к ценнейшим памятникам градостроительного искусства. На улицах Солигалича попадаются подлинны шедевры резьбы по дереву. Неповторимые узоры наличников, особый орнамент балкончиков и крылечек создают впечатление театральной декорации.

Одна из самых красивых улиц города – улица имени Василия Серогодского. Она, наверное, и самая древняя, потому как первых поселенцев сразу привлекла радость находки солёного ручья. И стали по крутым и лесистым берегам строиться дома, поднимаясь вверх по течению до самых его истоков.

Ручей называется Шашков, или Солёный. Здесь всё естественно и необыкновенно: и место будущего парка Победы, и мостки с одного берега на другой, и хвойно-лиственные пейзажи средне-русской земли. И, конечно, уют и красота домов.

Где ещё видано, чтобы посредине улицы протекал ручей, по обоим берегам которого, сохранив живую природу, строились дома с аккуратными дорогами, не нарушая уникальную древность!

Своё нынешнее название улица получила в 1965 году в честь Героя Советского Союза старшего лейтенанта Василия Александровича Серогодского, командира эскадрильи 9-го

гвардейского Краснознамённого истребительного авиационного Одесского ордена Суворова полка, погибшего под Сталинградом 24 декабря 1942 года в возрасте 23 лет.

Решение увековечить таким образом его память принято исполкомом Солигаличского городского Совета 19 февраля 1965 года.

Улиц с подобным ландшафтом в городе больше нет. Послушаем ветерана труда Александру Ивановну Королькову: «Я давно живу на этой улице и считаю её самой красивой. Радуюсь, когда вижу, как молодёжь здесь обустраивается, давая вторую жизнь старым домам, значит, есть и будущее у нашей улицы».

Надо согласиться со словами Александры Ивановны, что её улица – одна из самых нарядных улиц города Солигалича.

*Вид на улицу Василия Серогодского
в сторону истока Шашкова ручья*

Левая сторона улицы (фрагменты)

Правая сторона улицы (фрагменты)

А будет ещё нарядней, когда завершится оформление парка Победы, заложенного 55 лет назад, когда заживут новой жизнью пруды, берега, засияют дорожки, наполнятся аттракционы детьми и музыкой...

Город Солигалич – символ моей юности, моей учёбы, любви. Боль моя и радость моя. Здесь нет для меня неисторических мест... Но об этом будет рассказано в повести «Солигалич на горе».

Много наш край дал России выдающихся личностей, таких как Василий Кокорев – российский предприниматель, банкир; Венедикт Дзелепов – известный физик-экспериментатор; Иван Сытин – русский книгопечатник; Иона Московский – митрополит Киевский и всея Руси с 1448 по 1461 гг.; Александр Вочский – святой Русской церкви; преподобная игуменья Феофания (Готовцова) – основательница и первая настоятельница Воскресенского Новодевичьего монастыря; Мария Милославская – царица; майор Фёдор Горталов – герой русско-турецкой войны; Лаврентий Серяков – русский художник-гравёр; Александр Бородин – русский композитор, учёный – химик и медик; Григорий Островский – русский художник; Иван Купреянов – управляющий Русско-американской компанией; Павел Куприянов, Сергей Шипов – герои отечественной войны 1812 года; боевые офицеры Великой Отечественной – генералы Михаил Соколов, Александр Колесов и тысячи других достойных граждан, прославивших наш город и район.

СОЛИГАЛИЧАНЕ – ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

- Воробьёв Николай Павлович (13.12.1922–03.12.2013) – Тутка;
- Дудин Александр Протальонович (15.02.1919–14.03.1982) – Совега;
- Петров Виктор Михайлович (21.07.1925–17.05.1997) – Шипово;
- Савельев Василий Львович (15.01.1911–17.01.1986 – Рогово;
- Серогодский Василий Александрович (21.01.1919–24.12.1942) – Совега;
- Серогодский Михаил Николаевич (14.11.1922–24.04.1989) – Совега.

КАВАЛЕР 3 ОРДЕНОВ СЛАВЫ

- Хопов Павел Сергеевич (04.07.1909–26.08.1993) – Малышкино.

Рождественский собор – одно из ярких сооружений Солигалича, его знаковый взлёт. Заложен в 1668 г. попечительством царицы Ирины Милославской. Автор строк – один из многих, рождённых в далёком благочинии, был крещён в этом небесном храме.

СОВЕГА, или ВАСИЛЬЕВСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ СОЛИГАЛИЧСКОГО РАЙОНА КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Самый первый памятник на родной земле был установлен прямо под окнами дома Серогодских. За три четверти века памятник не один раз обновлялся. Менялся его материал и покраска. Не менялись только никогда надпись и память о человеке, который здесь когда-то жил.

Племянник Героя (считай, полный его тёзка – Василий Александрович Дедюхин) все прошедшие большие годы не устал ухаживать за этим символом светлой грусти.

Снимок сделан главой поселения Риммой Алексеевной Чистяковой и прислан для книги.

Совега. Памятник солдату

С памятником, что установлен в Парке Победы на Совеге, жителям поселения, прямо скажем, повезло. Наш земляк из деревни Великово, генерал-майор Попов Дмитрий Алексеевич, будучи в отпуске, задал сам себе и народу вопрос: а почему же у нас нет памятника воинам, погибшим за нашу Родину? И все растерялись. И никто не может ответить на такую, вроде бы простую, мысль. Но все были «за» и поручили это святое дело генералу.

Дмитрий Алексеевич в Москве заказал монумент солдата. И привёз на родину. Церемония открытия памятника состоялась 11 июня 1972 года.

Безусловно, без слёз событие не обошлось. Но устанавливался и внутренний покой: несокрушимый образ солдата вобрал в себя 336 имён – стало возможным кому принести цветы и кому поклониться.

Открытие памятных досок Героям состоялось позднее.

Перед открытием стелы Героям

По дороге к Парку Победы

Стела открыта. Выступает глава поселения Галина Чистякова

Народ, цветы...

Слово держит глава района Ольга Чичерина

Возложены цветы

Хотелось бы отметить, что финансовое обеспечение изготовления каркаса, мемориальных досок Героям, их транспортировка и установка принадлежит полностью стараниям Владимира Дудина. Помогали ему Евгений Антонов, Сергей Аносов, Алексей Чистяков. Установка стелы состоялась 8 мая 2011 года.

*Двоюродные братья Василий Дедюхин и Владимир Дудин
в музее Васильевской школы у стендов Боевой славы*

*Совегане мои, совегане,
Разошлись по музеям страны,
По священным погостам, курганам,
Оставаясь присяге верны.*

*Но в Починках или в Токарёвах –
Чтоб нигде наш не ведал народ! –
Неизбывного бабьего рёва,
Что кидает деревни в озноб.*

ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕРОГОДСКИЙ (ОСНОВНЫЕ ДАТЫ БИОГРАФИИ)

1919 – год рождения – 21 января.
1927 – Васильевская семилетняя школа.
1932 – окончание 5 классов. Переезд к сестре Галине в Ленинград.
1932–19 июля – вступление в ряды ВЛКСМ (Все-союзного ленинского коммунистического Союза молодёжи).
1933–1935 – учёба в школе ФЗУ (фабрично-заводское училище).
1935 – токарь на Балтийском заводе. Одновременно учёба в парашютной, а затем в планерной школе.
1936–21 марта – характеристика комсорга арматурного цеха для поступления в лётную школу.
1936 – получение звания инструктор-планерист.
1936 – учёба в Ленинградском аэроклубе.
1937 – Борисоглебская военная авиационная школа лётчиков.
1938 – окончание школы.
1939 – служба в г. Запорожье.
1939–13 сентября – сформирован 69-й полк на ст. Мокрая, Запорожье.
1939 – октябрь – полк в составе четырёх эскадрилий И-16 перебазировался под Одессу на аэродром Школьный-1.
1940 – служба в Одессе до 16 октября 1941 года.
1941–22 июня – боевое крещение полка.
1941–5 августа – Ставка Верховного Главнокомандования дала директиву Главнокомандующему

Юго-Западным направлением Маршалу Советского Союза С.М. Будённому: «Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот».

1941–6 августа – командир звена. Оборона Одессы.

1941–13 августа – представление к ордену Красного Знамени.

1941–26 сентября – представление к званию Героя Советского Союза.

1941–14 октября – эвакуация в Крым.

1941 – конец октября – прибытие в Закавказье, Гудермес.

1941–5 ноября – Постановление № 016/4 Военного совета Южного фронта о награждении Василия Александровича орденом Красного Знамени.

1941 – конец ноября, Кировабад – участие в перевооружении и переформировании 69-го ИАП (из состава полка выделяется новый полк – 69-й «А» ИАП, позже – 790 ИАП). ЛаГГ-3.

1942–21 января – письмо из Кировабада.

1942–10 февраля – Указ о награждении полка орденом Красного Знамени.

1942–10 февраля – Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Василию Александровичу звания Героя Советского Союза.

1942–7 марта – приказом № 70 НКО полк преобразовывается в 9-й ГИАП.

1942–1 июня – вручение полку гвардейского знамени.

1942–10 июня – окончание переучивания на ЛаГГ-3. Командир эскадрильи.

1942–13 июня – направление в состав Юго-Западного фронта, 8 ВА, 268 ВАД.

1942–15 июня – 12 июля – бои от Харькова до подступов к Сталинграду в составе Юго-Западного фронта, 8 ВА, 268 ВАД.

1942–12 июля – Сталинградский фронт, 8 ВА, 268 ВАД.

1942–5 августа – сбил 1 МЕ-109.

1942–26 августа – принятие 8 новых ЛаГГ-3 от 156-го ИАП.

1942–3 сентября – представлен к ордену Красного Знамени.

1942–5 сентября – сбил 1 МЕ- 110.

1942–17 сентября – полк выведен на левый берег Волги пос. Житкур для освоения Як-1.

1942–22 сентября – награждён орденом Красного Знамени.

1942 – октябрь – ноябрь – переформирование боевой части (с. Житкур, г. Пугачёв) в полк «асов».

1942 – ноябрь – участие в контрнаступлении в битве за Сталинград.

1942 – декабрь – бои в составе Южного фронта.

1942–24 декабря – погиб при испытании самолёта Як-1.

БИБЛИОГРАФИЯ

История второй мировой войны 1939–1945 гг. (в 12 томах) – М.: Воениздат, 1973–82. – Т. 3–7 (1975–76).

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. (в 6 томах). – М.: Воениздат, 1960–65. – Т. 5 (1963). – 652 с.

Иванов, С.Н. Военные училища Наркомата Обороны СССР в Сибирском военном округе в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: Дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Иванов Сергей Николаевич [Место защиты: Ин-т истории СО РАН]. – Новосибирск, 2010. – 361 л.

Дудин, В.А. История костромских лесов. – Кострома: ДиАр, 2000. – 256 с.

Дудин, В.А. Из истории Совеги. – Кострома: ДиАр, 2014. – 560 с.

Дудин, Л.А. Гвардии генерал Соколов. – Издательский Дом «Серебро Слов», 2013. – 340 с.

Бокарев, В.П. Военные училища – школа подготовки офицерских кадров. – М.: Знание, 1982. – 64 с.

Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 415 с.

Захарин, И.В. Великая Отечественная война – день за днём. – М.: Военное издательство, 2008. – Т. 2. – 472 с.

Лавриненков, В.Д. Возвращение в небо. – М.: Воениздат, 1974 (глава «Сталинград – рубеж жизни»).

Лавриненков, В.Д. Сокол-1. – М.: ДОСААФ, 1976–208 с. (о Льве Львовиче Шестакове)

Лавриненков, В.Д., Беловол, Н.Н. Шпага чести. – М.: Воениздат, 1988. – 270 с.

Типпельскирх, К. История второй мировой войны. – СПб: Полигон; М.: АСТ, 1999.

Череватенко, А.Т. Небо Одессы, 1941-й. – Одесса: Маяк, 1978. – 176 с.

Филипенко, А., Савченко, В. Оборона Одессы. 73 дня героической обороны города. Юновидов, А.С. Оборона Одессы. 1941. Первая битва за Черное море. – М.: Вече, 2011. – 452 с.

Материалы музея Боевой славы (9-й гвардейский Краснознамённый авиационный истребительный Одесский полк). Гимназия 2072, г. Москва.

Материалы музея Борисоглебского Краснознамённого высшего лётного училища.

Книга Памяти. Палласовский район Волгоградской области.

Архив научного общества «Импульс» МОУ СОШ № 2, папка «Великая Отечественная война». Папка № 4.

Копия письма в редакцию газеты «Красная Звезда». Архив газеты «Рассвет» за 1975, 1995, 2002 гг.

Архив научного общества «Импульс» МОУ СОШ № 2. папка № 4 «Великая Отечественная война», Палласовка.

Архив районной газеты «Солигаличские вести».

Реферат Анны Бодю, ученицы школы № 2 города Палласовки.

Сайт «Красные соколы» / и /all11/serogod.htm

Содержание

От автора	3
Глава I. Рождённый летать.....	11
Глава II. Завтра война	45
Глава III. Одесса в огне	81
Глава IV. Блокада Одессы	105
Глава V. Дорога в Крым, или пути господни	157
Глава VI. Подготовка к новым сражениям	167
Глава VII. О потерях, вере и партии	199
Глава VIII. С боями от Харькова до Сталинграда	217
Глава IX. Сталинградская битва	253
Глава X. Приложения	315
Глава XI. Память	363

Леонид Анфиногенович Дудин

Документальная повесть

ВАСИЛИЙ СЕРОГОДСКИЙ Герой Советского Союза Лётчик-истребитель

Редактор *Н. Дудина*

Корректор *А. Русских*

Копьютерная вёрстка *Е. Ветрова*

Подписано в печать 18.12.2018. Формат 84х108/32.
Бум. офс. 80 г/м². Печать цифровая. Объём 12,5 усл. п/л.
Гарнитура Warnock Pro. Тираж 500 экз. Заказ № 1900

ISBN 978-5-907154-10-0

9 785907 154100

Отпечатано в типографии «Book Jet»
390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д.18
Сайт: <http://bookjet.ru>
Почта: info@bookjet.ru
Тел.: +7 (4912) 466-151